

Ю. ЛАРИН и Л. КРИЦМАН.

ОЧЕРК ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1 ноября 1917—1 июля 1920 г.

Земледелие.—Транспорт.—Топливо.—
Продовольствие и потребление.—Цены
и деньги.—Пролетариат.—Промышлен-
ность.—Тенденции хозяйственного
строительства.—Формы и методы.—
Структура аппарата.—Фазы развития.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Этот обзор написан в пару дней по случайному поводу (приезд заграничной делегации). Автор принужден был пользоваться только теми цифрами, которые случайно были у него в комнате, не имея возможности разыскивать специально подробные данные. За всем тем, отсутствие какого бы то ни было другого подобного обзора за 2¹/₂ года нашей власти делает полезным опубликование его и для русских товарищей. Характер и цель очерка побуждали избегать каких-либо рассуждений об экономической политике и теоретических изысканий, а ограничиться установлением основных фактов социально-экономической истории Советской России. Автор добросовестно старался не прикрашивать истории, насколько только это возможно лицу, бывшему более двух лет одним из непосредственных ее создателей и постоянно «придумывавшему» всякие ее шаги: сегодня «Главки», а завтра «советские хозяйства», сегодня — «аннулирование займов», а завтра «Промодежду» и т. д. и т. п. Когда автобиография сливается с историей, тогда трудно сохранить полную объективность в оценке этой истории. Страх пристрастия, быть может, заставил меня даже более подчеркивать темные стороны.

Ю. Ларин.

Москва, 10 июля 1920 г.

I. Предпосылки.

Овладевший 7 ноября 1917 года государственной властью пролетариат застал Россию в состоянии крайнего и все нараставшего хозяйственного развала, истощения и упадка.

На железных дорогах запасов угля имелось всего на 10 дней*). Авторитетными представителями добольшевистского режима незадолго до переворота был сделан старому Исполкому Петр. Совета официальный доклад о неизбежности полной остановки железнодорожного транспорта в ближайшие же месяцы. Интенсивность работы железнодорожников стояла на наиболее низком уровне, чем когда бы то ни было раньше и позже. Даже когда иностранные империалисты и поддерживаемые ими русские контр-революционеры отняли впоследствии у Советской России целые тысячи паровозов и вагонов,—и то перевозилось больше грузов и более быстро, чем это имело место зимою 1917—1918 года.

То же происходило и в прочих отраслях хозяйства. Правительство Керенского почти совершенно не организовало заготовки дров. Привоз угля из-за границы через Архангельск (вместо довоенного привоза через Петроград) был прекращен «союзниками» после торжества рабочей революции. Украинский уголь и кавказская нефть уже ко времени переворота были почти заслонены от средней и северной России «украинской радой» (Петлюра) и донским казачьим офицерством (генерал Каледин). После переворота 7 ноября стена эта была всемерно укреплена иностранными империалистами и германского и английского лагеря и на долгое время оставалась непроницаемой. Положение и перспективы Советской России с топливом казались при таких условиях совершенно безвыходными — до тех пор из всего расхода топлива для промышленности, транспорта и пр.: на уголь и нефть приходилось в России 85⁰/₁₀.

Заготовка продовольствия почти не производилась, несмотря на объявленную правительством Керенского в апреле 1917 г. хлебную монополию. В августе Керенский сразу удвоил цены на хлеб, но и это мало помогло. Как ни слаб был продоволь-

*) Повинк. Политика дров. загот. Нар. Хоз. № 11—12 за 1919 г.

ственный аппарат Советской власти в первый год ее существования, как ни уменьшилась в это время территория ее господства сравнительно с дореволюционной Россией,—все же в осенние месяцы 1918 г. (август—октябрь) заготовки государством хлеба оказались больше, чем в эти же месяцы было заготовлено в 1917 г. правительством Керенского. По этому примеру можно судить, в каком продовольственном состоянии застала страну Советская власть.

Промышленность останавливалась. Взаимно укреплявшие и развивавшие друг друга кризисы—транспортный, топливный и продовольственный—соединились к зиме с прекращением военных заказов и бегством рабочих из городов в деревни под влиянием ставших слишком тяжелыми условий крупногородской жизни. Резче всего этот процесс обозначился в Петрограде, несколько слабее в Москве. В Петрограде с лета 1917 г. до весны 1918 г. население уменьшилось с $2\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ милл. человек, в Москве—с 2 также до $1\frac{1}{2}$ милл. и так затем на этой цифре приблизительно уже и осталось. В начале декабря 1917 г. установив факт фактической остановки большинства крупных предприятий,—правительство особым актом закрепило ее на $1\frac{1}{2}$ месяца, чтобы создать возможность организованного упорядочения унаследованного и естественно усиливавшегося первое время развала. Производительность труда промышленных рабочих соответствовала тому жалкому питанию, какое они получали.

В земледелии советский режим застал картину почти полного исчезновения крупного культурного хозяйства. Правительство Керенского не обратило в государственную собственность крупных капиталистических сельскохозяйственных предприятий прежних помещиков. Но устоять перед напором крестьянских масс помещики не могли и, оставляя свои земли в своей собственности, почти сплошь сдавали их в аренду крестьянам. Вместо отмирания прежних эксплуататорских форм использования земли политика Керенского приводила только к замене высокой в техническом отношении формы (путем организации капиталистического хозяйства) формой в техническом отношении означавшей возврат к примитивизму. Советская власть получила Россию в виде страны с почти безраздельно господствующим в земледелии мелким крестьянским хозяйством, с падающей интенсивностью земледелия, с разрушенной организацией общественной агрономии и т. д.

Словом, во всех областях хозяйственной жизни пролетариат застал в конце 1917 года такое положение, при котором противники переворота со спокойной уверенностью предсказывали неизбежность скорого крушения «большевистской авантюры», каковы бы ни были первые политические успехи большевиков. И это тяжелое положение было усугублено еще

двумя дополнительно явившимися обстоятельствами: 1) упорной блокадой со стороны всех буржуазных государств, надолго почти изолировавшей Советскую Россию от остального мира, 2) необходимостью вести войну одновременно во всех направлениях, какие только можно придумать: на север, юг, восток и запад.

Прошло 2 $\frac{1}{2}$ года — и Советская Россия не погибла. Больше того: если к лету 1918 года у нас было всего триста тысяч войск, то в начале 1920 г. Советская Россия содержит уже армию в три миллиона, снабжает ее одеждой, боевыми припасами и т. д. Железные дороги не только не стали, но перевезли грузов в 1919 г. больше, чем в 1918 г., а в 1920 г. больше, чем в соответствующую часть 1919 года. Государственные заготовки топлива и продовольствия делаются успешнее год от года и оказались достаточными, чтобы при их помощи страна пережила самые трудные, первые после революции годы, не только не погибнув, но с успехом проведя за то же время длительную военную борьбу с окружившими ее было контр-революционными армиями. Государство не только не погибло от иностранной блокады, но сумело ответить на нее организацией ряда несуществовавших ранее в России производств—до производства «русских танков» включительно. Через 2 $\frac{1}{2}$ года после образования первого рабочего государства оно стоит наиболее могущественным во вне и наиболее крепким внутри, чем когда-либо раньше.

Ценою невероятных лишений, постоянного будничного, изодня в день, героического самопожертвования достиг российский пролетариат этих результатов. Блестящие успехи, как итог почти трехгодичного исторического периода, означают море бедствий, отказ от необходимейших удобств жизни со стороны миллионов людей в их повседневной жизни—во имя того, чтобы эти блестящие в историческом масштабе успехи вообще могли быть достигнуты. Ибо иначе они и не могли быть достигнуты в том экономическом положении, в каком унаследовала Россию от своих предшественников пролетарская власть. И только их достижение, только то, что ценой изуродования, вырождения и всяческого иного подчинения личных интересов великим целям всего класса, авангард пролетариата удалось задержать и предотвратить конечную хозяйственную гибель России,—только это создает теперь возможность, по миновании наиболее тяжелых первых годов, в несколько большей степени, чем прежде, сосредоточить внимание и на непосредственном улучшении быта. Но работа по поднятию основных отраслей хозяйства, по воспроизводству средств производства и транспорта и промышленного сырья, во всяком случае, и в течение ближайшего ряд лет останется в России

на первом плане: мало остановить развал народного хозяйства, надо еще поднять его вверх. Ибо лишь на повышении технического уровня, на увеличении массы производимых продуктов может развернуть исполнение всех ожиданий и обещаний социалистическая организация общества.

II. Земледелие.

Главная масса населения Советской России занимается, как известно, земледелием. Под властью советов живет в настоящее время, к 1 мая 1920 г., около 125 милл. человек; из них почти 80 миллионов приходится на коренную советскую Россию, на основное ее ядро, то-есть на Европейскую Россию без Украины и Донской области, без Кавказа и без Минской губернии, которая оккупирована почти все время неприятелем (до 1 июля Польшей, раньше Германией). Данные настоящего очерка относятся только к этому коренному ядру, ибо только оно жило все время как единый хозяйственный организм с небольшими сравнительно колебаниями, в зависимости от временных успехов окружавших его войск Колчака, Деникина и прочих врагов (однако, ниже 70 миллионов чел. население территории под властью советов вообще не падало).

Из 80 милл. населения Советской России (в Европе без Украины, Дона и Кавказа) на армию приходится около 2 милл. (остальная часть армии на Украине, на Кавказе и в Сибири); на рабочих и членов их семей—почти 13 милл. чел. (около 16⁰/₁₀₀ населения); на остальных жителей городов и других населений городского типа несколько менее 8.400 тыс. чел. (около 10¹/₂⁰/₁₀₀ населения, главным образом административные, торговые, врачебные, педагогические и прочие служащие с их семьями, но еще почти 3 милл. приходится на так называемую «третью категорию», не являющуюся ни рабочими, ни служащими); на постоянных кустарей с их семьями около двух миллионов *) и на крестьян около 55 милл. **). Иначе сказать на крестьян приходится сейчас около 70⁰/₁₀₀ населения, то-есть не меньше и даже чуть-чуть больше, чем было на той же самой территории перед войной 1914 г.

*) Под постоянными оседлыми кустарями имеются в виду жители таких деревенских поселений, которые прекратили или почти прекратили занятие земледелием и работают над изготовлением для сбыта различных промышленных изделий за свой счет, объединяясь для этого в артели по сбыту или в промышленные кооперативы (таковы, напр., кустари, изготавливающие ножи и другие мелкие металлические изделия в Нижегородской губ. и т. п.). В смысле снабжения продовольствием, мануфактурой и пр. из средств государства они приравнены к промышленному и земледельческому населению.

**) Таблица населения Р. С. Ф. С. Р., утвержденная Комиссией Исползований, № 2 «Бюллетеня Наркомпредства 1920 г. д.

Основными явлениями в области аграрных отношений были: 1) социальная и экономическая нивелировка земледельческого населения, 2) некоторое понижение уровня сельского хозяйства, 3) преимущественное положение деревни перед городом в распределении всего продукта национального труда, 4) создание государством собственного крупного земледельческого хозяйства. Распыленность земледелия и прежняя общественная его отдаленность от основного русла жизни пролетариата способствовали тому, что в области сельского хозяйства творческие усилия советского режима и меньше сказались и позже появились.

Главная масса помещичьих земель сосредоточена была на Украине, по побережью Черного моря и в отошедших от России или оккупированных губерниях западной полосы (Прибалтика, Литва, Минская губ.). В остальной Европ. России конфискация помещичьей собственности не принесла крестьянам особенно крупных прирезок, тем более, что весьма значительную часть помещичьих владений составляли здесь не полевые угодья (перешедшие, как общее правило, к крестьянам), а леса (как общее правило, перешедшие в непосредственное общегосударственное распоряжение и управление). Ноябрьский переворот 1917 г. облегчил в этой полосе России крестьянское хозяйство не столько расширением площади его фактического землепользования, сколько освобождением от всевозможных крайне обременительных налогов и повинностей, не только поглощавших полностью чистый доход хозяйства, но и заставлявших крестьянина меньше оставлять себе на жизнь, чем платил обычно в то время в России частный предприниматель обыкновенному неквалифицированному рабочему.

По переписи 1916 г., в 39 нынешних губерниях Советской России (Курской, Орловской, Брянской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Казанской, Нижегородской, Уфимской, Башкирской, Оренбургской, Челябинской, Самарской, Немецко-Поволожской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Ярославской, Московской, Тверской, Калужской, Гомельской, Витебской, Смоленской, Петроградской, Псковской, Олонедкой, Новгородской, Череповецкой, Вятской, Пермской, Вологодской, Северодвинской, Архангельской, Астраханской) на 39.222 тыс. десятин посева крестьянских хозяйств приходилось 2.916 десятин помещичьего посева или всего $7\frac{1}{5}\%$, по сравнению с крестьянским. Между тем в остальной части Европ. России (Украина, Дон, Белоруссия) на имевшийся там крестьянский посев (ок. 24 милл. десятин) приходилось относительно почти втрое больше помещичьего посева, именно—около 20% или почти 4.800 тыс. десятин.

Устранение административного гнета и фактическое сосредоточение власти над землей в руках крестьянства было использовано малоимущим большинством его для отнятия излишков земли и скота у крупных крестьян и для раздела их между мелкими. Благодаря этому и попутному использованию с тою же целью бывших помещичьих полей, с одной стороны, уменьшилось количество крестьян беспосевных или почти беспосевных и с другой стороны—сравнительно многопосевных. Проведенная в конце лета 1919 г. сел.-хоз. перепись установила повсеместность этого явления сравнительно с состоянием, зарегистрированным летом 1917 г. сел.-хоз. переписью, произведенной правительством Керенского. В Костромской губ. из всех крестьянских хозяйств за этот период количество беспосевных сократилось с 11⁰/₀ до 7,2⁰/₀, количество сеющих до 2 десятин на одно хозяйство возросло вдвое, с 31,3⁰/₀ до 60,2⁰/₀, и количество сеющих свыше 2 десятин уменьшилось с 57,7⁰/₀ до 32,6⁰/₀ (десятина равна 1¹/₉ гектара). В Ярославской губ. первая группа уменьшилась с 9,2⁰/₀ до 6⁰/₀, вторая увеличилась с 42,0⁰/₀ до 76,2⁰/₀ и третья уменьшилась с 48,8 до 17,8⁰/₀. В тех губерниях, где запас помещичьих полевых угодий был больше, количество беспосевных и малопосевных уменьшилось еще значительно. Напр., в Тульской губ. количество беспосевных и сеющих менее одной десятины вместе сократилось с 12,7⁰/₀ до 3,6⁰/₀.

Крупные крестьянские хозяйства, бывшие обычно и много-семейными, чтобы спасти свой скот и т. п., стали добровольно усиленно дробиться на мелкие хозяйства, выделяя, напр., из семьи взрослого женатого сына с детьми и уступая ему соответственную часть земли, строений, скота и инвентаря. Легкости таких выделов благоприятствовало предоставление крестьянам после переворота 1917 г. фактической возможности получать бесплатно лесные материалы из государственных и бывших помещичьих лесов в любом количестве, какое крестьянину требуется не для продажи на сторону, но для потребностей собственного хозяйства: для возведения новых построек и ремонта старых, для всяких поделок (сани, телеги и т. д.), для установки заборов, на топливо и т. д. Это привело, между прочим, за протекший период к очень значительному обновлению крестьянских жилищ и построек, бросающемуся в глаза при поездках по России (усиленное развитие строительства в деревне послужило одной из существенных причин чрезвычайного сокращения притока в города строительных рабочих, являвшихся в России в основной массе жителями деревни).

В результате указанного стремления прежнее многочисленная патриархальная крестьянская семья, поскольку она еще существовала к эпохе революции,—исчезла почти окончательно,

вследствие чего средняя численность крестьянской семьи (средний размер одного хозяйства) за 2 года уменьшилась настолько же, насколько раньше за целых 20 лет. По переписи 1897 г. средний размер крестьянской семьи 6,3 душ, по переписи 1917 г. ровно 6 душ и по переписи 1919 г. только 5,7 чел. Для сравнения можно добавить, что на одного промышленного и транспортного рабочего, считая его самого, в среднем приходится три человека.

Добровольный раздел более крупных хозяйств и принудительное отрезывание от них излишков, наряду с обращением бывших помещичьих полей на наделение в первую очередь беспосевных и малопосевных,—все это повело к значительному сокращению средних размеров крестьянского хозяйства. Соответственные данные переписи 1919 г. опубликованы уже по 12 различным губерниям (Тульская, Симбирская, Вятская, Оренбургская, Олонеккая, Новгородская, Владимирская, Тверская, Иваново-Вознесенская, Ярославская, Вологодская, Северодвинская), обнимающим вместе свыше четверти, почти 30% всего крестьянского населения Советской России (около 16 милл. человек). На одно хозяйство в 1917 г. приходилось в этих губерниях 3,44 десятины посева, а в 1919 г. уже только 2,73 десятины или на 21% меньше. Таким образом, в результате истории последних лет Россия в экономическом отношении стала страной более мелкого крестьянства, чем когда бы то ни было раньше. Это обстоятельство расширило возможность удовлетворения своих нужд из собственного хозяйства для тех миллионов крестьян, которые получили прирезку за счет помещичьих посевов и посевов крупных крестьян. Но вместе с тем оно значительно уменьшило количество тех хозяйств, которые могут иметь крупные избытки для сбыта на городской рынок, что и послужило одной из главных объективных причин для ухудшения продовольственного снабжения промышленного населения. Исчезли не только помещичьи посева, целиком работавшие для сбыта на рынок, но и крупнокрестьянские хозяйства предпринимательского типа, ведшиеся при помощи не только членов семьи, но и наемных рабочих. В северной и средней полосе Европейской России, составляющих нынешнюю нашу «Советскую Россию», их и раньше было немного: в Московской губ. по переписи 1916 г. всего 3,0% общего количества крестьянских хозяйств, в Калужской—2,0%, в Саратовской—3,0%, в Тульской—2,0%, в Черниговской (северная часть которой входит ныне в Гомельскую)—2,9%, в Орловской—2,0%, в Костромской—2,2% и т. п. Но вместе с помещичьими хозяйствами они давали половину того хлеба, который вообще поступал из деревни на внешний рынок (в русские города или для вывоза за границу), и их исчезновение, ухудшая положение главной массы сельского на-

селения, должно было в то же время ухудшить питание населения городского и фабрично-заводского, особенно пока невозможен был привоз хлеба в Советскую Россию из отдаленных окраин, как северный Кавказ или Сибирь, политически начавших с ней прочно связываться лишь в 1920 году.

Значительное уменьшение среднего размера крестьянского хозяйства повело к уменьшению промышленного его характера. Крестьянин сеет ржи, как и раньше, по возможности достаточно для удовлетворения потребностей своей семьи, затем следуют продукты, необходимые для удовлетворения других потребностей его хозяйства, а сокращение главным образом приходится на тот посев, продукты которого шли преимущественно для промышленности и экспорта в качестве сырья (лен, пенька, сахарная свекла, масличные семена и пр.), либо для городского населения. Такой сдвиг в распределении культур внутри крестьянского посева равносильен, разумеется, общему понижению уровня русского сельского хозяйства. Об интенсивности его можно судить по примеру одной из важнейших промышленных культур — льна. В то время, как общая площадь посева в Советской России уменьшилась с 1915 г., примерно, на одну пятую, — посевы льна, составлявшие в 18 губерниях внешней Советской России 982 тыс. десятин в 1915 г., уменьшились к 1919 г. до 536 тыс. десятин, т.-е. почти вдвое *). Если принять площадь посева льна в этом районе в последний мирный 1914 г. за сто, то получим затем в процентах такой убывающий по годам ряд:

1914	100
1915	92
1916	84
✓ 1917	74,6
1918	65,5
1919	50,3

Радикальная борьба с этим явлением может быть основана (помимо постепенного повышения урожайности) на таком обеспечении северо-русского и средне-русского крестьянина дешевым привозным сибирским хлебом, при каком возможно было бы всю большую часть его полей отвести под непродовольственные растения **), а равно на таком увеличении площади культурных земель в этих районах Европейской России, которое позволило бы развернуть в должных размерах промышленное земледелие и животноводство. И то и другое связано с крупными работами по осушению и электрофикации обширных бо-

*) Измен. пос. плещ. льна. Изд. Цетр. Тов. Льнов. 1919 г.

**) Аналогично этому в 1917—1919 гг. чрезвычайно сократилась в Туркестане доля посевов хлопка в пользу посевов продовольственных растений и радикальное улучшение сможет быть обеспечено лишь созданием доступной транспортной связи с многохлебной Западной Сибирью.

лот в Великороссии и по электрофикации реки Чусовой на Урале с созданием сплошного водного пути из Сибири в Европейскую Россию, что возможно будет лишь при привлечении западно-европейского или американского оборудования, машин и проч.

Нивелировка земледельческого хозяйства, исчезновение крупнокрестьянских и помещичьих предприятий имели еще одно последствие первойшей важности: за эти два года почти полностью исчез пролетариат селъско-хозяйственный, представлявший прежде весьма значительный слой всего рабочего класса страны. К началу 1917 года в нынешней Советской России имелось почти 1.400 тысяч наемных рабочих в селъском хозяйстве *), не считая членов их семей. В первой русской революции 1905 г. этот слой пролетариата принимал довольно видное участие: всеобщие забастовки селъскохозяйственных рабочих перекатывались по всей стране и вызвали в свое время объявление царским правительством военного положения в ряде губерний. Все эти наемные рабочие составляли один из основных элементов «беспосевных хозяйств», регистрируемых переписями в деревнях (другими являются кустари, некоторые категории строительных рабочих и т. д.), и уставовленное переписью 1919 г. весьма значительное уменьшение «беспосевных» представляет собой оборотную сторону этого процесса превращения селъских батраков в мелких крестьян. Из «двух душ», по известному выражению всегда боровшихся в душе земледельческого рабочего,—в общем и целом пока победила та, которая звала его к устройству собственного мелкого хозяйства, а не к организации крупных государственных предприятий **). Остальное крестьянство не сразу раздвинуло свои ряды перед новым претендентом на землю, скот и инвентарь. Земельные органы волостных крестьянских советов и их уездные объединения (земотделы) все первое полугодие советской власти в России всячески ставили рогатки стремлению бывших сел.-хоз. рабочих приобщиться к самостоятельному земледелию. Любопытным историческим документом в этом отношении является книга «Состав наделяемого землей населения», где Народным Комиссариатом Земледелия сделана сводка отчетов и резолюций земотделов за этот период по данным 36 различных губерний Советской России ***). По весной 1918 года, когда политическое господство пролетариата в городах окончательно закрепилось и

*) Струмили н. Состав Пролетариата Советской России. 1919 г.

**) Небольшая часть, впрочем, попробовала организовать ся в виде небольших производственных артелей и коммун. Их имеется до 9 тысяч с несколькими десятками тысяч членов и с общим пользованием до 1/2 милл. десятин земли, из нее около 1/2 посевной.

***) См. изложение в «Известиях В. Ц. И. К.» от 18 июля 1919 г. ст. «Зем.отделы и районы».

установилось, были организованы по всем деревням «комитеты бедноты» исключительно из беспосевных и малосеющих крестьян, в руках которых сосредоточена была вся власть и оружие. Эти комитеты в течение нескольких месяцев провели в деревне на деле в жизнь перераспределение пользования землей, забрали от имеющих несколько лошадей крестьян избыточное против минимальной потребности количество и передали его начинающим собственное хозяйство беспосевным и малосеющим и т. п. (нередко такие перегруппировки лошадей происходили сразу в масштабе целого уезда, напр., в Тверской губ.),—одновременно помогая также городским рабочим припудительно извлекать излишки хлеба от прежнего крупного крестьянства (кулаки). Конституционные сельские и волостные «советы» были отодвинуты на задний план на период (свыше полугодия) деятельности «комитетов бедноты», фактически проводивших аграрную революцию в деревне. Их деятельность вызвала длинный ряд вооруженных восстаний известной части крестьян почти по всем уездам Советской России,—тех крестьян, которые приветствовали победу пролетариата, когда она провозгласила окончательное уничтожение помещичьего политического и экономического ига, но которые восстали, когда она в своем развитии привела к нивелировке хозяйств среди самого крестьянства. Однако, все восстания были подавлены (в том числе и особенно серьезное движение «учреждовцев», которым удалось в конце лета 1918 г. захватить даже на короткий срок важный приволжский город Казань и некоторые смежные пункты). Восстания были подавлены, комитеты бедноты сделали свою работу и после того были упразднены, уступив вновь место восстановленным в правах сельским и волостным советам, обнимающим все население деревни.

Упразднение помещичьего хозяйства, нивелирование крестьянства и почти полное исчезновение сельскохозяйственного пролетариата не вызвало какого-либо более значительного сокращения объема русского земледелия, чем какое имеет место в странах Западной Европы, не переживших подобных перемен. Ухудшение, которое здесь замечается, сравнительно столь невелико, что оно полностью объясняется влиянием продолжавшейся непрерывно с 1914 г. войны. Наоборот, приходилось бы удивляться тому, как мало сократились основные элементы русского земледелия, если бы достаточным объяснением не был факт революции 1917—1920 гг. Революция в течение ряда лет оставляет в руках крестьянства обширные средства, обычно выкачивавшиеся из деревни паризмом, и это обстоятельство, в частности, ограничение удовлетворения потребностей города в пользу улучшения положения деревни—помогает крестьянству сравнительно легко справляться с положением.

Средний урожай озимой ржи (основной хлеб русского земледелия занимает около 40% всей посевной площади) составлял в пятилетие 1909—1913 гг. в среднем 49 пудов с десятины (пуд=почти 17 килограммов), в пятилетие 1914—1918 гг.—46 пудов, в частности, в 1918 г.—44 п. и, наконец, в 1919 г.—43 пуда.

Количество лошадей до 1917 г. вообще не уменьшилось, а между переписью 1917 г. и переписью 1919 г. уменьшилось всего на 1,6%. Количество же коров, находящихся во владении крестьянских хозяйств, между этими двумя переписями даже увеличилось на 2,9% *). Зато сильно убавился мелкий скот (свиньи и овцы), при чем свиньи, служившие обычно для снабжения города, перестали крестьянами держаться почти совершенно,—их количество в 12 губерниях, о которых есть данные по переписи 1919 г., уменьшилось на 91% и налицо имеется только 9%,—а количество овец, разводимых крестьянином преимущественно все же для себя, сократилось более чем на пятую часть (на 22,2%). Свиноводство в Советской России, можно сказать, исчезло, а овцы остались только для самой деревни—в городах баранье мясо более не появляется.

Если взять, наконец, основной момент—всю площадь посевов,—то мы имеем возможность сравнить три сельскохозяйственные переписи: 1916 г., 1917 г. и 1919 г. Из них первые две относятся ко времени, когда существовало еще и помещичье хозяйство, последняя—к периоду установившихся уже после-революционных отношений. Если площадь посевов в России в 1916 г. принять за сто (имеются в виду все решительно посевы как зерновых продовольственных и кормовых хлебов, так и картофеля, свеклы, бобовых, технических растений, табака, овощей, трав и пр.), то получим следующий ряд:

1916	100
1917	92,6
1919	86,3

Мы видим, между прочим, что устранение помещиков не ускорило темпа запустения русских полей, созданного войной, а, наоборот, замедлило его. В 1916 г. весь посев уменьшился по сравнению с 1915 г. в среднем на 6,5% (по данным приведенным в выпуске 1-м переписи 1916 г.). В 1917 г. посев уменьшился даже еще больше по сравнению с предшествовавшим 1916 годом—на 7,4%. А затем за два «большевистские» года вместе посев уменьшался медленнее, чем за один какой-либо дореволюционный год. Конечно, необходимо не только

*) Но средний вес туши, как показывают заготовки Компрода, понизился почти на 50% (см. отчет тов. Розовского в № 12 «Известий Компрода» за 19 9 г.) и уменьшилась молочность—то и другое вследствие недостатка особенно концентрированных кормов.

замедлить темп сокращения, но и достичь обратного увеличения посевной площади в первую очередь хотя бы до величины, какой она достигала перед войной 1914 г., положившей начало сокращению русского земледелия. Во всяком случае, столь значительное замедление темпа сокращения, какое достигнуто при советской власти, притом при столь тяжелых условиях, каковы указанные в главе I, является достаточным ручательством близости и легкости обратного движения вверх *). Повышение у крестьян хозяйственной энергии при советском строе, которое одно могло дать замедление темпа сокращения общей площади посевов, несмотря на исчезновение помещичьих хозяйств,—явилось естественным результатом преимущественного экономического положения крестьянства, сложившегося в последние годы (1917—1920 г.).

Выше указывалось уже на зависимость уменьшения массы сельско-хозяйственных продуктов, какая может поступать на внедеревенский рынок (для русского промышленного населения и для экспорта за границу) от двух причин: от устранения классового гнета царско-помещичьего государства и от уменьшения средних размеров крестьянского хозяйства вследствие социально-экономической нивелировки деревни. Первое вызвало увеличение потребления хлеба крестьянами тех губерний, где вообще имеются избытки местного производства над обычными до тех пор размерами крестьянского потребления. В таких губерниях в Советской России живет две трети крестьян и средняя норма увеличения, как показал опыт 1919 г., составляет нуд на душу в год (см. № 20 «Бюллетеня Центр. Статист. Управления» от 1-го марта 1920 г.). То же относится к маслу, молоку, яйцам и т. д.

Второе (нивелировка) должно было повлечь уменьшение избытка продуктов крестьянского хозяйства на продажу. К этому присоединился в качестве непосредственного результата мировой войны третий момент—общее сокращение посевной площади с 1915 г. по 1919 г. приблизительно на пятую часть (почти целиком падающее, как мы видели, на добольшевистский период). Это не только покрывает экономию от отсутствия в настоящее время экспорта за границу (и, кстати сказать, делает его совершенно невозможным в прежних довоенных размерах до восстановления русского народного хозяйства, в чем оказывается таким образом жизненно заинтересованной Западная Европа, нуждающаяся в русском хлебе),—но и делает еще более невеликим тот остаток продовольствия,

*) Весной 1920 г. государству удалось собственными усилиями заготовить и доставить на места 8.1/2% всего количества семян, требовавшегося для нуждавшихся в них губерний, между тем как в предшествовавшем году этот процент был вдвое ниже.

какой можно извлечь из сельского хозяйства самой Советской России для ее городского и промышленного населения, для ее армии и флота. На ряду с возросшим по сравнению с дореволюционной эпохой политическим весом крестьянства это и создало его преимущественное экономическое положение и тяжелые продовольственные затруднения для неземледельческого населения, поведшие к весьма значительному падению производительности труда в промышленности, которое лишь теперь начинает преодолеваться одновременно с начинающим улучшаться продовольственным положением.

Государственные заготовки хлеба получили в России полное развитие лишь в 1916 г., когда введена была карточная система и государство стало снабжать не только армию, но и все неземледельческое население, а в районе 15 нынешних советских губерний (Архангельской, Вологодской, Северодвинской, Новгородской, Череповецкой, Олонецкой, Петроградской, Владимирской, Костромской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Московской, Смоленской, Ярославской и Тверской) также отчасти и крестьянское население на ту часть года, на какую крестьянам этих губерний обычно не хватает собственного хлеба. Операционным годом по заготовкам сел.-хоз. продуктов считается в России период с 1-го августа до 1-го августа. Районом заготовок для царского правительства была вся территория бывшей Империи, при чем главная часть хлеба заготавливалась как раз на Украине, на Дону, на Северном Кавказе, в Сибири. На 21 губернию Европейской России с хлебными избытками, какие являются районом заготовок Советской России в нашем смысле слова (Пермский, Екатеринбургский, Уфимский, Башкирский, Оренбургский, Челябинский, Уральский, Самарский, Немецко-поволжский, Курский, Орловский, Брянский, Тульский, Рязанский, Тамбовский, Воронежский, Саратовский, Пензенский, Симбирский, Казанский и Вятский) приходилось несколько менее 40% всех хлебных заготовок царского правительства. Из района этих нынешних 21 советской губернии вывозилось до войны в пятилетие 1909—1913 гг. в среднем ежегодно по 367 милл. пуд. хлеба в зерне или муке. С тех пор, как мы знаем, произошло постепенное сокращение посевов на одну пятую, уменьшение урожайности на несколько пудов с десятины, увеличение крестьянского потребления в этом районе в среднем на пуд на душу в год (а здесь живет около 38 милл. человек крестьянского населения) и значительное уменьшение количества крупнокрестьянских хозяйств с большими хлебными излишками для продажи. Следовательно, свободные излишки должны быть теперь не 367 милл. пуд., а много меньше, потому советские заготовки не могут и при полном успехе достигнуть этой цифры в данном районе, да не могли достигнуть ее ни царизм, ни Ке-

ренский. Сокращение посевов приходится ведь преимущественно на время заготовок царизма и Керенского, но зато увеличение крестьянского потребления и резкое уменьшение среднего размера хозяйств *)—целиком на советский период истории. Годовой итог заготовок (с 1 августа до 1 августа) всех зерновых хлебов, включая крупу, зерновой фураж и пр., составлял:

в 1916—1917 г.	194 милл. пуд.
в 1917—1918 г.	35 милл. пуд.
в 1918—1919 г.	107 милл. пуд.
в 1919—1920 г.	180 милл. пуд.

За 1920 год цифры имеются только по 1-е июля, но мы предполагаем, что за июль заготовка составит приблизительно ту же небольшую сравнительно долю общей годовой заготовки, как и в кампанию 1918—1919 г., и тогда получаем годовой итог в 180 милл. пуд. (кроме заготовок в Сибири, на Украине, на Дону и на Северном Кавказе, где в общем заготовлено свыше 40 милл. пуд.). Слабые заготовки 1917—1918 г. объясняются общей слабостью нового правительственного аппарата в первый год советской власти и в частности тем, что это был год первого фактического завоевания деревни советской революцией в области хозяйственных отношений (см. выше о «комитетах бедноты», восстаниях и проч.). Недостаточная удача второго года советской власти (только 107 милл. пуд., почти вдвое меньше царизма) объясняется тем, что целый ряд губерний находился в 1918—1919 г. полностью или частью в районе непосредственных военных действий, по очереди занимаясь то советскими войсками, то контр-революционными армиями Деникина и Колчака. Если разбить район продовольственных заготовок на три группы: губернии, не бывшие театром военных действий; губернии, частично затронутые военными действиями; губернии с сильным развитием войны, то заготовленный в них в 1918—1919 г. хлеб составит сравнительно с их «нормально исчисленными излишками» по каждому району (расчет из № 18 «Бюллетеня Центр. Ст. Упр.» за 1919 г.):

без войны	56%
частичная война	34%
сильная война	13%

*) Следует учесть, что под названием «наделение беспосевных» в деревне происходило также наделение земель лиц, ранее в ней отсутствовавших, именно городских рабочих с семьями, вернувшихся в деревню в большом количестве весной 1918 г., всего с семьями около 2 миллионов человек. Почти все это были люди, переселившиеся в города из деревни лишь за несколько лет перед тем, значительная часть только во время мировой войны (для замены в качестве чернорабочих мобилизованных городских рабочих и низших служащих). Они числились в деревне «отсутствующими хозяйствами» (юридически сохраняя за собой право вернуться и обычно в свою избу). Из таких «отсутствующих хозяйств» между переписями 1917 г. и 1919 г. вернулось обратно в деревню: в Оренбургской губ. 83%, в Рязанской—73%, в Симбирской—69%, в Иваново-Вознесенской—58%, в Ярославской—78%, в Вологодской—69% и т. д. Все это были новые едоки, которые стали потреблять в деревне часть того продовольствия, которое раньше вывозилось в города, притом больше, чем они сами съедали прежде в городах.

Это означает, между прочим, что в будущем предстоит дальнейшее увеличение заготовок в этом районе, ибо теперь он целиком свободен от войны, в то время как в начале операционного сезона 1919—1920 г. некоторые губернии были разорены Деникиным очень чувствительно (Орловская, Курская, Воронежская и др.). Если заготовки третьего года советской власти оказываются почти равными заготовке царизма (180 милл. пуд. и 194 милл. пуд.), то это обозначает очень крупный успех советских заготовок сравнительно с царистскими, ибо, как показано выше, количество хлеба, свободного от крестьянского потребления для отчуждения на сторону, должно было стать за протекший период значительно меньшей средней годичной величиной, чем то было раньше.

Государственные заготовки зерновых хлебов составляют почти четыре пятых всех заготовок Великороссии без Дона у крестьянского населения, если по установленным твердым ценам сосчитать и хлеб, и масло, и мясо, и овощи, и махорку, и кожу, и пеньку, и лен, и сено и т. п. Потому по приведенным выше данным можно составить себе представление о совокупности материальных ценностей, извлекавшихся советской властью ежегодно из крестьянского хозяйства как для общегосударственных целей, в том числе обслуживающих само крестьянское хозяйство (напр., для содержания армии, защищающей крестьян от возврата власти помещиков), так и для снабжения пролетариата и городского населения вообще (и отчасти крестьянского населения дефицитных в хлебном отношении губерний). С другой стороны, имеются данные о количестве промышленных продуктов, какое государство направляло крестьянам в обмен за доставленные ими продукты сельского хозяйства*). Если все промышленные продукты, отправляемые Компродом (ведомством снабжения всего населения, существовавшим и при Керенском и при советской власти), сосчитать по стоимости их по твердым ценам каждого периода (ибо уровень твердых цен несколько раз менялся), то окажется, что из всех продуктов на мануфактуру (ткани и нитки) приходится около двух третей ценности всех продуктов, которыми Советская Россия вообще снабжает население путем государственного распределения из числа продуктов горной и обрабатывающей промышленности (соль, сахар, спички, табак, керо-

* Данные за первый год советской власти сгруппированы в ладанной Наркомпродом книге т. Орлова «Проследительная работа советской власти», за второй год опубликован отчет Наркомпрода «Второй год борьбы с голодом», а за третий имеются данные Высшего Совета по перевозкам о количестве отпущенных Компродом с указанной целью грузов до конца июля 1920 г. и разрешенных к отправке на июль.

сия, стекло, посуда, мануфактура, обувь и кожевенные изделия, галоши, мыло, орудия, инструменты и металлические изделия и т. д.). Мануфактура является таким же, примерно, основным предметом государственного снабжения, как зерновой хлеб — основным предметом государственных заготовок, и их соотношения являются вообще вполне показательными.

Из всех промышленных продуктов, отправляемых Компродом, ежегодно около одной трети идет рабочему и городскому населению и около двух третей крестьянам (в первый год доля крестьян была даже несколько выше, а затем изменены были несколько нормы снабжения). Из назначенного для крестьян в свою очередь две трети получают крестьяне «производящих», то-есть имеющих хлебные излишки губерний, на которых приходится таким образом около 45% всего фактически отправленного Компродом количества промышленных продуктов.

За операционный 1917—1918 г. всего было отправлено Компродом 52 тыс. вагонов промышленных грузов, из которых около 35 тыс. крестьянам, в том числе около 24 тыс. крестьянам «производящих» губерний. Между тем крестьянство дало за это государству за тот же период только 35 тыс. вагонов хлеба, а так как заготовки хлеба по цене их, как мы знаем, составляют около $\frac{4}{5}$ всех заготовок продуктов сельского хозяйства (земледелия, животноводства, огородничества и садоводства), то выраженные в хлебе все заготовки составляют около 45 тысяч вагонов. Таким образом в первый год советского режима за каждые 4 вагона хлеба крестьянство получало 3 вагона гораздо более ценных промышленных изделий. В один вагон хлеба влезает тысяча пудов зерна, а $\frac{3}{4}$ вагона мануфактуры составляет несколько десятков тысяч аршин, смотря по роду ткани. Между тем по средним ценам мирного времени пуду ржи соответствовало в России не свыше 8 аршин самого дешевого ситца.

Общее количество промышленных грузов, отправленных Компродом за операционный 1918—1919 год, в переводе на твердые цены того времени представляет денежную сумму в 9 миллиардов рублей, из которых для крестьян «производящих» губерний пошло на 4 млд. руб. Последняя величина, если отбросить 20% на компенсацию нехлебных заготовок из продуктов крестьянского хозяйства, должна была хватить, по твердым ценам того времени, на заготовку 216 милл. пуд. зерна. Между тем государству удалось получить от крестьян, как мы видели, только около половины этого количества — 107 милл. пуд. Значит, и во втором году советской власти крестьянство получало больше, чем давало, хотя и не в такой уже степени, как в первом.

Часть продуктов была летом 1919 года задержана на местах и не выдана крестьянам, в виду явного несоответствия хода заготовок с размерами снабжения крестьян промышленными продуктами. Эта часть осталась для снабжения крестьян в третьем операционном году, 1919—1920, когда в дополнение было двинуто для крестьян производящих губерний еще около 12 тыс. вагонов промышленных грузов. Одновременно был издан декрет о том, чтобы с 1 августа 1919 года каждая группа крестьянских поселений («волость» — в волости обычно 10—20 тыс. жителей) получала промышленные продукты только в строгой пропорциональности с количеством сельскохозяйственных продуктов, сданным всей совокупностью крестьян данной группы поселений в счет причитающейся с них по общегосударственной разверстке поставки продуктов. Эта мера *), представлявшая собой лишь обобщение уже проводившихся частичных мер в этом направлении, заметно помогла успеху заготовок в третьем операционном году советской власти и несколько уменьшила диспропорцию между даваемым крестьянам и получаемым от них.

Крестьянин получает сейчас некоторых промышленных продуктов абсолютно меньше, чем получал до войны, но в обмен за получаемое им от государства количество дает государству меньше продуктов своего хозяйства, чем давал бы за это же самое количество до войны. Если взять всю сумму двинутых за три года (1917—1920) крестьянам «производящих» губерний промышленных грузов и всю сумму произведенных там государством заготовок (с переводом нехлебных в хлебные), то окажется, что в общем за все время крестьянин за каждый пуд сданного им государству хлеба получил в среднем почти вдвое большее количество мануфактуры, чем получал за него в мирное время. Между тем объективно ценность промышленных изделий в России должна была за 1914—1920 гг. повыситься значительно больше, чем

*) Эта мера намечалась сейчас же после ноябрьского переворота 1917 г. В «Известиях» от 18 ноября 1917 г. автор этих строк — один из тогдашних руководителей экономического отдела Центр. Испол. Комитета (преобразованного затем в Высш. Совет Нар. Хозяйства) напечатал «программу», в которой писается такой пункт: «7) в каждой волости синдицировать всех сельских хозяев, во-первых, для организованного сбыта продовольственных продуктов указанным им учреждениям и агентам власти; во-вторых, для организованных закупки и распределения сел.-хоз. орудий, мануфактуры и пр. с участием в правлении синдиката представителя органов государственного регулирования». Намеченный здесь «коллективный товарообмен», как одно время навывали такую систему в России, был осуществлен лишь рядом мер, постепенно проводившихся в течение более двух лет (разрешение в каждой волости лишь одного кооператива, обязательное включение в состав кооператива всего населения волости, введение в правления кооперативных объединений представителя Компрода и подчинение их указаниям Компрода, снабжение государством деревни промышленными продуктами только через этот кооператив, коллективная ответственность всей волости за сдачу сельскохозяйственных продуктов государству, выражающаяся в приостановке отпуска промышленных продуктов всей волости, если она не сдает хлеба и пр. и т. д.).

пеньность хлеба. Размеры промышленности сократились гораздо значительнее, чем размеры земледелия, самый промышленный труд по условиям продовольственным и прочим, по изношенности некоторых частей машинного оборудования и т. д. дает теперь меньшие результаты, да и должна была увеличиться сумма труда даже равного прежнему качества, необходимая для производства промышленных изделий, если, напр., теперь приходится везти по железным дорогам до потребителей объемистые дрова на среднее расстояние почти до тысячи верст вместо прежнего среднего жел.-дор. провоза гораздо более компактных угля и нефти на гораздо более короткие средние расстояния (не говоря уж о гораздо более значительной затрате труда на производство равного по тепловому эффекту количества топлива при заготовке дров, чем при добыче угля или нефти.)

На так называемом «вольном рынке» *) соотношение цен между промышленными и сельскохозяйственными продуктами действительно значительно благоприятнее для промышленных продуктов, чем было до 1917 года. Советская власть пыталась приблизить соотношение между различными официальными твердыми ценами, унаследованное от досоветского времени с его другими условиями, к неизменившемуся положению вещей. При первом установлении общей системы твердых цен на все продукты в 1918 г. для расчетов при снабжении государством населения и при оплате государственных заготовок было установлено в общем соотношение трех к одному. Иначе сказать, за равное количество промышленных продуктов следовало бы получить в три раза больше сельскохозяйственных, чем в мирное время. Действительность обратила эти расчеты, как мы видели, в свою противоположность: крестьяне расплачивались за промышленные продукты деньгами, а хлеба сдавали государству, несмотря на все меры агитации и понуждения, гораздо меньше следовавшего количества. Тогда при новом установлении общей системы твердых цен в августе 1919 г. (на операционный 1919—1920 г.) в основу было положено более выгодное для крестьян соотношение двух к одному, но одновременно предписано строгое проведение упомянутой пропорциональности снабжения деревни назначенными для нее промышленными продуктами со степенью выполнения сдачи ею назначенных к по-

*) Под «вольным» или «мешечническим» рынком (от слова «мешок», как орудия провоза хлеба негосударственной, частной, обычно спекулятивной «нелегальной» заготовки, ставшего символом сохранившихся остатков частной торговли) в России имеется в виду уклоняющаяся от государственной регламентации и по отношению к ряду продуктов фактически терпимая, хотя официально не признанная, частная купля-продажа. Терпимость по отношению к ней в крупных городах объясняется недостаточностью государственных хлебных заготовок для полного снабжения населения, а объем ее, постепенно сокращающийся по мере укрепления государственного аппарата снабжения, указан ниже.

ставке крестьянами продуктов сельского хозяйства. Для сравнения можно привести, что в сентябре 1919 г. среднее соотношение между ценами промышленных продуктов и ценами ржи на вольном рынке ряда «производящих» губерний*) оказалось для промышленных продуктов в шесть раз более благоприятным, чем оно было в мирное время. Стало быть, сами крестьяне на собственном «мешечническом» рынке ценят промышленные продукты относительно втрое больше, чем заставляют поставлять их себе государство, пользуясь затруднительным продовольственным положением организовавшегося в государство пролетариата.

Фактический обмен услуг и материальных ценностей между деревней и городом, между крестьянством и пролетариатом, являющийся вообще одной из основных проблем современной России, является одной из основ и политического союза между рабочими и крестьянами. Чрезвычайное облегчение жизни, принесенное многомиллионному большинству крестьянского населения советской властью, побуждает крестьян уже почти три года признавать и вооруженной рукой поддерживать правительство, фактически являющееся правительством классовой партии пролетариата. Крупная мировая роль, какую сыграл для дела подготовки торжества социализма во всем мире русский пролетариат в последние годы фактом пребывания своего у власти, оплачена между прочим и более благоприятной общей совокупностью условий жизни для крестьян, чем для рабочих, в первые переходные годы русской жизни, когда творческое значение нового режима не могло еще успеть преодолеть хозяйственную разруху в обстановке продолжающейся войны. Государство делало порой попытки прямого вмешательства в область крестьянского потребления для улучшения положения буквально голодавших иногда городских рабочих, но попытки эти не имели успеха. Самой крупной из них является попытка майским декретом 1918 г. ограничить потребление крестьянами хлеба с продовольственной целью 12 пудами зерна в годъ на душу (повторные постановления и предписания о наблюдении за их выполнением продолжали издаваться и далее). Это равно приблизительно 750 граммам печеного хлеба в день — норма гораздо более высокая, чем какая, например, имела место в Германии во время империалистской войны. Если бы такое ограничение было достигнуто — количество излишков хлеба в деревне для сдачи государству значительно возросло бы. Действительная картина потребления хлеба оказалась иная.

*) Пензенская, Симбирская, Казанская, Вятская, Тамбовская и др. по отчетам с мест, печатавшимся в «Бюллетене Моск. Потреб. Общества» на основании докладов его представителей, производивших для него различные продовольственные закупки в этих губерниях.

Центр. Статист. Управлением Р. С. Ф. С. Р. произведены обширные обследования фактического потребления хлеба различными частями населения в 1918—1919 г. в связи с учетом урожая, перевозок хлеба, фактического снабжения Компродом и т. д. («Бюллетень Цент. Ст. Управл.» от 1 марта 1920 г.). Если разделить Советскую Россию на две части: губернии с недостатком собственного хлеба для покрытия потребностей их населения и губернии «производящие», т. е. имеющие избытки зерновых хлебов и могущие вывозить их в другие части страны,—и если затем внутри каждой группы разделить население на две части: городское (включая в это понятие и тех промышленных и транспортных рабочих, которые живут вне городов) и крестьянское,—то получатся следующие результаты.

Крестьяне «производящих» губерний до войны потребляли в среднем ежегодно около 640 фунтов зерновых хлебов на душу с продовольственной целью (в русском фунте около 400 граммов). В 1918—1919 г. они потребляли в среднем почти на пуд больше, именно 676 фунт., т. е. почти 17 пудов вместо декретированных им 12 пудов.

Крестьяне остальных губерний (здесь живет около трети крестьян) до войны потребляли в год на человека в среднем около 560 фунтов (14 пудов). В 1918—1919 г. им оставалось для продовольствия по 332 фунта на душу из собственного хозяйства, по 36 фунтов им доставил Компрод и по 72 фунта они купили на «вольном» рынке (мешечническим путем), а всего получили по 440 фунтов, т. е. по 11 пудов, даже несколько меньше декретированной нормы и значительно меньше привычного для них до войны мирного потребления (когда из «производящих» губерний привозили в дефицитные по указанным выше причинам города больше хлеба).

Горожане «производящих» губерний (где живет около трети городского и рабочего населения) потребляли до войны 560 фунтов в год на душу. В 1918—1919 году они получили от Компрода по 216 фунтов и купили на «вольном» рынке у спекулянтов по 196 фунт. (либо сами в качестве мешечников привезли себе это количество из деревень), а всего получили за год по 412 фунтов (почти столько же, сколько крестьяне «непроизводящих» губерний,—подобно тому, как и в мирное время нормы потребления этих двух групп почти совпадали).

Горожане остальных губерний до войны потребляли также по 560 фунтов на душу в год. В 1918—1919 г. они получили от Компрода по 132 фунта и купили на «вольном» рынке у мешечников по 164 фунта, а всего имели по 296 фунтов в год или средним счетом около 320 граммов на душу в день зерна, что соответствует одному с небольшим фунту печеного хлеба.

Приведенные цифры показывают, насколько русское земледелие в процессе организации новых отношений между городом и деревней оказывалось в состоянии удовлетворить основную потребность населения в хлебе. Если сравнить общее потребление каждой группы в 1918—1919 г. с ее обычным потреблением до войны 1914 г., то «советское» потребление по отношению к довоенному составит в процентах:

крестьяне «производящих» губерний	105%
крестьяне остальных губерний	78%
горожане «производящих» губерний	73,5%
горожане остальных губерний	53%

Если принять во внимание сравнительную численность разных групп, то население получило от земледелия в общем пять шестых того количества хлеба для продовольствия, какое получало обычно до войны. Изменилась только в пользу крестьян пропорция распределения его между различными группами. Взятые вместе крестьяне обеих полос Советской России получили в среднем почти 96% количества хлеба, потреблявшегося ими в мирное время, т.-е. почти все. Взятые вместе горожане обеих полос получили только 60%.

Как видно из этих цифр, государству удавалось даже из этой скромной нормы доставлять рабочим и горожанам через Компрод только около половины, т.-е., примерно, 30% их мирного потребления, несмотря на все меры для увеличения извлечения хлеба от крестьян. В таких условиях и родилась попытка создать собственное крупное государственное земледельческое хозяйство, независимое от крестьян, и использовать его как для улучшения продовольственного положения промышленного и транспортного пролетариата, так и в качестве очагов культурно-агрономического влияния на крестьянство.

Образование «советских хозяйств» в земледелии в сколько-нибудь значительных размерах началось лишь зимой 1918—1919 года. Создание их облегчалось фактом существования довольно обширных недосевов: многие бывшие помещичьи имения стояли пустыми, никем неиспользуемыми, и крестьяне не могли серьезно возражать, когда советская власть брала брошенные хозяйства, чтобы возродить их к жизни на новых началах. За 1919 г. удалось возродить таким образом из небытия около 2¹/₂ тысяч хозяйств с общою площадью до 1.600 тыс. десятин, из них до 600 тысяч десятин посева. Таким образом, «советскими хозяйствами» занято всего около 20% прежнего помещичьего посева нынешней Советской России, да около 7% пошло под частноправовые «коммуны» и «артели» бывших сельско-хозяйственных рабочих и т. п., а остальные почти три четверти окончательно распылены среди мелкого крестьянства.

Из этих имений большая часть находится непосредственно в государственном управлении, именно 2,463 с 1.361 тыс. десятин всей площади, а остальные с общою площадью около 200 тыс. десятин,—розданы в управление отдельным крупным фабрикам и заводам или объединениям ряда фабрик одной отрасли промышленности («государственным трестам»). Как те, так и другие хозяйства одинаково ведутся путем найма рабочих и управляются агрономами или практиками-специалистами (но бывшим помещикам запрещено служить в их бывших имениях), при чем по вопросам рабочего быта существует «рабочий комитет». Передача бывших помещичьих имений в непосредственное управление заводов и их объединений была разрешена декретом 15-го февраля 1919 г. с целью ускорить организацию советских хозяйств. Для снабжения организуемых хозяйств инвентарем было предоставлено в 1919 г. несколько десятков тысяч плугов и других сельско-хозяйственных орудий, закуплены десятки тысяч лошадей, образован постоянный штат сельско-хозяйственных рабочих (около 75 тыс. челов.), поселенных в самих хозяйствах, и т. д. Эта попытка непосредственного подчинения сельско-хозяйственных предприятий городу («урбанизация земледелия») сопровождалась вместе с тем превращением «советских имений» в очаг культурного и хозяйственного воздействия города на деревню. В советских хозяйствах организованы мельницы, которые перемалывают хлеб и соседним деревням; ремонтные мастерские, которые чинят сельско-хозяйственный инвентарь для населения всей округи; сосредоточен племенной скот, бесплатно используемый и для улучшения крестьянского скота; сложные сельско-хозяйственные орудия, как молотилки и т. п., работающие также и для крестьян соседних деревень после исполнения ими работ, необходимых для самого «совхоза»; поставлена нередко небольшая электрическая станция, снабжающая освещением не только постройки и квартиры рабочих самого хозяйства, но и крестьянские избы соседних деревень (электричество в крестьянском жилище раньше—вещь небывалая в России).

По типу своему вновь организованные «советские хозяйства» определенно разделяются на два разряда: 1) преимущественно овощные, картофельные и молочные хозяйства промышленной полосы; 2) преимущественно зерновые хозяйства более южно расположенных, преимущественно земледельческих, губерний Советской России (Орловская, Пензенская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Уфимская, Астраханская). Если взять хозяйства, находящиеся в непосредственном государственном управлении (т. е. без розданных в управление отдельным фабрикам и группам фабрик), то в первой полосе находилось к 1920 г. около 1.800 «совхо-

зов» с общей площадью в 560 тысяч десятин, при среднем размере одного хозяйства около 300 десятин, а в южной полосе 670 хозяйств с общей площадью в 800 тыс. десятин при среднем размере одного хозяйства около 1200 десятин. Принимая во внимание размер посевов на 1920 год, средний урожай и покрытие всех потребностей самих хозяйств (в том числе на продовольствие рабочих и их семей, на прокорм скота и на обсеменение),—Наркомзем (Народный Комиссариат Земледелия) вычисляет на 1920 г. чистый остаток для предоставления фабрикам, железнодорожным рабочим и городам в два миллиона пудов зерна, не считая других продуктов.

Через год после решительного вступления на путь «урбанизации», т. е. подчинения городу, вернее, на путь организации инициативой города и под его руководством основного вида земледелия,—посева хлебов,—был поставлен декретом 2-го марта 1920 года практически в общем масштабе и вопрос о создании вокруг каждого города пояса муниципальных огородов. Постепенно они начали образовываться еще раньше, — так, Московский Совет Рабочих Депутатов уже в 1919 году со своих хозяйств собрал 820 тыс. пудов овощей и 70 тыс. пуд. сыра и других молочных продуктов. Теперь такие муниципальные пригородные молочно-огородные хозяйства должны быть организованы повсеместно с выделением для этого вокруг городов и фабричных поселений соответственного кольца земель (доставку огородных семян взяло на себя государство и действительно осуществило ее в 1920 г.).

«Советским хозяйствам» принадлежит большое будущее в недавно воссоединенной с Россией (после победы над Деникиным) Донской области. Здесь имеется несколько миллионов десятин никем незанятой, свободной, превосходной по качеству и по географической обстановке, земли (владения бывших казачьих генералов, земли бывшего государственного коннозаводства), так называемый «запасный войсковой земельный фонд» и проч.). В 1920 г. с весны приступлено здесь к их организации и можно думать, что в течение пары лет площадь их превазойдет все достигнутое до сих пор в остальной Советской России, взятой вместе. Вообще же развитие советских хозяйств будет идти в ближайшие годы, очевидно, не столько расширением их общей площади (за исключением недавно воссоединенных с Советской Россией губерний, именно — Оренбургской и Уральской, где организация их только начинается), сколько путем увеличения занятого посевами процента этой площади и общего улучшения в них хозяйства (интенсификация). В связи с этим начались в последнее время, между прочим, и работы по организации в советских хозяйствах также посевов специальных промышленно-технических растений (различные растения

служашие для приготовления составных частей лекарств, табак, инжир и проч., не говоря уж о таких, как лен, пенька и т. д.).

Присоединение богатых хлебом, скотом и землей северного Кавказа, Дона, западной Сибири дает теперь возможность Р. С. Ф. С. Р. не только гораздо прочнее чувствовать себя в продовольственном отношении (и даже подумать об организации в дальнейшем экспорта за границу, по удовлетворении полностью внутренних русских потребностей), но и представляет источник, из которого можно будет пополнить недостаток в рабочем скоте, отсутствие которого в надлежащих размерах особенно тормозит полное использование всей наличной (и подлежащей организации в казачьих областях) площади советских хозяйств. В первые 5 месяцев 1920 г. Компрод из своей программы снабжения хлебом выполнил для армии 90%, транспорта 70% столиц, 50%, фабрик и заводов 40%, детей 40% и проч. 30%.

III. Транспорт и топливо.

✓ Если индивидуальное крестьянское хозяйство современной России при нынешнем его состоянии совершенно не потребляет привозимого по железным дорогам или по водным путям топлива, да и вообще в своем хозяйственном обиходе почти не использует ни паровозов и вагонов, ни пароходов и барж (разве что для подвоза из городов небольшого количества сельскохозяйственных орудий, железа, соли и т. п.), то для существования промышленности и государства в целом транспорт и топливо являются таким же решающими предпосылками, как и вопрос о снабжении рабочей силой (которой в полной мере обеспечена деревня) и продовольствием (вместе с различными видами сельскохозяйственного сырья, о чем ниже).

Общее количество топлива, расходовавшееся до войны во всей бывшей Российской Империи на все нужды, кроме только отопления квартир населением, достигало в переводе на дрова по тепловому коэффициенту почти 40 милл. куб. саж., из которых на нынешнюю Советскую Россию (без Дона, Украины, Кавказа, Сибири и Туркестана) приходилось около половины (по вычислениям проф. Кирша, крупнейшего русского авторитета по топливоснабжению, скончавшегося в 1920 г. и стоявшего последний период царизма, затем при Керенском и в начале существования советского строя во главе центрального государственного топливного органа).

Из всего топлива приходилось на уголь 65%, на нефть 20%, на дрова 13 $\frac{1}{2}$ % и на торф 1 $\frac{1}{2}$ % (по тепловым коэффициентам количеств каждого рода топлива). Общее потребление дров во всей бывшей Империи (за исключением отопления квартир) в 1914 г., напр., согласно Киршу, составляло всего 5 $\frac{1}{2}$ милл. куб. саж., — наоборот, угля, сверх собственной добычи от 2 $\frac{1}{4}$ до

2 $\frac{1}{2}$ миллиардов пудов в год, ввозилось еще из-за границы ежегодно около $\frac{1}{2}$ миллиарда. Советская Россия, потреблявшая в принимаемых нами для настоящего изложения границах около половины всего этого угля, потеряла почти все районы добычи угля внутри страны (и овладела ими снова лишь к началу 1920 года, найдя их в сильно разрушенном виде), а равно лишилась привоза угля из-за границы. Для одной только замены выбывшего из топливного баланса угля потребовалось бы увеличить заготовку дров Советской Россией примерно на 12 или 13 милл. куб. саж. против заготовки их в том же районе до войны. Да к тому же надо было заменить дровами еще отрезанную от России нефть, которой ежегодно привозилось из Баку и Грозного для топливных целей также свыше 200 милл. пудов.

Подобная задача была, разумеется, неразрешима сразу в ее полном объеме. Потому первые годы советского строя (1918 и 1919) неизбежно было дальнейшее сокращение расхода топлива в стране, начавшееся еще при царизме и продолжавшееся весьма интенсивно при Керенском. На территории Советской России (без Сибири, Дона, Кавказа, Украины и Туркестана) всего потреблено было топлива *) в переводе на дрова для всех целей (кроме отопления квартир, под которым понимается также приготовление в них пищи):

в 1916 г.	17 милл. куб. саж.
в 1917 г.	13 » » »
в 1918 г.	9 $\frac{1}{2}$ » » »
в 1919 г.	7 » » »

Таким образом общее потребление топлива для технических целей (как для жел.-дор. и водного транспорта, так и для промышленности, для водопроводов, военных целей и т. д.) составило в 1919 г. только 40% близкого к нормальному потреблению 1916 года. Сокращение расхода топлива может служить показателем степени сокращения различных отраслей народного хозяйства. Текстильная промышленность вместо 1.600 тыс. куб. саж. в 1916 г. (здесь, как и везде далее, переведены по соответственному коэффициенту в дрова и уголь, и нефть, и торф)—получила в 1919 году только 800 тыс. куб. Расход всего топлива в переводе на дрова некоторыми важнейшими категориями потребителей по годам таков (в тысячах кубов):

	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.
железные дороги	7.890	5.150	3.000	2.900
металлическая промышленность	1.800	1.300	890	490
химическая промышленность	1.200	1.050	935	510
группа «водосвет» **)	540	480	350	270
пищевая промышленность	380	300	300	230

*) Все эти и приводимые ниже сведения о фактическом потреблении топлива в 1916—1919 гг. взяты из материалов и отчетов Главного Топливного Комитета Высшего Совета Народного Хозяйства.

**) В группу «водосвет» входят водопроводы, канализация, газовые заводы электрические станции и т. п.

Легко заметить, что особенно сократилась металлическая промышленность (куда включена и металлургия), в главе о промышленности мы к этому еще вернемся. Если бы дело и дальше шло таким же образом, то скоро на всех русских заводах висели бы замки по невозможности пустить их в ход из-за отсутствия топлива. Но время советской власти было периодом затраты все больших сил на дело заготовки дров и перевода индустрии и транспорта на древесное топливо вместо обычных прежде угля и нефти. Постепенно эти усилия создали возможность поворота к лучшему—и 1919 г. явился низшим пунктом всего периода, вместо которого теперь наступают уже заметно более благоприятные условия.

Топливный год считается в России от 1 июля до 1 июля. На первый год советской власти во внутренней России оставались еще довольно большие запасы нефти и отчасти угля, которые успели быть подвезены из потерянных затем окраин. Заготовка дров не превышала обычной в прежнее время. Из всех 5¹/₂ милл. куб. саж. дров, составлявших техническое потребление всей бывшей Империи,—на принимаемую нами во внимание Советскую Россию приходилось обычно около 4 милл. куб. саж. В сезон 1917—1918 года заготовки оказались даже ниже этой величины, но дефицит против фактического потребления покрыт был сохранившимися запасами от прежнего времени, и это расходование старых дровяных запасов продолжалось весь 1918 год (а старые и успевшие быть подвезенными в 1918 г. запасы нефти, благодаря строго экономному и рациональному их расходованию, должны были окончательно иссякнуть лишь в мае 1920 г.—но еще до этого стала прибывать нефть из только что воссоединенного Кавказа).

В следующую кампанию 1918—1919 г. (тоже с 1 июля по 1 июля) дровяные заготовки советского государства оказались уже удачнее, всего было вновь заготовлено несколько свыше 4 милл. куб. саж. дров. Наконец, третий год дал уже свыше 9 милл. куб., т. е. больше, чем в мирное время заготавлилось дров для технических целей во всей бывшей Империи с Польшей и Сибирью вместе, и свыше чем в два раза больше против заготовки за тот же период предшествовавшего операционного года. Улучшение дела заготовки (и вывозки из леса) дров позволило в 1920 г. приступить к усилению снабжения топливом важнейших отраслей хозяйства. Например, железные дороги Советской России, расходовавшие в 1919 г. в среднем в переводе на дрова всего по 240 тыс. кубов топлива,—в первые месяцы 1920 г. потребляют фактически уже по 280 тыс. куб. Таким образом дело заготовки древесного топлива,—

основного вида топлива в современной России,—поставлено уже достаточно широким образом, и самое трудное время страной в этом отношении уже пережито. Программа заготовки дров на операционный 1920—1921 год подготовлена к осуществлению еще более широкая*), но даже и помимо этого общее топливное положение России теперь значительно улучшается, благодаря достигнутому воссоединению с нею кавказских нефтяных и до-непких угольных территорий.

В Баку, Грозном (Северный Кавказ) и Эмбе (северное побережье Каспийского моря) советская власть овладела весной 1920 года запасами нефти около 350 милл. пудов в общем, при чем сам те промысла оказались в достаточно пригодном состоянии для дальнейшей, хотя и сокращенной сравнительно с мирным временем, эксплуатации. Уже в настоящее время по наличным в исправности вагонам-цистернам и нефтеналивным баржам обеспечен привоз в Советскую Россию свыше 150 милл. пудов из этой нефти в течение лета и осени 1920 г., из них до 1 июля прибыло свыше 30 мил. пуд.

В свою очередь присоединение Донецкого бассейна, даже если не удастся поднять средней нынешней фактической добычи угля, составившей в январе—июне 1920 года по 20 милл. пудов угля в месяц,—даст четверть миллиарда пудов угля в год, которых раньше не было в нашем распоряжении (у нас был только уральский угольный район с добычей около 60 милл. пудов в год и подмосковный с добычей около 30 милл. пудов в год,—а теперь кроме донецкого, могущего вывозить часть своего производства в Советскую Россию, к нам прибавились еще два самообслуживающих района: туркестанский с более 10 милл. и сибирский около 90 милл. пудов в год).

Улучшение положения с углем и нефтью (даже если не принять во внимание возможное в дальнейшем увеличение добычи угля в Донецком бассейне) о чем ниже и достигнутое уже увеличение заготовки (и вывозки) дров позволяет Главному Топливному Комитету на предстоящий топливный 1920—1921 г., — считать обеспеченным в переводе на дрова снабжение Советской России топливом в размере 10.800 тыс. куб. саж. вместо 7 милл., фактически потребленных в 1919 году, т.-е. на половину больше. В частности предстоящее снабжение некоторых отдельных важных категорий потребителей по сравнению с фактически

*) Усиленное рубление лесов вдоль рек и железных дорог отразится, конечно, впоследствии несомненным ущербом народному хозяйству,—это часть той цены, какую Россия вынуждена платить за избавление от «топливной петли», накинута ей было на шее союзом иностранных империалистов с русскими контр-революционерами путем попытки отрезать от нее угольные и нефтяные районы.

бывшим в 1919 г. представляется в переводе на дрова следующим (в тысячах куб. саженей):

	1919 г.	1920 г.
железные дороги	2.900	4.200
металлическая промышленность	490	1.500
текстильная промышленность	800	940
химическая и пищевая промышленность	830	2.200
группа «подосвет»	270	720

В переходные месяцы, — летом, — могут быть еще временные затруднения, но в общем худшая пора топливного кризиса, как и кризиса продовольственного, могут считаться в Советской России преодоленными. Если раньше нашим заводам и нашему транспорту крайне трудно было работать просто уж по недостатку продовольствия для рабочих и по недостатку топлива для котлов, то теперь лишения в этом отношении, видимо, будут уже меньше. На первый план более выступают вопросы самой работы промышленности и транспорта. И то, что достигнуто было транспортом и промышленностью даже в описанных выше исключительно тяжелых условиях снабжения продовольствием и топливом, позволяет рассчитывать на значительные достижения и в дальнейшем.

В вопросе о транспорте, наряду с проблемами продовольственной и топливной всегда вставал перед Советской Россией кризис материального оборудования, а в вопросе о промышленности кризис снабжения сырьем. Россия вообще до войны из всех потреблявших ее машин и орудий производила сама только половину (точнее 47⁰/₁₀₀ в переводе на стоимость, по тогдашним ценам, конечно), а остальное получала из-за границы.

Длина железнодорожной сети в распоряжении Советской республики все время изменялась в зависимости от хода военных действий. Первые 2 месяца существования Советской власти перемен почти не было. На 1 января 1918 г. состояло 53.290 верст рельсовых путей в эксплуатации при общем наличии 14.525 «здоровых» паровозов *). Затем вскоре начались бунт казачьего генерала Каледина, война против России стоявшего тогда во главе «украинской рады» Петлюры и наступление войск Вильгельма II. За один январь потеряно было несколько тысяч паровозов и значительная часть рельсовой сети. Сокращение сети достигло наибольших размеров к 1-му октября 1918 г., когда в советской власти оставалось всего 20.950 верст (менее 40⁰/₁₀₀ того, что она получила в наследство от Керенского) и при них всего 5.037 «здоровых» паровоза

*) т.-е. не находящиеся в ремонте или в ожидании ремонта. Все цифры о железных дорогах взяты из официальных документов Народного Комиссариата Путей Сообщения.

(все цифры о длине сети и количестве паровозов относятся ко всей территории, которая фактически находилась в соответственный момент в советских руках, то-есть включая и Украину и Сибирь и т. д.) Затем последовал длинный период, более года, когда подвластная советскому правительству рельсовая сеть постепенно расширялась по мере успехов советского оружия, но количество здоровых паровозов продолжало уменьшаться. Правда, мы не теряли их уж больше в пользу неприятелей, но и не захватывали у врагов, ибо враги, отступая перед русскими войсками и оставляя нам рельсовую сеть, угоняли с собой все бывшие в их распоряжении здоровые паровозы. Между тем оставшиеся у нас в руках паровозы выбывали из строя в большем количестве, чем ремонтировались, и потому число их таяло. Верст пути делалось все больше, а паровозов все меньше. На 1 декабря 1919 года было уже почти 47 тыс. верст всего при 4.140 «здоровых» паровозах. Но здесь начался перелом: военные успехи Советской России зашли так далеко, что врагов притиснули совсем к Черному, к Белому, к Каспийскому морю, к Байкалу, им некуда стало угонять свои паровозы, а перепортить все они не успевали—и в наши руки стали переходить в разных местах не только новые тысячи верст путей, но и новые сотни исправных паровозов. В результате Советская Россия на 1 июля 1920 года имела уже 53.703 версты рельсовых путей в эксплуатации и 7.500 здоровых паровозов. Шыпешняя советская жел.-дор. сеть равновелика таким образом той, которая получена в наследство от правительства Керенского (протяжение отпавших линий Бессарабии и т. п. покрыто приростом от постройки за это время некоторых новых линий в европейских владениях Советской России), но количество здоровых паровозов значительно меньше того, что было. Мы отбили обратно у мятежных царских и казачьих генералов захваченные ими в 1918 году паровозы, но из них лишь часть вернулась к нам «здоровыми» (сейчас во всей Сов. России, кроме здоровых, имеется еще свыше 11 тысяч «больных» паровозов, отчасти ремонтирующихся, но главным образом пока лишь ожидающих ремонта),—а паровозов, угнанных Вильгельмом II, равно в Польшу и Румынию, мы и вовсе не вернули. В результате, если взять для каждого месяца количество всех здоровых паровозов в отношении ко всей сети, то на каждую тысячу верст приходилось:

1 января 1918 г.	273 паровоза
1 октября 1918 г.	241 паровоз
1 декабря 1919 г.	88 паровозов
1 июля 1920 г.	130 паровозов

Хотя худшее время пережито, таким образом, уже и относительно паровозов, но единственным средством за все

это время не уменьшить количество перевозимых грузов могло быть только улучшение эксплуатации наличных паровозов (мы не останавливаемся на вагонах, ибо положение с ними наменялось параллельно положению с паровозами *) с тою лишь разницей, что сокращение их количества было меньшим и недостаток поэтому менее острым). Улучшение положения путем усиления постройки новых паровозов или увеличения среднего и капитального ремонта пришедших в негодность было невозможно, пока заводы Донецкого бассейна и Урала были либо вовсе отрезаны от Советской России, либо служили непосредственным театром военных действий, либо находились лишь в стадии первоначального приведения в порядок после разрушений, произведенных «белыми» генералами, сплошь увозившими или уничтожавшими важнейшие части машинного оборудования, уводившими квалифицированных работников и технический персонал до бухгалтеров включительно и т. д. Между тем, многие матерпалы и полуфабрикаты, необходимые для производства или ремонта паровозов, а отчасти и готовые фабрикаты (напр. дымогарные трубы), производились почти исключительно в Донецком бассейне и на Урале.

Советская Россия принуждена была при таких условиях противопоставить уменьшению материального оборудования транспорта почти исключительно лишь улучшение его использования, упавшего к моменту установления советской власти (конец 1917 г.) до низшего уровня. Действительно, несмотря на тяжелые продовольственные условия, было постепенно достигнуто значительное улучшение нагрузки одного товарного вагона и веса товарного поезда (в 1919 г., сравнительно с 1918 годом на 10⁰/₀), среднего суточного пробега как работающих паровозов, так и вагонов в 1919 г. на 14⁰/₀, сравнительно с 1918 г.), сокращение продолжительности оборота как паровоза, так и вагона (в 1919 г. на 17⁰/₀ сравнительно с 1918 г.), увеличения среднего суточного количества ежедневно грузимых и принимаемых вагонов и т. д. Благодаря этому, несмотря на уменьшение числа здоровых паровозов и вагонов и ухудшение отношения его к протяжению рельсовой сети,—достигнуто было на деле фактическое увеличение количества перевозимых грузов. Так, в первом полугодии 1918 г. советские железные дороги перевезли всего 1.739 миллионов пудов, а в первое полугодие 1919 г. уже 2.150 мил. пудов или на 24⁰/₀ больше. Правда, все эти улучшения достигнуты были, между прочим, не только увеличением старательности работы наличных железнодорожников, но и увеличением их количества, благодаря

*) На 1 января 1918 г. было 291 тыс. здоровых вагонов, а в июле 1920 г. 262 тысячи здоровых вагонов (без Екатеp., Юж.-Зап. и Сред.-Азиат. дорог).

чему на версту пути числится теперь в среднем 28 человек рабочих и служащих вместо 14 человек, бывших до войны 1914 г. (главное увеличение произошло в конце 1917 г., в связи с переходом от 12-часового к 8-часовому рабочему дню).

К весне 1920 г. обозначились два обстоятельства, обещающие значительное облегчение жел. дор транспорта. Во-первых, военные успехи уменьшали потребность в отвлечении паровозов для военных перевозок. В 1919 г. под различными воинскими поездами все время занято было не менее 50⁰/₀ наличных участвующих в движении паровозов, иногда это количество повышалось даже до 65⁰/₀. Конец 1919 г. и начало 1920 г. принесли полную победу в Западной и Средней Сибири и потому полную ликвидацию Колчаковского фронта; полную победу под Архангельском и на Мурманском берегу и потому полную ликвидацию Беломорского фронта; полную победу на северном побережье Каспийского моря и в Средней Азии и потому полную ликвидацию Дутовского и Туркестанского фронтов; полную победу над Деникиным и потому полную ликвидацию Донского и Кавказского фронтов; наконец, мир с Эстонией. Военные действия, не считая Крыма, остались в пределах Европейской России только по западной границе,—против Финляндии, против Латвии (с которыми уже, впрочем, начаты мирные переговоры), против Польши,—да в Восточной Сибири (небольшого, сравнительно, размаха).

Потому процент паровозов, назначаемых для военных перевозок, стал быстро сокращаться: из всей наличности участвующих в движении он составлял в Европейской России в январе текущего года 51⁰/₀, в феврале 46⁰/₀, в марте 34⁰/₀ и в апреле 35⁰/₀. Новая война с Польшей опять увеличила ⁰/₀.

Во-вторых, в связи с теми же военными успехами увеличилось количество крупных железнодорожных мастерских, находящихся в распоряжении Советской России для ремонта паровозов и вагонов; к весне 1920 года некоторые из них были приведены уже в сравнительный порядок и стали уже отчасти поступать в мастерские центральной России с Урала и из Донецкого бассейна недостававшие ранее для ремонта материалы, полуфабрикаты и изделия (к этому времени, напр., в центральной России почти совершенно иссякли гвозди и служащая материалом для их изготовления проволока, так что победа пришла поистине во-время). В результате выход паровозов из среднего и капитального ремонта сразу значительно увеличился. За зимние 19 недель, с 1 октября 1919 г. до 15 го февраля 1920 года, он составлял в среднем по всей сети по 205 паровозов в неделю с небольшими колебаниями, а за 7 весенних недель, с 22 февраля до 15 апреля 1920 г. он равнялся уже 250 паровозам, т.-е. произошло увеличение количества успе-

вающих отремонтироваться паровозов свыше чем на 20⁰/₀ и, благодаря всем этим обстоятельствам и по мере их развития, предстоит, видимо, и дальнейшее его увеличение, что приведет в равновесие текущий выход паровозов из эксплуатации вследствие их изнашиваемости с поступлением исправленных из ремонта.

Таким образом, можно считать, что даже при полном продолжении блокады и при неполучении из-за границы новых предметов оборудования железнодорожного транспорта — положение его в течение предстоящего года не ухудшится значительно, сравнительно с положением, бывшим последней зимой. В некоторых отношениях работа его представляется даже обеспеченнее. Напр., если на 1 ноября 1917 г. (при государственном перевороте пролетариата) запасы топлива на железных дорогах хватили в среднем лишь на 10 дней, то к концу весны 1920 года они достигают в среднем по всей сети почти полуторамесячной величины.

Если оборудование русских железных дорог отчасти зависело от привоза из-за границы, то речной флот России целиком строился и ремонтировался внутри страны. Значение водного транспорта может быть иллюстрировано тем, что в последнем целиком мирном 1913 году по одной только основной Волжско-Балтийской водной системе Петроград—Астрахань (т.-е. Волга со всеми ее притоками и каналами до Петрограда) перевезено было 25⁰/₀ того количества грузов, какое в том же 1913 году перевезено было по всей железнодорожной сети всей бывшей Российской Империи.

Речной флот указанного района национализирован перед навигацией 1918 г. и делится на пароходы (свыше 2 тысяч) и непаровые суда (около 14¹/₂ тысяч товарных барж, буксируемых пароходами). Обычный срок возобновления всего грузового флота—10 лет*). Поэтому к 1920 г. выбыли из строя (и постепенно выбывали в предшествующие годы или стояли без употребления, часто распиливались на топливо и т. п.) те суда, какие построены были до 1910 г.—таких имелось при национализации 34⁰/₀. Затем два года на важнейших участках Волжского бассейна разворачивалась война между революцией и контрреволюцией (Царицын, Самара, Казань, Уфа, Пермь и т. д.), причем воюющие стороны занимали для военных операций пароходы и баржи неизменно новейшей постройки лучшего типа и столь же неизменно сжигали или топили их при военных неудачах. Советским войскам представлялась еще возможность

*) В среднем за десятилетие 1906—1915 г. строилось, напр., ежегодно в указанном районе 1.701 непаровое судно. Все цифры взяты из официального отчета Главного Управления военного транспорта «Обзор деятельности водного транспорта», изданного в Москве в апреле 1920 года.

отводить свои суда вверх по Волге, но белые удалялись вообще из бассейна и потому уничтожали все. Теперь, когда весь бассейн свободен от войны и приведен в порядок, выяснилось по спискам Главвода, что таким путем потеряна целая треть, притом лучшая, этого речного флота. Таким образом для совершенства водных перевозок у Советской России могло остаться не более трети того речного флота, какой был у России царской или Керенского. К этому присоединились политические причины уменьшения грузов: в навигацию 1919 г. вовсе не поступило нефти и керосина из Баку, вследствие блокады англичанами Каспийского моря, снятой советским оружием лишь в апреле 1920 года (когда и в Баку провозглашена была советская власть) и в течение половины навигации невозможен был вывоз соли, вследствие временного захвата белыми подступов к обоим районам ее погрузки: Царицына на нижней Волге и Перми на Каме.

Всего перевезено в Волжско-Балтийском речном бассейне в миллионных пудов:

в 1913 г.	2.679
в 1914 г.	1970
в 1916 г.	168
в 1917 г.	1341
в 1918 г.	436
в 1919 г.	159½

Таким образом, если железные дороги в 1919 г. перевезли в Советской России почти половину того количества миллионных пудов, какое перевезли они в последнем мирном 1913 году, то водный транспорт перевез лишь одну восьмую. Падение водных перевозок во время мировой империалистской войны (1914—1917 гг.) вызывалось главным образом все более полным прекращением во время войны всякой строительной деятельности. Перевозка строительных материалов постепенно свелась на нет (и начинает возрождаться лишь в текущем 1920 г.), а она составляла в 1913 году в Волжско-Балтийском бассейне свыше 700 мил. пудов. Следует отметить также почти полное прекращение с 1915 года всякой постройки новых речных пароходов и барж, вследствие чего выбывавшие вследствие изношенности из активного употребления (они причаливались к берегу и числились в списках, ожидая слома) не заменялись новыми. В течение 1917 года когда цены на рабочие руки значительно вздорожали, а речной флот был оставлен правительством Керенского в руках частных владельцев, — частные владельцы совершенно прекратили за невыгодностью даже текущий ремонт судов старой постройки, и к следующей навигации они все выбыли уже безнадежно из активного использования. Это выбытие трети флота вместе с гибелью другой трети в связи с военными операциями достаточно объясняет уменьшение пе-

ревозок в 1918 г. втрое, сравнительно с 1917 г. Неудача же навигации 1919 г., сравнительно с 1918 г., объясняется указанными выше политическими причинами, вызвавшими отсутствие больших количеств нефтяных продуктов и соли. Всего перевезено в Волжско-Балтийском бассейне советским флотом в миллионах пудов:

	1918 г.	1919 г.	на сколько % меньше
дрова и лесные материалы	201	161	20%
нефть и керосин	100,5	17,4	83%
соль	29,3	17,1	40%
прочие грузы	75,2	60,2	2 %
пассажиры	5.500 тыс. чел.	7.401 тыс. чел.	на 25% больше

В отличие от железных дорог, где паровозов не хватало, чтобы перевозить наличные грузы,—на реках в 1919 г. стояли суда, которые по политическим причинам не могли отправиться в местности, где надо было производить погрузку. Благодаря этому, напр., в весеннюю навигацию (конец апреля и май), когда обычно в мирное время, пользуясь многоводием, грузили много товаров,—в 1919 г. перевезено было во всем Волжско-Балтийском бассейне лишь 20¹/₂ мил. пуд. всех грузов вместе. Теперь, в 1920 г. этих политических препятствий нет—и по телеграфным отчетам погрузка идет втрое успешнее. До 1 июля перевезено в 1920 г. по воде более грузов, чем за тот же период 1919 г. Центр тяжести устройства русского речного водного транспорта переносится теперь в вопрос о восстановлении строительства новых речных судов, к которому приступают лишь в текущем 1920 г. и от достаточно широкой постановки которого будет зависеть впредь самая возможность использовать в должной мере речные пути.

IV. Пролетариат.

Сначала мировая империалистская, а затем революционная гражданская война внесли, разумеется, крупные изменения в численность и состав пролетариата, в самый характер снабжения рабочей силой промышленности и транспорта и во все связанные с этим условия.

На территории Советской России (без Дона, Украины, Кавказа, Сибири и Туркестана) по наиболее полному из довоенных обследований тогдашнего правительства в 1908 году имелось всего 1 355 тысяч фабрично-заводских и горнопромышленных рабочих. Количество это, заметно выросшее еще до войны, особенно возросло в 1914—1916 гг. в связи с чрезвычайным расширением (и созданием новых) предприятий, работавших на нужды войны, и к 1 января 1917 г. достигло 2.048 тыс. челов., т.-е. увеличилось за девятилетие на поло-

вину *). Расширение произошло, главным образом, за счет малоквалифицированного труда на снаряжательных и т. п. заводах и территориально в значительной мере сосредоточивалось в Петрограде, как главном тогдашнем центре военной индустрии. Вновь привлекавшиеся работники и особенно работницы рекрутировались из соблазненных высокими заработками пришельцев из деревни, отчасти из прислуги и городского мещанства, шедшего на заводы и по соображениям о возможности таким путем предохранить себя от риска непосредственного участия в военных действиях.

Весенняя революция 1917 г., поставив самым фактом своим вопрос о мире или о выходе России из мировой войны, привела к остановке роста военной индустрии и даже к началу ее сокращения. А окончательная победа партии мира с осенней революцией того же 1917 г. вместе с описанными выше создавшимися уже к тому времени затруднениями в снабжении заводов продовольствием, топливом и т. д.,—повели к «молниеносной» демобилизации. К концу весны 1918 г. численность фабрично-заводского пролетариата совпадала уже с мирной, все, что выросло за несколько лет войны, снесено было в несколько месяцев—и предпринятая несколько позже, 31 августа 1918 г., всеобщая промышленная перепись фабрик, заводов и горных предприятий зарегистрировала в них уже только 1.400 тыс. рабочих.

Из промышленности ушли к этому времени элементы наемные, временно привлеченные для обслуживания военных потребностей преимущественно в качестве вспомогательной чернорабочей силы. Темп всего процесса хорошо иллюстрируется сведениями о деятельности бирж труда **). «До «большевистского переворота» биржи труда в России почти не существовали. В наследие от режима Керенского Советская Россия получила всего 27 бирж—такова была их наличность на 1 ноября 1917 г. Новый строй вызвал необходимость широкой и всеобъемлющей организации перераспределения рабочих. К 1 января 1918 г. действовало уже 50 бирж труда, а к 15 мая они существовали уже во всех значительных пунктах пребывания пролетариата—всего в 156. Еще 31 января 1918 г. издано было предписание замещать освобождающиеся места исключительно через посредство бирж труда (переименованных

*) Данные за 1908 г. из изданных в 1912 г. прежним Министерством Торговли и Промышлен. статистических сведений по промышленности за 1908 г.; данные на 1 января 1917 г. по материалам тогдашнего особого совещания по топливу, цит. у Струмилина «Состав пролетариата»; данные на 31 августа 1918 г. по переписи Центр. Статист. Управл., на 1 марта 1919 г. и на 1 января 1920 г. по доставленным мне всеми органами промышленного управления специальными отчетам; данные о членах профес. союзов по материалам Всеросс. Центр. Совета Проф. Союзов.

**) Все сведения о биржах труда из отчетов стоявшего во главе их тов. Анны Коста за 1918 и 1919 гг.

ватем в «отделы распределения рабочей силы»), и можно считать, что с мая 1918 г. их регистрация охватила уже почти все случаи (в дальнейшем сеть бирж распространена была и на мелкие пункты—на 1 ноября 1918 г. их было уже 224, а еще ровно через год—320). Так как вся сеть построена по одному плану и в каждом пункте существует единая биржа (с соответственными отделениями), то исключена возможность повторного счета одних и тех же безработных и мест.

За январь—апрель 1918 г. через биржи прошло 342 тысячи безработных, за май—декабрь—1.170 тыс. чел. и за январь—август следующего 1919 г. — 1 081 тыс. чел. На каждые 100 безработных в каждый период было предложено мест:

январь—апрель 1918 г.	37
май 1918 г.	37
июнь 1918 г.	63
июль—сентябрь 1918 г.	78
октябрь—декабрь 1918 г.	79
январь—апрель 1919 г.	105
май—август 1919 г.	119

Избыток рабочих сил довольно быстро сменился их недостатком: лишние элементы, ставшие ненужными с прекращением участия России в мировой войне, ушли обратно в деревню, куда их манил к тому же начавшийся фактически с концом зимы общий передел земель. Потому раньше всего количество предлагаемых мест превысило число ищущих их рабочих для чернорабочих—уже с июня 1918 г., затем для строительных рабочих (землекопы и пр.)—с июля, и для рабочих по переноске тяжестей, по погрузке и выгрузке и по извозу—с августа того же 1918 г. Через год, в августе 1919 года, безработных насчитывалось больше, чем предлагалось им мест, только в четырех группах, при чем на 100 безработных предлагалось мест:

свободные интеллигентные профессии	73
работники гигиены (бани, прачечные, парикмахерские и т. д.)	77
торговые служащие	41
текстильная промышленность	7

В главе о промышленности мы увидим, как характерны в показательны эти цифры. «Свободные профессии»—это главным образом бывшие чиновники прежнего времени и молодые люди из бывшей средней буржуазии, без особых специальных знаний или навыков, сравнительно медленно всасываемые поэтому новым административным аппаратом на различные неответственные должности. Потребность в бывших приказчиках и т. п. торговых служащих сократилась, ибо в связи с произошедшей национализацией торговли всеми фабрично-заводскими изделиями создана была единая сеть распределительных пунктов со значительно меньшим количеством лавок, чем какое имелось раньше. Это обстоятельство вместе с общим уменьшением количества обращающихся продуктов сделало излишней значительную часть

прежнего слоя торговых служащих. Наконец, текстильная промышленность была единственной из всех отраслей индустрии, которая все время имела избыток и продолжала значительно сокращаться и после окончания демобилизации 1917—1918 г.— вплоть до начала 1920 г. Во всех же других отраслях недостаток в рабочих, образовавшийся показанным в приведенной выше таблице темпом и закрепленный продовольственными затруднениями в городах,—достиг в конце концов таких размеров, что в начале 1920 года повел к вызову из деревень в порядке «трудовой мобилизации» известного количества чернорабочих, строительных рабочих, гужевых рабочих, грузчиков и т. п. (декреты о трудовой повинности в январе 1920 г.), а для некоторых вспомогательных работ, как подвоз дров, погрузка и разгрузка различных предметов, земляные работы и т. д., широко начали использоваться также находящиеся внутри страны воинские части, не участвующие в данный момент в военных действиях (на время такого использования они, сохраняя военную дисциплину и готовность вернуться к боевым действиям, получают название «трудоармейцев»).

Количество фабрично-заводских рабочих, достигнув довоенного уровня, т.-е. 1.400 тыс. чел. к 31 авг. 1918 г., продолжало затем сокращаться главным образом за счет закрытия текстильных фабрик. В то время, как в 1918 г. находились в действии текстильные фабрики свыше чем с полумиллионом рабочих (около 570 тысяч)—к началу 1920 г. на работающих текстильных фабриках занято было лишь 220 тыс. чел. (да около 30 тыс. находилось на закрытых фабриках для их охраны или ремонта,—кроме того на тех и других фабриках вместе было около 30 тыс. служащих). Общее количество фабричных рабочих к 1 марта 1919 г. составляло уже только 1.200 тыс. чел., а к 1 января 1920 г. всего лишь 1 миллион (считая по-прежнему Советскую Россию без Сибири, Украины, Дона и Кавказа).

На уменьшение количества рабочих само собой сильно влияло недостаточное снабжение промышленности топливом и особенно продовольствием. И фабричные и транспортные рабочие живут в России преимущественно в районах с недостатком хлеба. Если разбить губернии Советской России (в указанных выше пределах) на две уже известные нам группы: губернии с обычным недостатком собственного производства хлеба для прокормления своего населения и губернии с избытком хлеба («производящие» или «вывозящие»), то распределение между ними каждой группы работников будет таково:

	недостаточные	избыточные	всего
железнодорожники	62%	38%	100%
работники водного транспорта	61%	39%	100%
фабрично-заводские	78%	22%	100%

Между тем, не говоря уж о гораздо большей доступности «самоснабжения» продовольствием в избыточных губерниях (путем закупки на спекулятивном «мешечническом» рынке),— даже выдача продуктов питания государством (Компродом) происходит щедрее в губерниях, богатых хлебом. Например, за четыре месяца, август—ноябрь 1919 г., по 42 городам *) различных районов выдавалось в среднем, в переводе на калории, около 20 тысяч калорий в месяц на душу (т.-е. свыше четверти средней физиологической нормы). Разбивая эти города на расположенные в губерниях: 1) необеспеченных своим хлебом (в том числе Москва и Петроград), 2) средне обеспеченных, 3) хорошо обеспеченных,—получаем среднюю месячную фактическую норму выдачи Компродом в калориях:

первая группа	14 300
вторая группа	17.700
третья группа	25.300

Даже, если принять во внимание закупку хлеба и прочего продовольствия на «мешечническом» рынке, то по обследованию Народного Комиссариата Труда в начале 1919 г. все потребление взрослого физического рабочего—мужчины, для которого «научная норма» должна составлять 100 тыс. калорий в месяц, составляло по отношению к этой норме в процентах:

Петроград	53%
Москва	78%
Тамбов	9%
Смоленск	93%
Казань	100%
Пенза	105%
Симбирск	127%

При таких условиях понятно, что отлив рабочих в деревню особенно из Петрограда и отчасти из Москвы, принял в пережитый период большие размеры. Но что основное ядро рабочего класса осталось на месте, это показывают, сверх косвенного свидетельства данных бирж труда, также прямые данные о степени квалифицированности оставшегося в «неблагополучных по продовольствию» центрах пролетариата. Как раз к указанному выше сроку обследования питания взрослых рабочих произведено было также обследование квалифицированности рабочих петроградских фабрик и заводов **). Все рабочие каждой

*) Сводка из № 9 «Эконом. Жизни» за 1920 г., ст. «Движение цен» тов. Струминына, вообще много сделавшего для статистического освещения условий хозяйственной жизни Советской России.

**) В обследование вошло по 422 предприятиях Петрограда 121 тыс. фабрично-заводских рабочих, т.-е. около 10% всего русского индустриального пролетариата. Кроме них на этих 422 предприятиях было еще почти 18 тыс. служащих (конторных, технических и т. д.) и почти 8 тыс. служителей (сторожей и т. п.). Данные взяты из вып. 7 «Материалов по статистике труда» Отдела статистики Наркомтруда.

отрасли производства разделены на 12 разрядов по степени квалифицированности (каждому разряду соответствуют особые тарифные ставки заработной платы, разбивка произведена по фактическому распределению рабочих между установленными для каждого производства тарифными разрядами). В первый или низший разряд вошли все чернорабочие и ученики (около 10% всех рабочих), при чем квалификация этого разряда принята равной нулю. Квалификация высшего 12 го разряда, т.е. наиболее обученного рабочего (их тоже около 10% всех), принята равной 100%, а в промежутке за каждый разряд прибавляется 9% квалификации.

Средний процент квалифицированности рабочих каждой отрасли оказывается при таком подсчете следующим:

электрические станции	58
типографии	56
химики	55
кожевники	52
мыловары и т. п.	48
металлисты	46
дел. свободелочники	45
текстильщики	43
пищевики	39½
швейная промышленность	39
бумажная промышленность	37½
стекло-фарфоровые фабрики	37
табачники	30

Средний % для всех отраслей оказывается равным 45, т.е. сравнительно высоким при принятом методе подсчета. Этот процент квалификации имеет место несмотря на то, что процент женщин среди рабочих теперь значительно выше довоенного. В данном случае среди петроградских фабрично-заводских рабочих он составляет 41%, вообще на нынешней территории Советской России составлял 31% в 1913 г. и уже почти 47% к началу 1917 года. Затем, правда, процент женщин несколько понизился в связи с тем, что нынешняя война отвлекает все же значительно меньший % мужчин, чем участие России в империалистской войне 1914—1917 гг. Все же, как показывают отчетные данные на начало 1920 г., и в настоящее время из рабочих фабрик и заводов около 40% составляют женщины. По данным, опубликованным В. С. Н. Х. в сборнике «Два года диктатуры пролетариата», из мужчин-рабочих московских фабрик в возрасте от 20 до 24 лет мобилизовано до 70%, в возрасте от 25 до 29 лет—около 55% и от 30 до 35 лет—около 35%. Уж по одному этому % женщин должен быть несколько выше довоенного. Наоборот, значительно сократился % занятых на фабриках и заводах подростков и малолетних в силу

социального законодательства Советского правительства *), в частности совершенно исчезла работа малолетних **).

Общий характер изменений в составе фабрично-заводского пролетариата в после-революционное время сводится таким образом к уменьшению приблизительно на четверть численности его сравнительно с мирным временем, преимущественно за счет сокращения текстильной промышленности и числа чернорабочих в прочих отраслях, но с сохранением на месте почти всего основного ядра квалифицированного пролетариата. В смысле основного элемента производства,—живой качественно подготовленной человеческой силы,—перед нами следовательно организм сжавшийся, но не разрушенный. Аппарат работает с меньшими результатами в силу недостаточности внешних условий (снабжение топливом, сырьем и т. д.), но аппарат не разложился и не испорчен, он сохранил упругость и, как показывают данные о промышленной деятельности,—проявляет ее постоянно успешным расширением работы и повышением производительности во всех отраслях, где удалось уже достигнуть более полного снабжения другими элементами производства, сырьем, топливом ***).

Фабрично-заводские рабочие являются в Советской России политически самой развитой и руководящей, но не самой многочисленной частью пролетариата. На нашей территории без Украины, Кавказа, Сибири и Туркестана имелось к январю 1917 года в последние месяцы царизма всего несколько менее 7¹/₂ мил. лиц, живших собственным наемным трудом в качестве рабочих или служащих (не считая членов их семей), а через три года, к январю 1920 г.,—несколько менее 5 миллионов. По основным группам:

	1917 г.	1920 г.
железнодорожные	560	90
водный транспорт	280	180
авто-гужевой транспорт	140	120
строительное дел.	200	20

*) В частности уже 11 ноября и. ст. 1917 г. на четвертый день государственного переворота автором этих строк был составлен и опубликован от имени советской власти обширный декрет о введении в России 8-часового и для некоторых отраслей 6-часового дня, о работе женщин и несовершеннолетних, о ночной и сверхурочной работе, о праздниках и т. п., переработанный затем более чем через год с накопившимися добавлениями в «Кодекс труда» Р. С. Ф. С. Р.

**) Уч. ежедневная советской властью инспекция труда обследовала в начале 1919 г. московские предприятия с числом рабочих от 10 и выше. В них оказалось, уже к тому времени всего 1,7% лиц моложе 16 лет, которые в следующий год окончательно были сняты. В мелких частных «кустарных» ремесленных предприятиях менее чем с 10 рабочими устранить полностью детский труд еще не удалось по причине злоупотреблений уклоняющихся от контроляладельцев.

***) Кризис механического оборудования в русской промышленности в общем пока не давал себя сильно чувствовать — причины указаны в главе о промышленности.

	1917 г.	1920 г.
сельское хозяйство	1.400	109 *)
промышленные рабочие	2 050	1 600
прочие	1 700	2.400

В число «прочих» входят ремесленные рабочие, служащие всякого рода, прислуга и т. п. Для 1920 г. графа эта расписывается следующим образом:

и чта, телеграф, телефон, радио **)	100 тыс.
аптеки, больницы, санитарные учреждения и т. п.	112 »
народное просвещение	150 »
работники искусств	40 »
пожарное дело	124 »
трамвай, водопровод, канализация и т. п.	100 »
служащие фабрик и заводов	120 »
советские и общественные учреждения (центральные и местные) и торговые заведения, кроме указанных отдельно	700 »
лесов дач	30 »
казначейства, казны и т. п.	34 »
общественные столовые	80 »
парикмахерские, бани, прачечные и т. п.	40 »
домовые служащие	120 »
прислуга ***)	360 »
печатники, швейники и пр. ремесленные рабочие	300 »
прочие	50 »

Нало заметить, что из служащих советских учреждений и заведений как раз около трети приходится на рабочих и низших служащих типа рабочих (рассылные, уборщицы и т. п.) В общем на лиц физического труда, т. е. рабочих, в том числе неквалифицированных, из общего количества 2.400 тыс. «прочих» приходится около 1.400 тыс. чел., а слой собственно служащих во всех его видах (педагогический, медицинский, конторский, технический, административный и т. д. персонал) составляет лишь около одного миллиона человек.

Из всех 4.800 тыс. рабочих и служащих Советской России (без Украины, Сибири и т. д.) по имеющимся у меня под рукой данным большей части профессиональных союзов за 1919 г. известно местопребывание свыше 70%. Главными центрами сосредоточения пролетариата (включая служащих) являются согласно этому:

Московская губерния	772 тыс.
Петроградская	552 »

*) В 1920 г. сюда не входят отдельные батраки, без сомнения и сейчас напимые иио да в исключительных случаях некоторыми крестьянскими семьями (в случае смерти или в близости единственного работника и т. п.).

**) Советская Россия сдала обширную сеть радиостанций, не существовавшую ни при царизме, ни при Колчаке. В настоящее время на территории Советской России работает уже около трех сот радиостанций обслуживающих провинциальную печать, военные нужды и административные учреждения.

***) Данные о прислуге весьма приблизительны, поскольку речь идет о прислуге частных лиц, а не государственных или муниципальных учреждений.

Владимирская	172 тыс.
Нижегородская	172 »
Иваново-Вознесенская	165 »
Саратовская	165 »
Тамбовская	127 »
Пермская	127 »
Ярославская	116 »
Тверская	98 »
Самарская	93 »

На остальные три четверти губерний приходится лишь около четверти всех $3\frac{1}{2}$ мил. чел., состоящих в представивших эти сведения профессиональных союзах. Такая территориальная концентрированность пролетариата является естественным следствием сосредоточения в узких сравнительно районах всего механического оборудования. Предпринимавшиеся в последние годы, особенно в 1918 г. попытки «пересадить промышленность» в новые районы, рассеять ее по хлебным местностям, ближе поставить к источникам сырья и дальше от возможных военных ударов, хотя и привели к фактическому переносу за последние 2—3 года ряда крупных предприятий на Волгу и в районы ее притоков, но в общем не смогли еще существенно изменить картину. Этим объясняется, между прочим, и сравнительная немногочисленность пунктов, где существуют в России какие-либо профессиональные организации пролетариата. На 1 октября 1918 г. в 12 крупных отраслях народного хозяйства (металлисты, текстильщики, химики, пищевики, водники, кожевники, автогужевники, почтово-телеграфники, печатники, портные, фармацевты, служащие) имелось 2.120 тыс. человек, организованных в союзы, что составляло тогда свыше двух третей членов всех профессиональных союзов. И в этих 12 отраслях имелись союзы или отделения союзов только в 160 пунктах, при этом все 12 союзов имели свои отделения только в трех пунктах: Москва, Петроград и Нижний-Новгород. В 2 пунктах—Ярославль и Кострома—имелось по 11 союзов. В трех (Самара, Саратов и Тула) по 9, также в трех (Казань, Пермь и Тамбов) по 8, в четырех (Орел, Рыбинск, Рязань, Тверь) по 7, а в остальных еще меньше (в 5—по 6, в 5—по 5, в 4—по 4, в 12—по 3, в 30—по 2, в 89—по 1).

Но и эта, сравнительно тонко раскинутая по стране сеть профессиональных союзов является на большую половину продуктом уже советской эпохи русской истории. В январе 1918 г., т. е. через два месяца после переворота, на 1-м Всероссийском съезде профсоюзов было установлено, что общее количество их участников равнялось в то время 1.888 тыс. чел., представленных на съезде. Через год на II м съезде проф. союзов в феврале 1919 г. число членов всех союзов оказалось равным уже 3.422 тыс. чел., а еще через год на III съезде союзов в

апреле 1920 года было установлено, что число членов их на той же территории достигает уже 4 милл., т.-е. составляет около 80% всех лиц, живущих наемным трудом (рабочих и служащих вместе). Между тем в эпоху, советской революции (конец 1917 г.), принимая во внимание тогдашнее количество рабочих и служащих, организовано было в союзы лишь 30%. Поскольку развитие общественных навыков служит проявлением общего подъема культурности, а повышение среднего уровня интеллигентности увеличивает качественную ценность работников для промышленности,—этим ростом профессиональной организованности можно измерять увеличение организационной подготовленности русских рабочих по разрешению стоящей перед ними задачи воссоздания и дальнейшего подъема хозяйства страны в течение, после и по мере окончания переживаемого в настоящее время периода революционных войн.

Достижение за советский период истории России почти поголовной организованности рабочих и служащих в союзы чрезвычайно облегчило проведение единой тарифной политики и подготовку той громадной перемены в самой системе заработной платы (и в связанных с этим бытовых отношениях), какую несет с собой новый строй, по мере осуществления им своей экономической линии. При обобществленной организации производства, по мере фактического проведения ее в жизнь, неизбежно наступает все большая натурализация народного хозяйства в его целом. Прежде всего происходит переход от «анархического» производства на неопределенный рынок к общественно-учитываемому производству «на заказ». Иначе сказать—работа различных отраслей народного хозяйства происходит по единому заранее предначертанному из одного центра и согласованному в своих частях плану *). Вместе с тем все предприятия этих различных отраслей хозяйства принадлежат теперь одному владельцу—государству. Они превращаются как бы в отдельные цеха, мастерские одного и того же предприятия, внутри которого нет места ни «стихийной игре слепых экономических сил» прежнего буржуазного общества, ни торговым отношениям между отдельными мастерскими. Внутри организованного таким образом хозяйства исчезает надобность в купле-продаже сырья, топлива, оборудования, в кредите, банковских операциях и т. п., вместо этого происходит просто передача определенного количества предметов из одних отделений единого государственного предприятия в другие. Напр., в книги записи

*) В жизни, конечно, все это происходит не столь прямолинейно-схематически. «Анархическое» производство буржуазного строя начало уже несколько корректироваться синдикатами, трестами, государственным регулированием. Производство в государстве со властью протектариата далеко не сразу начинает работать по единому внутренне-согласованному плану и т. д.

сывается, что столько-то угля передано управлением государственных угольных копей (Главуглем) управлению государственных железных дорог (Наркомпутъ) по указанию ведущего распределением топлива государственного органа (Главтопа)—и все.

В применении к рабочему натурализация отношений его с обществом в целом, т.-е. замена выплаты ему заработка деньгами—выдачей натурой всех необходимых ему и его семье предметов, может наступить лишь по овладении государством в достаточной мере продуктами всех отраслей народного хозяйства. В этом отношении пережитое русским рабочим классом за советский период весьма характерно. Первый год советской власти формой вознаграждения за труд была исключительно денежная плата как основная, так и в виде премий за особую успешность работы. Самое слово «натурализация заработка» появляется в печати лишь в начале сентября 1918 г. Впервые 19 октября 1918 г. рабочее собрание, — всероссийская конференция металлистов, — принимает резолюцию о необходимости практической постановки на очередь вопроса о подходе к натурализации заработной платы (по докладу автора настоящего очерка). Второй год советской власти видит уже начало постепенного ее осуществления. Прежде всего апрельским декретом 1919 г. вводится бесплатное снабжение детей рабочих и служащих в возрасте до 16 лет всеми продуктами продовольствия*), а несколько позже вводится бесплатная выдача государством всем обучающимся в школах детям одежды, обуви, фуражек, чулок. Эта мера, в значительной степени уравнивающая в тарифном отношении положение семейных и бессемейных работников, представляет крупный шаг на пути к самому изменению характера материальных взаимоотношений между человеком и обществом место оплаты рабочей силы занимает распределение продуктов общего труда между всеми трудящимися, согласно их потребности (еще раньше проведено было полное принятие на счет государства всех расходов по случаю рождения ребенка, его первоначального вскармливания и т. п., вплоть до выдачи при каждом роде по 30 арп ткани бесплатно).

Следующим крупным шагом было фактическое упразднение квартирной платы путем воспрещения повышать ее над уровнем, какого она достигла до 1 июля 1919 г. При постоянно происходящем обеспечении денег это равносильно было быстрому сведению квартирной платы к ничему незначущей величине и к принятию содержания квартир рабочих и служащих на счет государства, ибо дома в городах с населением свыше 10 тысяч

*) В последние годы, к сожалению, при снабжении детей сравнительно с прочими категориями, дети получают по недостатку от Комиссии даже абсолютные больше зрелого рабочего, а относительно им обеспечена, напр., в Москве полная физиологическая норма.

в России муниципализированы и в крупных центрах, как Москва, Петроград и т. п. эта муниципализация осуществлена уже почти в полном объеме и на деле, а в остальных находится в различных стадиях. Насколько быстро меняется во времени сравнительное значение рубля на «вольном» рынке, видно из того, что если московские цены августа 1918 г. *) принять за это, далее получим такой ряд:

август 1918 г.	100%
ноябрь 1918 г.	114%
январь 1919 г.	224%
апрель 1919 г.	414%
июль 1919 г.	684% и т. д.

Если московские цены пищевого пайка на 1 сентября 1919 г. опять принять за 100%, то на 1 декабря 1919 г. они будут уже равны 312% и т. д. Если взять обычный для Москвы в мирное время суточный пищевой паек рабочего в 2.700 калорий (в обычном сочетании его вещественных составных частей—хлеб, картофель и т. д.), то на 1 января 1920 г. он стоит по ценам на «вольном рынке» (центральный «вольный» рынок в Москве помещается на обширной Сухаревской площади), по сводке тов. Струмилина, в 3.472 раза больше, чем стоил в той же Москве по средним ценам 1914 г.,—последнего года мира и первого года войны, когда дороговизна сравнительно не давала еще себя чувствовать. Понятно при таких условиях, что фиксирование квартирной платы на уровне июня 1919 г. фактически означает превращение взимания ее в простую формальность, имеющую характер лишь констатирования закрепления за данным лицом данной квартиры в традиционных, но отживших уже (и по существу ненужных) формах.

Следующим шагом в этом направлении было введение «общей производственной одежды». Из запасов государства выделено было около 100 мил. аршин для пошивки за счет государства для всех рабочих одежды и отчасти белья,—подобно тому, как за счет государства шьется одежда для солдат. Каждый профессиональный союз выбрал и утвердил образцы такой рабочей одежды для своих членов, смотря по их специальности. Подготовительные меры, организация пошивки и т. п. заняли довольно много времени, и фактическая раздача уже пошитой «производственной одежды» в широких размерах началась лишь

*) Определение средней месячной цены ежемесячно публикуется в Струмилинским путем сводки цен на продовольствие, одежду и т. д. с учетом размеров нормального мирного потребления каждого предмета и с выводом средней цены всего месячного «пайка». Мирный размер потребления каждого предмета (одежды, обуви, хлеба и т. д.) берется, чтобы получались все время сравнимые данные, т. е. отнесенные к одинаковому количеству предметов и жизненным удобствам. Это не значит, конечно, что бюджет среднего москвича действительно увеличился во столько раз—нет, уменьшилось потребление.

в 1920 г. Одновременно на счет государства, т.-е. также без вычетов из заработной платы, принято снабжение рабочих и работниц фуражками и головными платками, «производственной обувью» и т. д.

К концу 1919 года предметом производственного снабжения за счет государства без вычетов из заработной платы признано также мыло, распределение которого стало производиться в виду этого бесплатно через фабрично-заводские управления и профессиональные союзы. Несколькими месяцами раньше утвержден и осуществлен был декрет, по которому при продаже рабочим и служащим полагающихся им по карточкам сахара, соли, спичек и прочих предметов они уплачивают по твердым ценам, существовавшим в июле 1919 г., хотя бы затем эти твердые цены для остального населения повышались (и повышались действительно). Совокупность всех этих и им подобных мероприятий (еще раньше введена, напр., бесплатность для всех пересылки писем по почте* все более уменьшала значение денежной части заработной платы и все более увеличивала роль непосредственного удовлетворения государством потребностей рабочего и его семьи натурой (вплоть до широкой организации советами для рабочего населения театральных представлений и т. п.). В частности, напр., с марта 1920 г. начала уже успешно и широко проводиться в жизнь такая важная мера, как бесплатное предоставление за счет государства, без вычетов из заработной платы, всем рабочим и служащим на месте их службы горячих обедов.—Что же касается бесплатного снабжения пищей детей, то к 1 января 1920 г. им пользовалось уже почти 3 милл. детей, получавших между прочим, кроме обычных выдач хлеба, сахара и т. д., еще горячий обед со средней питательностью от 500 до 960 калорий в день, смотря по городу.

В самое последнее время, наконец, по постановлению апрельского (1920 г.) съезда коммунистической партии (большевиков), решено широко развить, в виде дополнения к обычной денежной плате, выдачу рабочим и служащим особых премий натурой (сахар, соль, мануфактура и т. д.) пропорционально затрате ими рабочей силы (вне обычной «карточной системы»). В качестве первого крупного шага в этом направлении 29 апреля решено выделение для железнодорожников особого фонда в 40 милл. арш. тканей, 10 милл. коробок спичек и т. д. Если вытеснение денег из некоторых областей хозяйства (вследствие объединения всей промышленности в руках государства и т. п.)

* В июне 1920 г. Всер. Центр. Исполн. Комитетом решена отмена всех денежных налогов, сборов и пошлин, в том числе подоходного (останется только специальный налог на самостоятельных лиц, не являющихся рабочими или служащими) и в плате подлежащими органами одобрена уже и отмена платы за проезд по железным дорогам и на переходах рабочих и служащих, следующих в отпуск или на пенсию а равно плата за перевозку грузов государственных учреждений.

объясняет наблюдаемое отставание темпа выпуска бумажных денег от темпа повышения цен, то в свою очередь все большее увеличение размеров и значения натуральных допад к денежной заработной плате объясняет, почему со стороны рабочих нет настоячивых требований о таком же темпе повышения денежной платы, в каком повышается выпуск бумажных денег. Благодаря новой организации хозяйства, русские рабочие все более теряют интерес к денежной плате,—деньги явно уже начинают отмирать и в этой своей функции, как отмерли и исчезли в Советской России еще ранее банки, биржа и т. п.

В самом деле, дороговизна возросла к 1-му января 1920 г. сравнительно с мирным временем в среднем по России в 750 раз (поскольку речь идет о всей совокупности потребления среднего рабочего,—продовольственного, квартирного и всякого иного, считая по средней довоенной норме этого потребления). Если в Москве средняя цена продовольствия поднялась к этому времени выше, чем в 3.400 раз, то в среднем по городам России цены продовольствия (по сводке т. Струмилина) составляли к этому времени лишь четверть московских,—Москва и Петроград—города исключительно «дорогие». Принимая во внимание $\frac{9}{10}$ в бюджете рабочего других расходов, кроме как на пищу, и среднее повышение цены этих других статей расхода,—получаем вывод, чтобы вести такую же жизнь, как до войны, оплачивая ее деньгами, городское население России должно было бы иметь в 750 раз более рублей (в деревнях жизнь, разумеется, значительно дешевле).

Если сравнить теперь темп прироста в стране количества выпущенных государством денежных знаков, то окажется, что на 1-е января 1914 г., последнего перед войной, приходилось на душу населения 14 рублей (согласно «Ежегоднику Минист. финансов, выш. 1916 г.», при чем засчитаны не только бумажные деньги, но и монеты), на 1-е января 1915 г. на душу приходилось уже 21 руб., на 1-е января 1916 г.—39 руб. (оттуда же) и на 7-е ноября нов. ст. 1917 г., день государственного переворота пролетариата,—уже почти 117 руб. Таким образом, еще до возникновения советской власти, масса денег в обращении по расчету на 1 жителя увеличилась почти в $8\frac{1}{2}$ раз. Затем при советской власти выпуск бумажных денег к 1 января 1920 г. превысил приблизительно в 12 раз количество их, выпущенных предшествовавшими режимами до перехода власти к нашей партии;

выпущено:

млрд. руб.

до 7 ноября нов. ст. 1917 г.	18.916
с 7 ноября 1917 г. до 1 ноября 1918 г.	30.547
с 1 ноября 1918 г. до 1 октября 1919 г.	92.711
с 1 октября 1919 г. до 1 января 1920 г.	38.000

Принимая во внимание уменьшение нынешней численности населения России сравнительно с Россией 1917 г. и дальнейшее печатание денег в первые 6 месяцев текущего года,—к 1 июля 1920 г. на жителя советской России должно приходиться в среднем до 4 тыс. рублей или почти в 300 раз больше, чем было в мирное время*). Между тем денежная заработная плата фабрично-заводских рабочих, составлявшая в последние годы пред мировой войной по отчетам фабричной инспекции в среднем 20 руб. в месяц, возросла к весне 1920 г. только в 150 раз**). Однако, уровень жизни рабочего ухудшился вовсе не в 5 раз, как может показаться при поверхностном сравнении (повышение цен в 750 раз при повышении заработка только в 150 раз). Ведь половину обычного потребительского бюджета государство доставляет рабочему натурой или бесплатно, или по «твердым» ценам весны 1919 г., имеющим в настоящее время лишь формально-учетное значение (квартиры, часть продовольствия, одежды и т. д.), что в общем занимает лишь несколько процентов нынешней денежной платы.

Уже в 1918 г., когда государство выдавало рабочему натурой по твердым ценам значительно меньше, чем теперь (а бесплатно вообще почти ничего не выдавало), и когда разница между твердыми и «вольными» ценами была гораздо меньше теперешней,—уже тогда, по обследованию Комиссариата Труда

*) Если цены увеличились в 750 раз, а количество денег на душу только в 300 раз, то помимо вытеснения потребности в деньгах широкими (и декретированными) развитием расчетов без денег между промышленными, транспортными и прочими государственными предприятиями и учреждениями,—надо принять во внимание как уменьшение массы обращающихся в стране предметов и продаваемых услуг (одной стороны), так и замедление оборота и закупку по твердым ценам (которые лишь в 50 и в 100 раз выше мирных)—с другой.

**) О постепенности повышения ее можно дать представление постепенный рост тарифной ставки чернорабочего в Петрограде (средн. тариф. ставка фабрично-заводского рабочего в России на 25% выше средней ставки петербургского чернорабочего). Первые тарифы—августа и ноября 1917 г. и июня 1918 г.—проведены были только для Петрограда, а последующие являлись уже актом общегосударственной власти, охватывавшим все профессии по всей России, разбитой для этого на ряд «тарифных поясов».

Т а р и ф	месячный оклад.
20 августа нов. ст. 1917 г.	220 руб.
14 ноября нов. ст. 1917 г.	310 »
1 июня 1918 г.	360 »
1 сентября 1918 г.	500 »
1 февраля 1919 г.	720 »
1 сентября 1919 г.	1.800 »

Для того, чтобы получить фактический заработок, надо прибавить 50% насдельную и премиальную оплату («Матер. по стат. труда», вып. 7; стр. 45). За 10 месяцев после 1 сентября 1919 г. общего пересмотра тарифа не производилось—иллюстрация к изложенному в тексте о постепенном падении значения денежной платы. Новый стиль введен в России лишь советским правительством,—з. ф. 1918 г.,—поэтому предшествовавшие даты также черевдм на новый стиль (как и всюду в настоящем очерке). Культурная роль советской власти сказывается и в таких сравнительно мелких мерах, как введение нового стиля или уничижение букв «ъ», «е» и «ь» в русской азбуке, — меры, на которые не решались ни царизм, ни Керенский, несмотря на «принципиальное» приваг и: их необходимо ти

нескольких тысяч бюджетов типичных московских рабочих в ноябре 1918 г., и петроградских рабочих в мае 1918 г., распределение в процентах расходных статей бюджета по сравнению с мирным временем оказалось следующим *):

	Петроград до войны	Петроград май 1918 г.	Москва ноябрь 1918 г.
пища	48,7	71,3	72,5
жилище	20,7	3,8	6,7
одежда	12,1	7,6	8,3
гигиена	3,3	3,4	3,2
культурно-просв.	4,7	3,1	1,9
прочее	10,5	11,8	7,4
	100%	100%	100%

Из расходов на продовольствие в Москве в ноябре 1918 г.шло на получение от государства продуктов по карточкам 9,6% и на покупку на «вольном» Сухаревском рынке 62,9% бюджета; из расходов на одежду—0,6% на получение от государства и 7,7% на покупку на Сухаревке. Следует здесь подчеркнуть, что, тратя на Сухаревке в 7 раз больше,—реально, вследствие разницы между сухаревскими «вольными» и государственными «твердыми» ценами, рабочий уже в то время получал от Сухаревки продуктов не более, чем от государства **). За протекшее время, хотя рабочий получает в 1920 г. от государства больше различных предметов, чем получал в конце 1918 года,—доля его бюджета на оплату получаемого от государства понизилась (вследствие неоднократного повышения тарифов заработной платы, введения бесплатности некоторых выдач и принятия на себя государством разницы между действительной нынешней величиной стоимости некоторых статей бюджета и прежними твердыми ценами). Подсчет показывает, что весной 1920 года получаемое от государства жилище и получаемая от него часть продовольствия, одежды и прочих услуг обходится средней рабочей семье менее 5% ее денежного бюджета, хотя покрывают в общем не менее половины всей суммы ее потребностей, а остальные свыше 90% заработка идут на «вольный» мешочнический спекулятивный рынок,—чем кстати можно в значительной мере измерить его нынешнюю емкость. Ибо, как способ приобретения средств производства, он играет роль весьма подчиненную, а главное значение его сводится к обслуживанию личного потребления.

*) «Стат. статка труда» № 1—4 за 1919 г., ст. тов. А. Стопани, на основании исследования для русских бюджетов. Приведенные в тексте сведения относятся к семейным рабочим. Такого же характера данные и об одиноких рабочих: в Москве в ноябре 1918 г. у них уходило на пищу 75,7% всего бюджета, на жилище 3,8%, на одежду 7,8%, на гигиену 3%, на культ.-просв. 2,2%, и на прочее 7,5%.

**) Понижение расходов на культ.-просв. нужды объясняется в значительной мере прогрессирующим удовлетворением их путем бесплатной для пользующихся организацией удовлетворения их государством.

Имея необходимость удовлетворить на «вольном» рынке около половины своих мирных потребностей, рабочий при данном повышении цен нуждался бы в начале 1920 г. в сумме денег в 375 раз большей, чем был его мирный заработок. Так как он имел сумму лишь в 150 раз большую, то нынешнее недопотребление по отношению ко всему мирному потреблению в целом составляет около 30% (а не 80%, как может показаться при поверхностном сопоставлении движения цен и денежного заработка). Эта разница всецело объясняется обеднением страны в результате шестилетней войны, особенно уменьшением оставшегося для города продовольствия в силу причин, указанных в главе о земледелии. Само собою понятно, что при теперешнем господстве пролетариата в России он не по той причине мало покупает на «вольных Сухаревках» всяких продуктов, что денежная заработная плата мала, — а наоборот: денежная плата не увеличивается по той причине, что «вольный рынок» не предлагает более продуктов. Ухудшение положения рабочего класса сравнительно с довоенным разделяется русским пролетариатом с пролетариатом всей Европы, участвовавшей в войне. Русский пролетариат имеет лишь то преимущество, что, владея государственной властью, всякое объективное улучшение материальных ресурсов государства может использовать для облегчения своего положения.

Постепенное, хотя и медленное улучшение продовольственного положения вместе с энтузиазмом борьбы и уверенностью в конечном успехе ее, закрепленной за последнее полугодие разгромом Колчака и Деникина, событиями в Германии и т. п., — все это не в малой мере содействовало тому постепенному поднятию производительности труда, о котором приходилось уже упоминать в главе о транспорте. В первый год советской власти, в 1918 г., средний невыход на работу (прогул, пропуск рабочих дней из-за поездок в деревню за продовольствием, из-за траты времени на обход спекулятивных рынков и т. п.) достигал 40% среднего дневного количества рабочих, числившегося в предприятиях и мастерских. К лету 1920 года этот процент сокращается уже примерно до 15%. Без преувеличения можно поэтому сказать, что если с конца лета 1918 г. до весны 1920 г. русские фабрики и заводы потеряли по спискам 400 тыс. рабочих, то реально от этого среднее количество ежедневно *работавших рабочих* не уменьшилось почти ни на одного человека. А интенсивность труда оставшихся работников даже повысилась, как показывают почти все сравнительные сопоставления, делавшиеся в последнее время. Пролетариат получил от буржуазных правительств такое наследство, что в «век пара и электричества» ему приходилось иногда в 1918—1919 г.г. организовывать *гузевый подвоз лошадей* за несколько сот

верст соли и хлеба (напр. во Владимирскую губ. и т. п.). И тем не менее общественно-организованный труд оказался в силах не только не дать погибнуть государству в таких условиях, но и постепенно повышать качество своего труда и улучшать отношение к работе. Это было достигнуто и достигается не палкой, не принуждением эксплуататора, а ростом самосознания, чувства ответственности и организованной самодисциплины самих рабочих,—никакой другой строй, никакое другое государство Европы не могут указать на подобные результаты. В России рабочие напрягают свои силы для самих себя, для будущего своего класса, слитого с освобождением всего человечества,—поэтому они способны на такие лишения и усилия, какие немыслимы в какой-либо стране подъяремных наемных рабов капитала. Велики затрачиваемые усилия, великий вырастает и результат. Энтузиазм труда стоит в порядке дня современной рабочей России *).

V. Промышленность.

В основе русской промышленности последнего полустолетия лежат четыре отрасли: горная, металлообрабатывающая, текстильная и обработки питательных продуктов. Наиболее полное обследование довоенной промышленности произведено было тогдашним правительством в 1908 и в начале 1909 г.**). Оно охватило и военные и военно-морские заводы и горную промышленность, словом, все, кроме мелко-ремесленных и кустарных предприятий (с числом рабочих менее 10 при двигателе или менее 16 без двигателя). Перед этим подобные же общие обследования всей индустрии производились в 1887 и 1897 гг. Во всей бывшей Российской Империи ход развития индустрии по этим данным представляется таким:

год	колич. заведений	сумма производства	число рабочих
1887	31 тысяча	1.334 милл. рубл.	1.318 тысяч
1897	39 тысяч	2.839 „ „	2 0% „
1909	40 „	4.838 „ „	2.550 „

*) В качестве примера можно привести сильно развившееся в последнее время течение «субботничества». Так называют добровольную, ничем не оплачиваемую работу рабочих, предпринимаемую ими по воскресеньям или по субботним вечерам для ускорения и увеличения различных необходимых работ (напр., ремонт вагонов, выгрузка и погрузка тяжестей и т. п.). В Москве в таких субботниках в октябре 1919 г. участвовало 4.300 чел., в ноябре—15 тыс., в декабре—16.600, в январе 1920 г. уже 35 тыс., в феврале—41.500 чел. Подобным же образом рабочие многих предприятий постановили в 1920 г. работать по 10 час. в день вместо восьми (иногда даже по 12), чтобы скорее положить конец разрухе. Невозможно переоценить значение и характерность таких фактов.

**) Результаты обследования опубликованы в 1912 г. Минист. Торговли; из этого же издания также цифры за 1887 и 1897 гг. Нами не приняты во внимание только ремесленные мастерские железных дорог, по существу являющиеся также отраслью металлообработки тяжелой промышленности (в 1908 г. в них было 85 тыс. рабочих при сумме производства в 71 милл. руб.). Сумма производства везде взята без вычета за вычетом цены того сырья и полуфабрикатов, какие засчитаны уже в производстве других отраслей.

Из всей этой индустрии на территорию нынешней Советской России без Украины, Кавказа, Сибири и Туркестана приходилось в начале 1909 г. 40% всего числа заведений, 60% всего числа рабочих, 53% всей суммы производства. По отдельным основным отраслям промышленности распределение в начале 1909 г. было во всей бывшей империи следующим:

промышленность	рабочих	лошадиных сил	сумма производства
горная	431 тыс.	299 тыс.	431 милл. руб.
металлическая	503 »	601 »	723 » »
текстильная	823 »	550 »	1.331 » »
питательная	387 »	387 »	1.563 » »
прочая	451 »	436 »	790 » »
	2.595 тыс.	2.273 тыс.	4.838 милл. руб.

На Советскую Россию из каждой из этих отраслей приходится приблизительно такая же часть, как и в среднем выводе для всей индустрии (с избытком по текстильной и недостатком по горной). По этим основным отраслям и следует обозреть их состояние в настоящее время.

Главнейшими отраслями горной промышленности в императорской России были добыча угля (174 тыс. рабочих в 1909 г.), нефти (47 тыс. рабочих), руды (48 тыс. рабочих), золота (81 тыс. раб.), затем каменоломни (63 тыс.) и соль (12 тыс. рабочих). Золото не служит непосредственно самой натурой своей восстановлению народного хозяйства; работа в каменоломнях почти приостановилась из-за остановки строительной деятельности и лишь теперь начинает возрождаться; все три основные района добычи соли находятся в 1920 г. (в отличие от 1919 г.) в советских руках (Пермский, Астраханский и Донецкий), и служит она преимущественно личному потреблению, а не дальнейшему производству*). Поэтому в дальнейшем мы остановимся лишь на угле, нефти и металлической руде.

Добыча угля в последнем целиком мирном 1913 г. составляла в милл. пудов:

Урал	70 милл.
Сибирь	145 »
Подмосковный район	17 »
Кавказ	4,3 »
Донецкий бассейн	1.561 »

*) В виду отрезанности большей части соляных промыслов от центра силами контр-революции советская Россия в 1919 г. добыла лишь 11.600 тыс. пуд. соли. Теперь, когда все основные районы соединились под советской властью, ежемесячная добыча примерно в два раза превышает среднюю месячную добычу 1919 г., а наличные запасы—около 30 милл. пуд. (в 1919 г. все годовое личное и техническое потребление составило едва 18 милл. пуд.). Золота и платины во второй половине 1919 г. на Урале добыто лишь 1.920 фунтов, промыслы были почти совершенно заброшены и эксплуатировались лишь индивидуальными «старателями». Организованный в 1919 г. Главный Золотой Комитет занят теперь организацией работ на

Всего во всей бывшей Империи добывалось почти 1.800 милл. пуд. (да кроме того ввозилось в Россию из-за границы 520 милл. пуд. и добыто было в Польше 426 милл.,—впрочем польский уголь целиком в Польше оставался). Почти полная отрезанность Советской России от главных районов добычи угля почти в течение всего 1919 г. свела ее к крайне незначительным величинам. За первое полугодие 1919 г. добыто было на всей советской территории лишь 13. 200 тыс. пудов, за второе полугодие—23.700 тыс. пуд. С 1920 г. наладилась советская эксплуатация угольных копей уже в 4 районах: Урал, Москва, Сибирь и Донец. По средним данным за первые шесть месяцев 1920 г. (за шестой месяц без последней недели), вся годовая добыча 1920 г., если в дальнейшем средние месячные величины не поднимутся (а есть основания ожидать, что они поднимутся) должна будет составить:

Донецкий бассейн	240 милл. пуд.
Урал	60 » »
Сибирь (без Вост.)	94 » »
Подмосковье	44 » »
Туркестан	9 » »

Всего таким образом на 1920 г. Советская Россия может рассчитывать на добычу около 450 милл. пуд. угля, а вероятно даже больше, так как процесс повышения добычи все продолжается. *) Это составляет уже 25% мирной добычи угля во всей бывшей Российской Империи кроме Польши и в 12 раз больше того, что Советская Россия добыла в 1919 г. Благодаря этому быстро повышается и вывоз угля из Донецкого бассейна для потребления его промышленностью и транспортом: в январе вывезено 2 милл. пуд., в феврале 5.200 тыс. пуд., в марте 14.100 тыс. пуд., в апреле около того-же, в мае около 17 милл. пуд., в июне еще более. По ходу восстановительных работ есть достаточно оснований ожидать, что в январе 1921 г. будут добываться уже 40 милл. из которых будет вывозиться до 30 милл. (остальное на потребление самых копей.) Рабочих угольной промышленности сейчас насчитывается до 165 тыс., из них 101 тыс. в Донецком бассейне, 15 тыс. в Подмосковье, 11 тыс. на Урале, Однако, если рабочих имеется 95% мирного числа, а добыча составляет только 25%, то из этого не следует, что успешность руда понизилась в четыре раза. Во-первых, всюду, особенно во вновь присоединенных районах, значительно ниже нормального % забойщиков среди рабочих; во-вторых, высший технический

уральских и сибирских промыслах. Данные о производстве в 1919 г., кроме особо оговоренных случаев, взяты из изданного в начале 1920 г. Высшим Советом Народн. Хозяйства отчета за 1919 г. Запасы золота в государственных хранилищах Советской России к 1 июля 1920 г. составляют 36 тысяч пудов в слитках и монетах помимо золота в изделиях.

*) Данные за 1920 г. взяты из отчетов Главного Угольного Комитета.

персонал недавно завоеванных районов (Урал, Донец) обычно бежал вместе с разбитыми войсками контр-революции и укрывается сейчас в Крыму, во Владивостоке и за границей. Часть, правда, вернулась обратно по объявлению советской власти о приглашении технического персонала без боязни вернуться на места работы. Но большинство уклонилось, — в Донецком бассейне, напр., к половине февраля, 1920 г. имелось еще 60% бежавших инженеров, никем не замененных (из среднего технического персонала в Донецкий бассейн бежало подобным образом только 9%, а низший технический персонал целиком остался на месте). Уменьшение количества забойщиков и на Урале и в Донецком районе объясняется отчасти между прочим тем, что там Колчак и Деникин целыми тысячами расстреливали наиболее передовых и политически-активных шахтеров, к числу которых относятся как раз забойщики. Наконец, в-третьих, что особенно важно, очень многие шахты достались советской власти от контр-революционных войск полуразрушенными, иногда затопленными с разбитыми или лишенными необходимейших частей машинами и т. п. Они могут быть исправлены и восстановлены только постепенно, некоторые при том лишь в течение сравнительно длительного периода, а кадр рабочих остается на месте и своим количеством чисто «статистически» давит на среднюю цифру добычи на одного рабочего. По этому примеру угольной промышленности можно судить, как осторожно надо вообще судить о степени фактического падения производительности труда в современной России; даже тогда, когда на первый взгляд цифры говорят об ее величине с непреложностью, всегда должно быть учтено совершенно специальное влияние последствий войны против Советской России со стороны контр-революции.

Добыча нефти, не считая небольших промыслов в Туркестане, сосредоточена в Баку, на Северном Кавказе (Грозный) и на Эмбе (северовосточное побережье Каспийского моря). Все эти районы воссоединены с советской Россией лишь в 1920 г., раньше всего Эмба. Добыча нефти на Эмбе началась лишь в последние годы перед войной и составляла только до 1½ милл. пуд. в месяц, несмотря на громадное богатство этого месторождения, способного стать вторым Баку. Причиной служит недоступность берега для сколько-нибудь глубоко сидящих судов с моря и расстояние в 600 верст до ближайшей станции ширококолейной железной дороги. Постройка железной дороги, предполагавшаяся с давних пор (эта дорога служит вместе с тем головным участком кратчайшего пути из Европы в Туркестан и в Индию), из года в год тормозилась при царизме крупными бакинскими нефтяными фирмами, боявшимися конкуренции нового столь исключительно богатого района. После завоевания Эмбы советскими войсками в том же месяце началась

спешная организация работ по постройке железной дороги на Эмбу и к 1 июля уже закончена укладка первых почти 150 верст рельс по полотну существовавшей ранее на этой части участка узкоколейки и подготовка укладки на протяжении еще почти 300 верст до реки Урала. Вся эта главная часть пути может быть сдана в эксплуатацию, очевидно, еще до наступления 1921 года, а на остальном участке от реки Урала до Эмбы предполагается вместо постройки железной дороги уложить нефтепровод, срочное производство труб для которого поручено некоторым заводам Донецкого бассейна, специально снабжаемым для этого надлежащими материалами. Разработка и утверждение технических чертежей нефтепровода имеют быть закончены к 1 сентября, при чем для быстроты допущено временное применение деревянных труб. Сейчас добыча на Эмбе составляет около 1 милл. пуд. в месяц. Для укладки рельс на этой линии сняты были рельсы с некоторых ныне малодейственных запасных путей на больших магистралях *). Главная роль района Эмбы впрочем, конечно, в будущем, теперь же основное значение принадлежит Грозному и особенно Баку.

Грозный давал при нормальных условиях свыше 100 мил. пуд. нефти в год. Восстание казачьего офицерства с начала 1918 года нанесло добыче сильнейший удар. За 1917 год добыто 107 мил. пуд., за 1918 г. только 25 милл., в 1919 году всего 36 милл. пудов и в первой четверти 1920 года даже лишь по 2 милл. пуд. в месяц, т. е. четверо менее мирного времени («Эконом. Жизнь» от 11 июня 1920 г.). Количество эксплуатируемых буровых скважин, в 1917 году составлявшее 386,—к возвращению советской власти в начале 1920 года составляло уже только 76, впятеро меньше. Совершенно прекратилась подготовка новых скважин, т. е. буровые работы: в 1916 году пробурено 21.901 саж., в 1917 г.—17.300 саж., в 1918 г.—20 саж., в 1919 г.—36 саж., т. е. меньше одного процента обычного. Нефтепровод из Грозного в Петровск и сама станция Грозный оказались частично разрушенными и т. д. За несколько месяцев советской власти восстановлен нефтепровод (с 15 июня перекачивает по 1½ милл. пуд. нефти в месяц, а через месяц будет перекачивать по 2½ милл.) и упорядочены станция и промысла. Благодаря этому ожидаемая добыча во втором полугодии 1920 г. составляет от 4 до 5 милл. пудов в месяц, т. е. уже половину добычи мирного времени. В настоящее время срочно приступлено к сооружению небольшой жел. дороги в 61 версту (верста

*) Также запасные пути в большом количестве сооружены были во время империалистической войны в 1915—1916 гг. С них и отчасти второй колес на некоторых старых путях для прокладки необходимых новых линий снимается и в 1920 г. свыше двух тысяч верст рельс (в дополнение к новому производству рельс на заводах).

равна 1,1 километра) от города Кизляра к удобному порту у устья реки Терека, которая дает грозненской нефти удобный и короткий выход к Каспийскому морю, что должно значительно облегчить вывоз ее на Волгу через Астрахань (дорога будет закончена к январю 1921 г.).

В основном нефтяном районе в Баку в мирное время добывалось 40—50 милл. пудов в месяц. Падение началось уже лет десять назад по причине частичного истощения некоторых промысловых территорий и особенно усилилось за время войны и оторванности Баку от Советской России (воссоединение произошло лишь в конце апреля 1920 г.). За 1918 г. добыча составила почти 200 мил. пуд. в год, в 1919 г. колебалась около 15 мил. пудов в месяц, 10⁰/₁₀₀ меньше составляет в настоящее время. Соответственно с падением добычи понизилась также, разумеется, и выработка керосина, бензина и смазочных масел. Так как бензина и смазочных масел, а отчасти и керосина всегда производилось в России значительно больше потребного для внутреннего потребления количества, то потребность в них может быть покрываема полностью и дефицит вперед до окончательного восстановления промышленности приходится на экспорт. Нефтетопливом (мазутом, сырой нефтью) Россия также может быть обеспечена в достаточных размерах, ибо если даже повышение добычи до полного прежнего уровня займет 2 года, — наличность крупных запасов, оставшихся от прежней добычи теперь вывозимых на Волгу (см. главу о топливе), покрывает возможный недостаток от сокращенных размеров добычи. Важнейший вопрос нефтяной промышленности теперь, это — возобновление и организация дальнейшего бурения скважин к подземным источникам нефти.

Если ко второй половине 1920 г. угольная промышленность восстановлена уже на $\frac{1}{4}$, а нефтяная на $\frac{1}{3}$ их довоенных размеров, то хуже обстоит с третьей основной отраслью горного дела — с добычей металлических руд, а также со всей связанной с ней металлургической металлообрабатывающей промышленностью. Это именно та отрасль народного хозяйства, которая наиболее потерпела и умалилась в результате как экономической разрухи, оставшейся в наследство от империалистской войны 1914—1917 г.г., так и разрушительных мятежей свергнутых рабочими массами контр-революционеров, свирепствовавших в основных металлургических районах страны почти полностью весь 1918 и 1919 годы. Урал занят советскими войсками только в августе 1919 г., Донецкий бассейн — только последовавшей зимой, и работа по устройству и восстановлению началась там в сколько-нибудь организованном и планомерном виде, естественно лишь, через несколько месяцев.

Сравнительно второстепенное место в русской промышлен-

ности занимали по абсолютным цифрам медь, цинк, свинец, марганец, золото и платина. Медь добывалось до войны около 2 милл. пуд. в год, из нее $\frac{1}{2}$ на Урале, $\frac{1}{3}$ в Закавказье и $\frac{1}{6}$ в Сибири. Собственного производства не хватало и ежегодно ввозилось еще до 400 тыс. пуд. В настоящее время Закавказье еще не вовлечено в общую хозяйственную жизнь с остальной страной (оно входит в состав независимой Грузии, хотя и состоящей в мире с советской Россией, но еще не установившей у себя советского строя). В Сибири медные рудники, расположенные в киргизской степи в стороне от железных дорог, только возобновляют свою деятельность*). На Урале добывается половина мирного количества, а во второе полугодие 1920 года ожидается уже три четверти. Если Россия не испытывает никаких затруднений с медью, и не испытывала бы их даже при нормальном ходе переработки меди в изделия, то это объясняется между прочим также наличием весьма крупных количеств меди, оставшихся после войны из запасов, ввезенных в течение нее в страну царским правительством* (на 1 января 1920 г. на заводах и складах имелось в запасе свыше 2 милл. пудов). Но и самая переработка почти сошла на нет. В 1919 г. заводы «Центромеди» (т.-е. все русские медеобработывающие заводы кроме некоторых специально военных) вырабатывали только около 30 тыс. штук самоваров и до 13 тыс. пудов других медных изделий. Между тем в мирное время сверх местного производства имел место еще привоз медных изделий из-за границы: в 1913 году привезено их из Германии свыше 300 тысяч пудов**). Медеобработывающие заводы богато снабжены сырьем и оборудованием, но они расположены в Московском и отчасти Петроградском районах, больше всего страдавших от недостатка топлива, отсутствие которого служило основной причиной остановки медеобработывающих заводов. Топливо предоставлялось в первую очередь более необходимым предприятиям***), — предстоящее улучшение положения с топли-

*) В скором времени сибирские рудники Киргизской степи будут связаны железной дорогой с остальной страной, ибо в начале июля 1920 г. предписано снять около 800 верст рельс со второй колеи главной транссибирской магистрали (вторая колея уложена была царским правительством на случай новой войны с Японией) для срочного окончания в Сибири некоторых линий по отчасти подготовленному уже полотну. Укладка до сих пор была не возможна по отсутствию рельс, а подготовка полотна велась непрерывно всеми сменявшимися в Сибири режимами — и царским, и керенским, и советским, и колчаковским, и вторично последние полгода опять советским.

В число этих линий входит также железнодорожная ветвь к Иртышу в той же части, к которой тяготеют рудники, а также довольно большая линия, свыше 300 верст из Ачинска Минусинск — один из наиболее богатых хлебных районов средней Сибири с угольными копями и металлическими рудниками.

**) Данные о меди, цинке, свинце, марганце, золоте и платине взяты из изданий ВСНХ: журнал «Народное Хозяйство» за 1919 г. № 8 и № 9—10 и за 1920 г. № 3—4, сборник «Данные о количестве работающих предприятий» (на 1 января 1920 г.) журнал «Горное Дело» за май—1920 г.

***) О суровой необходимости предоставлять топливо только самым необходимым предприятиям можно судить по примеру, что в Петрограде к весне 1920 года-

вом (см. главу о топливе) является поэтому достаточным и решающим фактором для восстановления русской металлообрабатывающей промышленности и для нового пополнения фабрик, заводов и транспорта тем техническим оборудованием, какое она обычно доставляла.

По добыче марганца Россия занимала до войны первое место в мире, в 1913 г. добыто 77 милл. пудов, из них 16 милл. пудов у города Никополя на Днестре, 1 милл. пуд. на Урале и почти 60 милл. пуд. в Грузии. Но грузинский марганец полностью вывозился через Батум за границу, поэтому нынешняя временная изоляция Грузии от остальной советской федерации не наносит в этом отношении никакого непосредственного ущерба народному хозяйству Р. С. Ф. С. Р. Даже из никопольской руды несколько миллионов пудов ежегодно отправлялось за границу и для внутреннего потребления шло лишь 12 милл. пуд., из них около $10\frac{1}{2}$ милл. пуд. самым южным заводам (Донецкого бассейна), ныне почти сплошь бездействующим и только начавшим готовиться к пуску в связи с началом некоторого оживления в Донецком бассейне после воссоединения его с Советской Россией. Уже при украинском генерале «гетмане» Скоропадском остановились, наприм., почти все домы южных металлургических заводов, а при казачьем генерале Деникине они стояли все без исключения. Сменявшие друг друга контр-революционные генералы, усердно поддерживавшие Антантой, разрушали промышленность и расстреливали рабочих, а потом Антанта предъявляла т. Красину в Лондоне счет за убытки англо-французских капиталистов за «потерю капитала в Донецком бассейне». — В общем положение с марганцем не внушает беспокойства: поскольку пускаются и пущены будут в ход южно-русские металлургические заводы, в той же пропорции может быть обеспечена для них и доставка марганца.

Хуже обстоит дело на первый взгляд с цинком и свинцом. Свыше 90% добывавшейся в России до войны свинцовой руды производилось в рудниках северного Кавказа около города Владикавказа, остальное количество на Урале и в Западной Сибири. Все эти районы в 1920 г. воссоединены с советской Россией, но все они вместе давали в год лишь до 100 тыс пуд., а целых $2\frac{1}{2}$ милл. пуд. свинца ежегодно привозилось из-за границы. Точно также и с цинком: если не считать Польши, то его

из 1000 домов с центральным отоплением таковое сохранилось только в 80 (доклад на съезде губ. топливн. комитетов 4 мая, Эк. Киев. № 96). Вместе с тем, начавшееся улучшение топливного положения может быть иллюстрировано тем, что по отчету Гл. Топ. Комитета в Эк. И. № 106 из всей месячной программы его выполнено было в январе 1920 года только 56%, в феврале 62%, в марте 69% (это сверх удовлетворения топливом железнодорожного транспорта, которое также, усилилось).

производилось в России до 200 тыс. пуд. (тоже, как и свинец, на Северном Кавказе у Владикавказа), а из-за границы привозилось в несколько раз больше, напр., $1\frac{1}{2}$ милл. пуд. в 1913 году. Запасы свинца и цинка в московско-петроградском районе и на Урале составляли на 1 января 1920 г. всего 1 милл. пудов, и положение могло бы с течением времени при продолжающемся отсутствии ввоза из-за границы стать серьезным, если бы внутри страны не находилось очень большого количества цинка и свинца в изделиях, к извлечению которых даже еще и не приступлено. Во время империалистской войны Германия с большим успехом прибегала к подобной утилизации раньше уже использованных ресурсов. В России такое извлечение облегчается тем, что, напр., из всего цинка до войны ежегодно отпускалось железным дорогам 10%, фабрикам и заводам—75% и на частный рынок через торговцев—только до 15%.

Платина добывалась в России до войны на Урале—около 300 пудов в год, а золото и на Урале (около 600 пудов) и главным образом в Сибири (около 3.400 пудов ежегодно), преимущественно в восточной ее части. Добыча платины и золота стала падать с самого начала войны, напр., платины добыто за

	1914 г.г.	298	пудов.
	1915 »	208	»
	1916 »	150	»
	1917 »	187	»
за первую половину	1918 »	29	»
за вторую половину	1919 »	41	»

В 1920 году, судя по протекшему периоду, добыча должна составить 100 пуд. за год, т.-е. около 30% нормальной. Добыча золота на Урале упала еще ниже до 10—15 % нормальной и таково же приблизительно положение Сибири (напр., крупнейший район—Бодайбо (Менские прииски), давший в 1917 г. тысячу пудов, в 1918 г. дал 511 пуд., в 1919 г.—250 пуд.; в 1920 г. ежемесячно дает еще вдвое меньше, т.-е. за год дает около 12 % добычи 1917 года). Драгоценные металлы являются для России сейчас почти исключительно экспортным товаром, отсюда, возможно, несколько меньшее к ним внимание, чем к прочим отраслям, что усиливается наличием в государственных хранилищах крупных количеств как платины, так особенно золота (36 тыс. пуд.) и драгоценных камней.

Но основной отраслью является, конечно, не золото и не платина, не колчедан, не магнезит и т. п. *), а добыча железной

*) Добыча серного колчедана (в 1913 году равнялась на Урале $3\frac{1}{2}$ милл. пуд.), магнезита ($\frac{1}{4}$ милл. пуд. в 1912 г.) и хромистого железняка (около $1\frac{1}{2}$ милл. пуд. в 1913 г.) идет в общем приблизительно почти в половинном против мирного времени размере и остроты положения с ними нет. Цифры о железной руде, металлургии и металлообработке вкратце изложены в ЖЗН №№ 116, 109, 119, 125, 89, 92 за 1920 г., «Нар. Хоз.» №№ 7, 8, 9 и 11 за 1919 г., № 3 за 1920 г., из «Горн. Дела» № 1 за 1920 г. и из сборника «Данные», издан. в Москве ВСНХ в январе 1920 г.

/ руды, выплавка из нее чугуна, производство из него железа (и стали) и работа металлообрабатывающей пром. шленности.

Железной руды (не считая Польши) добыто было в 1913 году в России около 560 милл. пуд., из них на Юге 420 милл., на Урале 110 милл. и в подмосковном районе 32 милл. На юге руда добывается всего лишь в двух пунктах: вблизи Екатеринослава около 390 милл. пуд. (местности Кривой Рог) и в Крыму до 30 милл. пуд. (около Керчи) Крым почти уже три года отрезан от советской России, а Кривой Рог уже полгода в советских руках.

Еще при начале империалистской войны 1914 г. добыча криворожской руды резко упала вследствие потери большей половины рудопроизводства по мобилизации. После некоторых колебаний в последний год царизма добыча руды при Керенском установилась в 17 милл. пуд. в месяц (июль—октябрь 1917 г.), в последовавший затем месяц большевистского господства, несмотря на гражданскую войну, держалась еще на $13\frac{1}{4}$ милл. пуд., затем при войне против большевиков контр-революционной «украинской рады» сначала упала в среднем до 5 милл. пуд. в месяц (декабрь—март 1918 г.), а потом при господстве реакционного генерала Скоропадского составляла уже в среднем менее 1 миллиона (апрель—июль) и наконец с августа 1918 года прекратилась вовсе—железнодорожная промышленность юга России кончила свое существование. На рудниках остались при этом добытые ранее, но не вывезенные запасы в количестве до 100 милл. пудов. Большая часть их найдена в неприкосновенности при окончательном обратном завоевании юга России к началу 1920 года (остальное вывезено за границу). Советская власть начала работу по восстановлению железнорудного дела в Кривом Роге и по предложению «главного рудного комитета» во втором полугодии 1920 г. здесь будет добываться ежемесячно уже до 5 или 6 милл. пуд. руды, т. е. около 15 % мирной добычи.

Добыча железной руды в Подмосковье пала приблизительно в три раза *) и на Урале в два раза. Таким образом без Кривого Рога добыча железной руды составляет в России лишь около 10% мирной величины, а со второй половины 1920 года с Кривым Рогом—около 20%. Однако, „металлический голод“, в стране создан был не столько и не только сокращением добычи руды в десять раз (к тому же и Урал окончательно воссоединен с Россией только один год),—в крайнем случае можно было бы пользоваться для выплавки чугуна старыми запасами

*) Главным образом по причине большого расстояния рудников от железно-дорожных линий и чрезвычайных трудностей с фуражем в районе рудников; тем не менее для соединения рудников с сетью проложено уже более ста верст рельс и соединительная ветвь скоро будет закончена.

руды,—сколько почти полным прекращением самой выплавки чугуна.

В последнем перед войной в 1913 году в России (не считая Польши) выплавлено было 257 миллион. пудов чугуна, из них 189 милл. пудов на заводах юга (Донецкий бассейн), почти 56 милл. на Урале и 12 милл. в Подмосковье. Война повела к уменьшению выплавки еще до начала гражданской войны. В 1917 году на Юге произведено чугуна всего 130 милл. пудов, при чем в последний месяц „перед большевиками“, в октябре около $9\frac{1}{2}$ милл. пудов, при большевиках—в ноябре и декабре в среднем по $8\frac{1}{2}$ милл. пудов, при войне с „Украинской радой“ в январе и феврале по $3\frac{1}{2}$ милл. пудов в месяц и затем при господстве атаманов рады и генералов гетмана сначала в марте-августе 1918 года почти по $1\frac{1}{2}$ милл. пудов в месяц в среднем, а с сентября 1918 года на Юге останавливается окончательно все 165 доменных печей—так остановленными и потухшими и нашли их советские войска в 1920 году. Предполагается, что некоторые из них будут работать уже во втором полугодии 1920 года, дав за это время около 5% мирной выплавки 1913 года (т. е. до 5 милл. пудов за полугодие). Дальнейшее расширение возможно будет лишь в 1921 году при дальнейшем постепенном оживании угольной промышленности (см. выше).

На Урале в 1917 году выплавлено уже только 45 милл. пудов чугуна, в первом полугодии 1918 года всего 14 милл. пудов, но на исходе его Урал был занят контр-революционными войсками и дальнейшее падение пошло настолько быстро, что при обратном завоевании его советскими войсками в конце следующего 1919 года оказалось, что вся выплавка чугуна за последнюю треть 1919 года могла достигнуть едва лишь $2\frac{1}{2}$ милл. пудов.

В 1920 году, если во втором полугодии наступит дальнейшее улучшение (которого можно ожидать), на Урале будет выплавлено всего 10 милл. пудов чугуна, т. е. около 20% мирной нормы. Таким образом Урал оправляется пока значительно быстрее Юга *), что объясняется большой легкостью получения топлива в данный момент, но главная роль его—в подготавливаемом уже в настоящее время будущем. Запасы металлической руды на Урале гораздо больше, чем в Кривом Роге. На много десятилетий вперед здесь могла бы быть обеспечена вчетверо большая ежегодная выплавка чугуна, чем какая была достигнута

*) Завоевание его спасло государство от форменного чугунного банкротства. На 1 июля 1920 г. в центре России оставалось лишь $\frac{1}{2}$ милл. пудов свободного, нераспределенного (еще по заводам) чугуна. На Урале оказалось его довольно большие запасы, из которых только за четыре месяца (август-ноябрь 1919 года) было 5 милл. пудов а в навигацию 1920 года вывозятся остальные подешевлю отправке в центр количества (для переработки на заводах центра).

в 1913 г., и дальнейшая выделка из него железа, если бы возможно было ежегодно доставлять туда извне около 200 милл. пудов кокса и угля, ибо местного топлива на Урале едва хватает и на производство масштаба 1913 года. Таким естественным источником топливного снабжения легко может стать для Урала расположенный в западной Сибири Кузнецкий бассейн, обладающий громадными запасами хорошего коксующегося угля — по подсчетам повторных геологических экспедиций до 30 миллиардов пудов. Кузнецкий бассейн почти не разрабатывался по отсутствию железной дороги, которая связала бы его с сибирской магистралью. Всего предстояло построить около 420 верст, постройка первого участка производилась еще в 1917 году, затем весной 1918 г. советская власть поставила задачу во всем объеме работы продолжаться и при захвате Сибири Колчаком (ибо он также нуждался в открытии выхода для кузнецкого угля) и после нового ее освобождения — и в настоящее время на 230 верст рельсы уже уложены и на остальные 190 верст подготовлено уже почти полотно и вся укладка должна быть закончена к началу 1921 года. Пока же в 1920 году Урал вступил с 14 работающими доменными печами из наличных 97. ? ●

В Подмосковье (под которым, как и выше, мы имеем в виду всю Европейскую Советскую Россию кроме Урала и кроме Юга, т. е. кроме Украины, Дона и Кавказа) в 1917 году было выплавлено еще около $8\frac{1}{2}$ милл. пудов чугуна, в 1918 году уже только 3.200 тыс. пудов и в 1919 году менее двух миллионов, а к началу 1920 года домны этого района (слабосильные и мало-выгодные в технически-производственном отношении) вообще остановились. Падение этого района объясняется главным образом истощением запасов кокса во время отрезанности от Донецкого бассейна (откуда он обычно привозился), и пускать здесь домны вновь в ход пока не предполагается в виду возвращения России Урала и Юга и предпочтительности сосредоточить усилия там, где имеются и более мощные домны и местное топливо.

Таким образом, если добыча руды во втором полугодии 1920 г. может достигнуть уже до 20% нормальной, то выплавка чугуна не дойдет еще даже и до 10% мирной. По этому глубокому падению основных предпосылок для металлургии железа и стали и для всей металлообрабатывающей промышленности можно судить об ущербе, нанесенном народному хозяйству России аннулированным на деньги Антанты, ею поддерживавшимся и вдохновлявшимся контрреволюционным восстанием, разорившими южные и восточные окраины России и значительно временно ослабившими этим и самый ее промышленный центр. И если Англия или Франция требуют возмещения убытков за аннулированные советской властью старые займы бывших царских правительств, то гораздо более внушительный счет может предста-

жить им советская Россия за убытки, причисленные не бывшими, но пока еще, к сожалению, благополучно существующими капиталистическими классами империалистских государств.

Действительно, производство железа и стали в России почти исчезло и только теперь начинает восстанавливаться, страна лила только старыми запасами и сокращением потребления. В 1913 г. в России (без Польши) произведено было 220 милл. пуд. железа и стали, из них на юге 141 милл., на Урале 41 милл. и в Подмосковье (т. е. в остальной Европ. России кроме Урала и Юга)—38 милл. К началу 1920 г., когда все районы вновь объединились в советском управлении, от этого почти ничего не осталось: на Юге ноль, на Урале около полумиллиона пудов в месяц, в центре—еще вдвое меньше. Падение началось, правда, еще во время империалистской войны: производство составляло

в 1913 г.	100 %
» 1915 г.	91 »
» 1917 г.	71 »

Но добил, конечно, контр-революция. Около 15% шло на выделку рельс—их прекратили выделывать вовсе и в случае надобности снимали малодейственные запасные станционные пути или вторую колею уже эксплуатируемых линий и укладывали куда надо *). Затем почти 30% уходило на удовлетворение так называемого нефабричного производства, преимущественно на снабжение крестьянских кузниц сортовом металлом, проволокой и т. п. и на домостроительство. Домостроительство в городах было прекращено, снабжение деревни также свелось к ничтожным величинам; она принуждена была довольствоваться прежними остатками, также обрезками и ломом с заводов и т. п.**) Остальное количество, около 100 милл. пудов ежегодно, шло в переработку на заводы металлообрабатывающей промышленности. Отчасти она жила последние годы, когда такого крупного притока не было, старыми запасами (на янв. 1918 года имелось 26 милл. пуд. железа и стали, а на 1 янв. 1920 г. оставалось 14 милл. пуд.—разница пошла за эти года на метал-

* Таким образом в северной и средней части Европ. России за один последний год сооружено между прочим свыше 900 верст различных ширококолейных рельсовых линий специально для подвозки топлива. Некоторые из них проложены по трассе давно проектировавшихся вообще важных в экономическом отношении линий, полотно которых отчасти подготовлено было еще до осеннего поворота 1917 г., но оставалось незаконченным и без укладки по отсутствию рельс (в частности так закончена большая линия, впервые связывающая Москву Уралом по прямому направлению).

**) В России свыше 40 милл. жилых и холодных построек. Если покрывать ежегодно железом только 20% крыш (обновлять раз в 35 лет), понадобилось бы около 25 милл. пуд. кровельного железа в год. Но даже в мирное время на это шло только около 10 милл. пуд. кровельного железа в год—остальные крыши покрыты черепицей, деревом и т. п.

лообработывающие заводы в дополнение к поступившему на них текущему производству железа и стали. Но главным образом вынуждена была ответить на дефицит сокращением своего объема. Эта же участь предстоит ей и в течение ближайшей пары лет, ибо ко второму полугодию 1920 г. удалось поднять производство железа и стали только в степени, дающей возможности рассчитывать на производство за год (до половины 1921 года) только 20 милл. пуд., что вместе с наличными на 1 июля 1920 г. запасами составит свыше четверти нормального годового потребления железа и стали русскими металлообрабатывающими заводами. Это не много, но больше, чем мы имели в 1919 году и в первую половину 1920 года (в частности, напр., рельс производится уже $\frac{1}{4}$ милл. пуд. в месяц вместо полного отсутствия прокатки их в 1919 году и т. п.).

Металлообрабатывающая промышленность России распадается на пять основных групп: по оборудованию транспорта, по производству машин для сельского хозяйства, по производству машин для индустрии, по производству прочих металлических изделий кроме военных припасов и, наконец, военная промышленность (винтовки, пушки и т. д.). Стоимость производства первой группы оценивалась в 1912 г. в 97 милл. руб., второй в 67 милл. руб. (при заграничном ввозе сел.-хоз. машин и орудий на 65 милл. руб.), третьей в 90 милл. руб. (при заграничном ввозе машин и прочего оборудования на 107 милл. руб. и четвертой в 249 милл. руб. при ввозе из-за границы на 110 милл. руб.) Приведенные в скобках данные указывают какую часть общей потребности страны в переводе на деньги удовлетворяло внутреннее производство и сколько приходилось ввозить из-за границы.

Главнейшие изделия работающих на транспорт заводов — паровозы и вагоны. Русские заводы по техническому оборудованию могут производить ежегодно 1.500 паровозов и 67 тыс. вагонов, но царское правительство никогда не давало им достаточных заказов. Фактическое производство составляло:

годы	паровозов	вагонов
1913	632	20.400
1917	520	13.000
1918	200	5.000

Из производства 1918 года на Великороссию приходилось $\frac{1}{2}$ паровозов и 60% вагонов, остальное изготовлено на украинских заводах в Харькове и в Донецком бассейне, попавших затем в руки Скоропадского и Деникина с обычным результатом — производство остановилось или почти остановилось. В 1919 г. в Великороссии произведено 94 паровоза и 1.900 вагонов, а в 1920 г., после воссоединения Украины и как можно

ожидать по ходу работ, будет произведено всего за год в Украине и Великодержавии вместе 100 паровозов и 3.000 вагонов, т.-е. все еще меньше, чем даже в 1918 г. Обстоятельство это объясняется главным образом сознательным перенесением центра тяжести для начавшегося с 1 июля 1920 г. операционного года на производство всевозможных запасных частей для нуждающихся в ремонте паровозов, напр. 1 милл. пудов дымогарных труб, 1 милл. пудов бандажей и т. п. Ибо в России, как упоминалось, имеется около 11 тысяч «больных», т.-е. нуждающихся в ремонте паровозов и для того, чтобы быстро двинуть этот ремонт с места*), необходимо изготовить возможно больше запасных частей. Поэтому и в составленную уже программу производства на 1921 год включено изготовление еще только 600 новых паровозов и также широкая работа над ремонтными частями, и лишь к 1924 году заводы должны подойти к использованию полной своей производительной способности в 1½ тыс. паровозов в год (в 1924 г. должен закончиться и ремонт всех «заболевших» в 1914—1919 г.г. и непочиненных еще паровозов). Конечно, лишь будущее покажет, будет ли эта программа полностью выполнена в назначенный срок, но можно сказать во всяком случае с уверенностью, что тот минимум в 7 тыс. здоровых паровозов, какой сейчас существует в России, сможет быть поддержан ею путем ремонта и частичного нового производства еще длинный ряд лет даже при отсутствии какого-либо смягчения внешней блокады ее империалистскими государствами мировой буржуазии и их вассалами.

На сельскохозяйственное машиностроение пошло в 1913 г. около 15 милл. пудов металла да из-за границы привезено сельхоз. машин и орудий общим весом на 8½ милл. пудов. В настоящее время иную, конечно, площадь приходится обслуживать посевными орудиями, плугами, боронами и т. д. и иное количество урожая убирать косами, молотилками и всякими уборочными и пр. орудиями, чем раньше. В главе о земледелии было показано, что по сумме среднего сбора хлеба русское земледелие в пределах той же самой территории составляет лишь 70% довоенного (на 20% уменьшение от сокращения посевной площади и еще на 10% от среднего понижения урожайности). А так как несколько уменьшилась и самая территория (отпал Прибалтийский край, Литва, Грузия), то можно считать не более двух третей. Считая восстановление инвентаря в 12 лет и принимая потребность приблизительно в 1 плуг на 6 десятин по-

*) Ремонт производится главным образом в мастерских самих железных дорог. Если взять по месяцам 1920 г. ремонт паровозов в жел. дор. мастерских, то он буквально повышается из месяца в месяц и к лету достиг уже той программной нормы, при поддержании которой на русской сети действительно не осталось бы через 4½ года «больных» паровозов.

сева, 1 уборочную машину на 60 дес., 1 молотилку на 30 дес., 1 сеялку на 15 дес., 1 веялку на 600 дес., мы для 60 милл. дес. посева (считая и Украину, и Сибирь, и Кавказ) получаем приблизительную годовую потребность в 850 тыс. плугов, 85 тыс. уборочных машин, 17 тыс. молотилок, 340 тыс. сеялок, 8¹/₂ тыс. веялок и т. д. Между тем индустрия сел.-хоз. машин и орудий, как и индустрия вообще, сократилась в своем объеме и результатах в гораздо большей степени, чем земледелие.

Еще в начале империалистской войны, к октябрю 1914 г. из 43 крупных заводов сел.-хоз. машин, дававших две трети всего производства, закрылось 15 (вследствие мобилизации рабочих), а остальные перешли постепенно на выработку снарядов и выполнение прочих военных заказов,—и индустрия селеско-хозяйственных орудий, можно сказать, прекратила свое существование. Одновременно, уже с самого начала империалистской войны, почти прекратился и привоз селеско-хоз. машин из за границы: в 1915 г. он составил уже едва седьмую часть привоза предшествовавшего года. Возникший пробел русское земледелие пополняло в значительной степени сокращением потребности в орудиях благодаря уменьшению своего объема. Мы видели, что оно сократилось примерно на 30%, а это означает ведь экономию в потребности возобновлять инвентарь на полные 4 года (при возобновлении в 12 лет). Селеско-хозяйственное машиностроение, как таковое, стало восстанавливаться в общегосударственном масштабе лишь советской властью в 1918 г. Результаты производства за 1919 г. оказались следующими: плугов выпущено около 160 тыс. или 1/6 нынешней нормальной годовой потребности, уборочных машин 12 тысяч или 1/7, молотилок менее 10%, веялок всего 100% (единственный случай), кос свыше 200 тысяч (вместо мирной нормы в 1.200 тыс.), серпов 700 тыс. (вместо довоенного производства в 1.300 тыс. штук) и т. д. В общем в Великороссии (где до войны производилась треть сел.-хоз. орудий) произведено около 35% довоенной выработки этого района, а на Украине (где до войны производилось две трети) значительно меньше (на Сибирь и Кавказ приходилось до войны только 5% производства). Если принять во внимание, что около 20% всего великорусского и украинского производства сел.-хоз. орудий экспортировалось обычно до войны в Сибирь, чего в 1919 г. не было, то получится, что уже в 1919 г. внутренним производством в Европ. России покрыто было не менее половины текущей фактической потребности. Некоторое облегчение в дальнейшем обещают принести как продолжение процесса возрождения индустрии сел.-хоз. машин, так и состоявшийся в

*) Помимо возобновления изготовления новых машин открыто было свыше 500 государственных ремонтных мастерских селеско-хозяйственных орудий.

первой половине 1920 г. частичный прорыв блокады, приводящий в Советскую Россию из Скандинавии и Германии около тысячи вагонов различных сельско-хозяйствен. машин и орудий.

Что касается станков и других машин, двигателей и инструментов для промышленности, то в северном районе, служившем главным очагом их производства (Петроград, Москва, Нижний, Кострома, Ярославль, Владимир, Вятка, Воронеж, Саратов, Тамбов, Иваново-Вознесенск с их губерниями), в 1919 г. их выработано около 20% мирного количества, в частности двигателей, текстильных машин 40%, станков для металла и для дерева по 15%, насосов, компрессоров и водяных турбин 30%, подъемных механизмов и мостовых ферм 25%, кожевенных и пищевых машин 65% и т. п. Урал и Украина в 1919 г. отстали в этом отношении, но в 1920 г. все районы ко второму полугодю, по-видимому, выравниваются с некоторым небольшим пока направлением вверх.

На металлические изделия для нужд широкого потребления (посуда, гвозди и т. п.) шло обычно до четверти всего металла, перерабатывавшегося металлообрабатывающей промышленностью. Эта ее отрасль сократилась еще более значительно, особенно производство гвоздей. Естественно возникает вопрос, как при описанном выше состоянии металлургии и металлообрабатывающей промышленности, — этой основы самого материального скелета современного производства, — как не наступил давно уже самый острый кризис оборудования в тех прочих отраслях фабрично-заводской промышленности, которые не в пример металлической продолжали работать все время? Между тем он не наступил.

В противоположность кризису сырья и топлива, кризис оборудования, несмотря на отсутствие нового его притока, не дал и еще долго не даст себе остро чувствовать русской обрабатывающей промышленности по двум причинам. Во-первых, сокращенная работа индустрии не требовала полного использования всего технического оборудования и позволяла поэтому устранять приходящие в окончательную негодность части без замены их новыми. Если напр., из отчета полиграфических предприятий Петрограда в Э. Ж. видно, что в 1919 г. было использовано лишь 55% их технического оборудования, то это не низшая из подобных цифр*). Если бы основывать хозяйство только на этом, то даже такого способа его ведения хватило бы еще на несколько лет без умаления видимой военной и прочей мощи республики (насколько смешны следовательно уже три года не прекращающиеся предсказания капиталистической печати относительно неизбежности крушения то в том, то в этом месяце). Но это было бы хозяйством беззаботно плывущих по течению

*) Использование технического оборудования на петроградских электротехнических заводах в конце 1920 г. составило напр.: на зав. б.в. Силис-Шуккер 26%, Эрикссон 17%, Дина 74% и т. п.

банкротов, не рассчитывающих на возможность длительного самостоятельного существования в течение ряда лет, а стремящихся лишь кое-как дотянуть до не замедлительно и аккуратно в назначенный срок имеющего явиться Месяца. Но при всей неизбежности мировой революции и при всем самом серьезном учете этого обстоятельства большевики не держат в своем кармане секрета точного знания месяца и года, когда она окончательно победит в Англии, Америке, Германии—и откроет нам широко дорогу к недостающим машинам и т. п. Потому гораздо важнее в принципиальном отношении другая причина отсутствия остроты в вопросах технического оборудования промышленности, если брать ее в целом.

Она заключается в значительной экономии необходимости вообще в оборудовании вытекающей из самого факта планомерной организации, как одного целого, всех предприятий данной отрасли хозяйства. На каждом предприятии выбираются наилучшие оборудованные отделения, в них концентрируются соответственного рода работы, хуже поставленные или неблагоприятнее расположенные предприятия обрекаются на полную ликвидацию и их оборудование попадает в технический резерв государства, частью подвергается перегруппировке по другим предприятиям и т. д.; самый тип вырабатываемых изделий рассчитывается на облегчение массового производства, проводится широко так называемая „нормализация“ деталей, частей и пр. и т. д. Во всех этих отношениях довольно много сделано за последние полтора года даже в тех отраслях промышленности, которые работали очень слабо,—они подготовлены за это время к тому, чтобы при возможности снабжения сырьем, топливом и рабочими силами быть в состоянии производить мирное или даже большее количество изделий при помощи меньшего количества технического оборудования, чем какое занято было в данной отрасли хозяйства до войны. Ибо до войны господство буржуазных частноправовых отношений приводило к наличности в каждой отрасли многих технически независимых друг от друга предприятий, из которых каждое (или значительное число) использовало обычно лишь часть своей технической мощи. Выше мы видели это на примере даже такой высокоиндустриальной группы, как паровозо- и вагоностроение, и тоже было решительно во всех отраслях, начиная от выплавки чугуна (производительная способность доменных печей России в 343 мил. пудов при фактической выплавке в 257 мил. пудов в год) и изготовления железа и стали, производительная способность 380 мил. пудов в год при фактическом производстве в 220 мил. пудов) и кончая выделкой спичек или мыловарением. Преимущества планомерного объединения общественного хозяйства перед хозяйством буржуазным (даже трестированным стремящимися нажиться один в ущерб другому трестами) сказываются здесь особенно выпукло. Поэтому

и возрождение промышленности, пробуждение разных ее отраслей от вынужденного анабиоза *) должно будет происходить при возобновлении притока топлива и сырья быстрее, чем происходило бы, останься она в прежнем неорганизованном виде.

Успехи в этом отношении накапливаются ускоряющимся темпом, ибо весь первый год после ноябрьской 1917 г. победы пролетариата для технической переорганизации был потерян. За первые год—полтора проводилось только фактическое изъятие предприятий из рук бывших владельцев и их директоров (так наз. «национализация»), создавались государственные центры для управления каждой отраслью промышленности («Главки») и делались тому подобные первоначальные шаги. Самое слово «производственная программа» в качестве лозунга регулирующего направление работ Главков, произнесено было в Высшем Совете Народного Хозяйства лишь в начале сентября 1918 г. (Циркуляр Главкам и Отделам гг. Ломова и Ларина, см. «Народное Хозяйство № 10 за 1918 г., стр. 42) и лишь постепенно сложилась система планомерного управления хозяйством, организация которой в данный момент описана тов. Крицманом **).

*) Иногда буквально. Анабиозом называют, как известно, вымирание жизни в организме без его смерти. Напр., лягушку замораживают при помощи особого аппарата, через год оттаивают и она прыгает. Подобно этому зимой 1916 г. в Москве специально принятыми мерами «заморозили» без разрушения сложную систему труб на некоторых крупных предприятиях, чтобы отморозить их в 1920 году при улучшении топливного положения.

) Четырьмя основными органами, вносящими планомерность в ход хозяйственной жизни, являются в настоящее время: 1) Центральная Производственная Комиссия при Президиуме ВСНХ, проверяющая и устанавливающая производственные программы отдельных отраслей хозяйства, при чем самое производство осуществляется специальными органами—Главками; 2) Главный Топливный Комитет при Президиуме ВСНХ, определяющий размеры заготовки и снабжения топливом **всех потребителей, в том числе железных дорог и судоходства, при чем самая заготовка осуществляется специальными органами; 3) Комиссия Исползования при Президиуме ВСНХ, устанавливающая нормы снабжения всякими изделиями (от сахара и соли до молотилки) **всех** людей, предприятий и учреждений в РСФСР (включая армию), при чем самое снабжение осуществляется Народным Комиссариатом Продовольствия; 4) Высший Совет по перевозкам при Совете Народных Комиссаров,—при чем самые перевозки осуществляются Народным Комиссариатом Путей Сообщения.

Медленность налаживания аппарата планомерного управления, потребовавшего к своему созданию почти два года (хронологически последним—ноябрю 1919 г.—появился Высший Совет по перевозкам)—в конечном счете объясняется, разумеется, малой сравнительно культурностью и общественной подготовкой российского пролетариата в момент его победы. В этом отношении за прошедшие годы пролетариата большая школа. Помимо уроков самой жизни, участие которых статистически невозможно, в нашем распоряжении имеется, например, такой учет культурной деятельности одних только профессиональных союзов, опубликованный в № 107 *Эк. Ист.* за 1920 г. Оказывается, *ежемесячно* профессиональные союзы устраивают в России теперь средним счетом почти 30 тысяч собраний с более чем двумя миллионами зарегистрированных посетителей, из которых приходится 628 тысяч на посетителей собраний по вопросам специально профессиональным и хозяйственного управления, 640 тысяч на посетителей политических собраний, 620 тысяч—эстетических и спортивных и 140 научных.

Не следует думать, что эти собрания имеют какое-либо отношение к высокому проценту прогулов—собрания организуются союзами вне рабочих часов, а прогулы объясняются не развитием общественной жизни и не социальными зако-

Только благодаря более целесообразному использованию и перераспределению уже наличного в стране оборудования удалось советской России закончить некоторые начатые еще парижским миром, а частью совершенно заново осуществить некоторые крупные сооружения и создать новые или значительно расширить существующие предприятия. Даже в такой области, как электротехническая промышленность, где в отношении более сложных и крупных машин России приходилось базироваться только на том, что уже есть в стране,—благодаря экономии от перераспределения, объединения станций и т. д. удалось собрать агрегаты, позволившие соорудить в Московском районе за 1918—1920 гг. две районные электрические станции, одна из которых, Каширская, открывается уже в текущем году, а другая—Шатурская—в 1921 году, удалось кроме того значительно усилить мощность электрических станций, обслуживающих Москву непосредственно, и удастся перейти к электрофикации весьма важного Брянского промышленного района с его производством паровозов, сельскохозяйственных машин, стекла, боевых припасов и т. д.*). Организованы, уже в 1920 г., не существовавшие ранее в России производства бертолетовой соли, поперечных пил для леса, металлического теса для изготовления сапог, плетеных металлических сеток для производства бумаги, катушек для ниток (производятся уже миллионы штук) и т. д.**), закончен, частью заканчивается, ряд крупных работ, оставшихся от прежнего времени (напр., сооружение сети крупных элеваторов для зерна, при чем в июне 1920 г. работы по девяти из них с общей вместимостью на 8 милл. пудов были выполнены уже на 90%). Частичный прорыв блокады, начавший чувствоваться реальным прибытием из-за границы изделий в Россию весной 1920 года, как он ни желанен сам по себе, пока

подательством советской власти, а главным образом «мещетническими» поисками предосторожия. Новое законодательство по охране труда создало только два момента их увеличения. Во-первых, предоставление каждому рабочему ежегодно обязательно двухнедельного отпуска с сохранением содержания дает 2%, прогульных дней в среднем, а во-вторых до 1%, дает шестнадцатинедельный отпуск по случаю родов (работницы составляют 40% всего пролетариата, а из рабочих двадцатая часть имеет детей до одного года).

*) Кроме того в России сооружаются с 1918 г. две крупные областные электрические станции в Петроградском районе, на Свирь и на Волхове, но в столь большом масштабе (в общем на сотню тысяч лошадиных сил) что смогут быть закончены лишь в течение ряда лет и при условии получения некоторых машин из-за границы. Их создания уничтожит потребность Петроградской индустрии в железнодорожном узле в угле. Приступ с начала 1918 г. к столь крупным работам наглядно показывает, какая уверенность в прочности советского строя с самого начала имела у партии победившего пролетариата.

**) Между прочим начато не существовавшее ранее производство алюминия. В первом полугодии 1919 г. произведено 4 тыс. пуд., во втором 13 тыс. До войны годовая потребность России в алюминии составляла 200 тыс. пуд. в год. Благодаря открытию в 1918 г. в Новгородской губ. громадных залежей алюминиевой руды, равных Чикагским, в будущем Россия сможет производить алюминия также для экспорта.

еще не успел дать много для освежения оборудования (прибыло только несколько сот вагонов сельскохозяйственных орудий, затем около 300 тысяч пил и т. п.). Однако, если не возникнет политической невозможности подвоза из Скандинавии, Германии и т. д., то этим путем некоторые ресурсы могли бы быть пополнены довольно существенно, так как в распоряжении Советской России имеются отделенными для экспорта довольно большие партии некоторых грузов уже сейчас, напр., 1 милл. пудов табаку, около 300 тыс. стандартов леса, около 1 милл. пуд. льна и пеньки и пр., не говоря уж о крупных запасах золота и платины. Не преувеличивая возможного значения своих торговых сношений с заграницей вследствие политического противодействия некоторых враждебных государств, Советская Россия все время относилась положительно к мысли о таких сношениях. Но в истории ее хозяйственного развития за последние два с половиной года это сказалось лишь постепенным накоплением специального экспортного товарного фонда (шетины, меха, невыделанная кожа мелких животных и т. д.) и разработкой как плана концессий, какие могли бы быть предоставлены при известных условиях иностранцам (напр., на разработку лесов на пустынном севере России, на орошение под хлопководство „Голодной степи“ в Туркестане, на разработку золотых приисков в дебрях Сибири); так и плана закупки в Европе и Америке различных принадлежностей технического оборудования в случае появления к этому полной или частичной возможности. Ибо внешнюю торговлю со всем комплексом вопросов о концессиях и прочих отношениях с капиталистическим миром советская Россия, помимо их политического значения, рассматривает прежде всего с точки зрения увеличения своих технических ресурсов. Но насколько возобновление этих сношений не является для России в настоящее время вопросом жизни и смерти, насколько она способна и при нынешних своих технических ресурсах поднять производство — лучше всего показывает история последних лет той отрасли металлообрабатывающей промышленности, какой мы до сих пор намеренно не касались, — производства оружия и боевых припасов.

« Специальным военным заводам, производящим винтовки, патроны и т. п. продовольствие доставлялось государством в первую голову перед другими заводами — и здесь не только не велик был процент прогулов, не только в среднем на одного рабочего достигнута производительность мирного времени, но часто даже и превзойдена. Этим заводам доставляли сырье (металлы и проч.), доставляли топливо, — и абсолютная производительность возрастала очень быстро. По соображениям военной тайны мы находим неудобным приводить абсолютные цифры и потому ограничиваемся приведением официально опубликован-

ных относительных величин. Месячное среднее производство патронов увеличилось в России с января 1919 года по июнь 1920 года почти в четыре раза, производство винтовок, пулеметов капсюль и т. д. дает иногда еще более внушительные цифры и, если принять во внимание численность царской армии во время войны с Германией и нынешнюю численность советской армии, то окажется, что относительно армия лучше обеспечена сейчас *выпущенным произв. д. т. е. м.* патронами и винтовками, чем это было в 1916—1918 гг.^{*)}. И у нас, естественно, нет никаких оснований ожидать, что советская организация промышленности даст худшие результаты в прочих отраслях металлообрабатывающей (и иной) промышленности, раз они тоже начнут получать больше топлива, больше сырья, больше продовольствия.

Если в связи с изложением положения металлообрабатывающей промышленности невольно вставал вопрос о кризисе оборудования, то для текстильной промышленности решающее значение приобрел созданный было событиями первых двух лет советской истории кризис сырья. Основные отрасли текстильной промышленности—обработка хлопка (в 1914 г. на фабриках Европ. России занято было 470 тысяч рабочих, не считая Польши и Прибалтийского края), шерсти в 1914 г. было 90 тысяч рабочих) и льна (86 тысяч). Основным сырьем для хлопчатобумажных фабрик служил туркестанский хлопок, дополнявшийся несколько египетским (для выделки ниток) и американским. Посевы хлопка в Туркестане колебались перед войной и даже в 1915—1916 гг. около 700 тысяч десятин ежегодно, обор в переводе на чистое волокно доходил в некоторые годы, напр., в 1915 г., до 20 милл. пудов в год^{**)}. Но хлопководство Туркестана держалось на привозе в эту страну хлеба извне по Каспийскому морю и по железной дороге из Самары в Ташкент. В течение полых десятилетий указывалось на необходимость соединения Туркестана с железной дорогой и многохлебной западной Сибирью (через также хлебное Семиречье), чтобы сделать туркестанское хлопководство независимым от подвоза хлеба из Европейской России, который стал бы невозможным в необходимых размерах при повторных неурожаях в Европ. России и т. п. Царское правительство не сделало это-

*) Здесь уместно добавить, что в смысле изготовления военного оборудования Советская Россия не отстала от царской. В дополнение к бывшим за тасам государство изготовило за 1919 г. для армии три миллиона суконных шинелей, 1.000 тысяч походных суконных рубах, 6 милл. пар обуви, 2 милл. летних гимнастеров, 8 милл. комплектов нижнего белья, 2 $\frac{3}{4}$ милл. верхних наволочек на подушки, 1 милл. простынь, 1 $\frac{3}{4}$ милл. теплых рубах и т. д. и т. п.

**) Цифры о текстильной и прочих отраслях промышленности из указанных выше изданий ВСНХ, а также из «Свода отчетов фабрично-заводских инспекторов за 1914 г.», изданного царским правительством в 1915 г., и из «Статистических сведений о фабрично-заводской промышленности за 1908 г.», изданных им же в 1912 году.

го, — предстояло построить магистраль около 2 тыс. верст длинной, — и когда контр-революция отрезала Туркестан (оставшийся советским) от Евр. Советской России и держала их разобщенными почти два года, — хлопководство в Туркестане почти прекратилось. В 1918 году засеяно хлопком всего 105 тыс. десятин (в том числе 25 тыс. десятин в Бухаре и остальное — в русском Туркестане), в 1919 г. засеяно 120 тыс. десятин (в том числе 30 тысяч в Бухаре) — остальное пошло под продовольствие. В результате урожай 1919 г. дает только до 4 милл. пуд. волокна, из которых половина остается для местного потребления, а для вывоза в Россию может быть собрано лишь до двух милл. пудов, т. е. количество, достаточное для изготовления, примерно, 500 милл. арш. тканей в год. Между тем потребление хлопчатобумажной ткани в России даже в 1919—1920 гг. составляет средним счетом по 60 милл. арш. в месяц (в два раза меньше обычного довоенного потребления на соответственное количество жителей).

На ближайшие годы могут выручить большие запасы готового волокна, имеющиеся на государственных складах в Туркестане, всего около 8 милл. пудов на 1 марта 1920 г., что вместе с предстоящим в 1920 г. сбором для вывоза около 2 милл. пудов волокна и дальнейшим ежегодным подобным же сбором позволит не только дожидаться соединения Туркестана железной дорогой с хлеботорным Семиречьем и т. п. *), но даже увеличить расход и выделку тканей в период этого ожидания.

С самого возникновения советская власть имела в виду необходимость особого внимания к Туркестану, как основе существования одной из самых обширных отраслей российской промышленности. С начала 1918 г. продолжают работы по сооружению железнодорожных линий из Туркестана в Семиречье с юга и из Сибири в Семиречье с севера (последние продолжались и Колчаком). До настоящего времени с обоих концов уже уложено или подготовлено к укладке и будет уложено до 1921 г. около 800 верст (считая от города Татарска на Сибирской магистрали до станции Арысь вблизи столицы Туркестана на Ташкентской ж. д.), в частности уже в текущем году укладка рельс доводится до района Аулие Ата Мерке, дающего Туркестану лишний миллион пудов хлеба ежегодно **).

*) На привоз в Туркестан хлеба из Евр. России не приходится в настоящее время рассчитывать в виду уменьшения объема земледелия Евр. России на 80% сравнительно с мирным временем.

**) С севера дорога идет от Татарска до Славгорода (эта часть уже функционирует), затем через Кулунду с ветвью на Павлодар (рельсы укладываются в текущем году), далее до Семипалатинска (часть южного участка около Семипалатинска уже функционирует) и затем от Семипалатинска еще на 300 верст к югу к Сергиеполю. Затем, когда это будет кончено на очереди, бу-

так же продолжают все время,—по необходимости в скромных размерах,—работы по искусственному орошению дальнейших земельных площадей в Туркестане (у реки Чу и др.), чтобы этим путем увеличить возможность роста посевов хлопка. Запас таких могущих быть орошенными земель в Туркестане весьма велик, свободной воды имеется достаточно, по некоторым участкам имеются уже подробнейшие рабочие чертежи (напр., по подготовленному первым русским авторитетом по Туркестанской ирригации проф. Рязенкампом проекту орошения полумиллиона десятин в «Голодной степи» под Ташкентом),—но для выполнения столь исключительно-крупных сооружений у государства нет в настоящее время достаточных технических ресурсов. Орошение под хлопководство различных участков пустыни в Туркестане в случае осуществления на практике системы концессий (вероятность чего не может быть пока с точностью предвидена) станет поэтому, можно думать, на очередь наряду с концессиями по разработке лесов крайнего севера и дальнего востока России *). Но до тех пор русская промышленность может считаться только с накопившимися запасами и текущим производством. Однако, все эти запасы были отрезаны от Европейской России: Красноводек был оккупирован английскими войсками, а железная дорога в Туркестан на протяжении нескольких сот верст (в казачьем районе) перерезана была войсками Колчака и подручных его банд (атамана Дутова). Только 7-го октября 1919 года рассеяны были Колчаковские войска и восстановлена связь с Туркестаном пока лишь по суше (Красноводек освобожден был от англичан несколькими месяцами позже)—между тем в Евр. России уже на 1 августа 1919 г. оставалось только 401 тыс. пудов хлопка, т.-е. запас

долг стоять постройка от Сергиполя не особенно большого участка к озеру Балхана, на протяжении 700 верст омывающего Семипечье и способного значительно сократить путь в Туркестан, если условия плавания по нем окажутся благоприятными (оно не исследовано, экспедиция туда только подготавливается). От южного края Балхана сравнительно весьма близко до ст. Мерке, до которой укладка рельс уже подготовлена и будет доведена до Ташкентской дороги. Если Балхана удастся использовать, то это будет означать значительное сокращение и ускорение большого Сибирско-Туркестанского пути.

*) Некоторые из ор-сительных р-бт прямо требуют международного соглашения. Такою, и пр., проектом является тем же п. оф. Рязенкампом вынод многого д-ного кана а из реки Аху-Д-ры на русско-афганской границе, где один берег принадлежит Афгану, а другой его по удобному пред-рью на южной границе Туркестан-со-падении в самом Каспийском море (что дало бы, между прочим, в непрерывную водную и пароходную связь Петрограда и Москвы с не-троем средней Азии) и с-в-тью в прилегающую к русской границе по восточному побережью Каспийского моря часть Персии, где по климатическим условиям может расти египетский хлопок (не растущий ни в Америке, ни в Туркестане и необходимый для производства ниток—России в част. если живет в этом отношении пер-работки сохраняющихся старых в-щасов единетского хлопка). Работы и согласно проекту и по полу едн-вадн-машинного технического оборудования могут быть закончены в 4 года и дадут в пределах одного только русского Туркестана до 2 мил. десятин а-вой пригодной для посева хлопка площадь, но считая довольно крупными участ-ков, подлежащих орошению в смежных частях Афганстана и Персии.

для фабрик всего на полтора месяца, если исходить из ежемесячного производства 60 милл. арш. (соответственно потреблению). Свыше полугодия ушло на восстановление разрушенной колчаковцами железнодорожной магистрали и на переброску полней войск, боевых припасов и т. п. для окончательного освобождения Туркестана (ибо англичане занимали весь район от Каспийского моря до Бухары, а с другой стороны воевали союзные им «басманчи»). Поэтому до начала июля 1920 года из Туркестана вывезено только до одного миллиона пудов хлопка. Но так как военные операции большого масштаба в Туркестане уже кончены и дорога приведена в совершенно исправное состояние и снабжена нефтетопливом из Баку, то во втором полугодии 1920 года обеспечен вывоз уже в три раза больший. Так как для производства 60 милл. арш. тканей в месяц надо переработать за год 3 милл. пуд. хлопка, то с последней четверти 1920 года, т.-е. с того времени, когда текстильная промышленность вздохнет легче и с топливом, — она сможет работать в минимальных необходимых размерах и по наличности сырья. Затем должно последовать дальнейшее развитие — в мирное время русские веретена перерабатывали свыше 20 милл. пуд. хлопка.

Третья из основных отраслей русской индустрии (горная, металлическая, текстильная) явно стоит перед воскресением почти из небытия, в какое повергла ее длительная топливная и сырьевая блокада контр-революции.

В России (без Польши и Прибалтийского края) имелось до войны 88 хлопкопрядильных фабрик с 7.284 тыс. веретен. После систематического неуклонного сокращения — во втором полугодии 1919 г. производится только 41 тыс. пудов пряжи в месяц в среднем (соответствует около 10 милл. арш. тканей), а в первом полугодии 1920 г. работает в среднем 400 тыс. веретен (около 6%) со средним производством до 55 тыс. пудов пряжи в месяц (почти 14 милл. арш.). В мирное время производилось в среднем 1.650 тыс. пуд. пряжи в месяц, т.-е. в 30 раз больше. Такова же история хлопчаткацких фабрик. Из 163 тыс. станков на 128 фабриках в первом полугодии 1920 г. работает в среднем 25 тысяч (около 15%) с месячных производством свыше 13 милл. арш. суровой ткани и, наконец, из 94 хлопчатокрасильных аппретурных фабрик работает лишь 16, окрашивающих около 20 милл. арш. ежемесячно. Как же при таких условиях государство могло неуклонно выпускать со своих складов ежемесячно около 60 милл. аршин? Благодаря запасам от прежнего производства. Ведь даже в *первом* полугодии 1919 г., когда запасы сырья не истощились в такой сильной степени и несмотря уже на наличность топливного кризиса — производство в *три* раза превышало производство *второй* половины того же 1919 года (а именно — в среднем в месяц 125

тыс. пуд. пряжи на прядильных и до 35 милл. арш. суровой ткани на ткацких фабриках), а в 1918 году оно было еще выше и кроме того в руки советских органов попало около полутора миллиарда аршин уже изготовленной пряжи при приеме наследства от буржуазии, т.-е. при конфискации фабрик, оптовых складов и магазинов. Еще и в настоящее время (из этого наследства и из остатков от текущего производства) остается на государственных складах до 600 милл. арш. различных хлопчатобумажных тканей, что составляет достаточный резерв для устранения остроты положения впредь до близкого уже возрождения основной отрасли текстильной промышленности под влиянием улучшения положения с хлопком и топливом.

Такою же в основном была история за эти годы и льняной, и шерстяной промышленности: сначала ускоряющееся сокращение из-за кризиса сырья и отчасти топлива и жизни государства (в смысле расходования тканей) в значительной мере за счет старых запасов, потом, уже в 1920 г., улучшение перспектив с сырьем (для шерсти в связи с воссоединением богатых скотом окраин) и с топливом (для льняных фабрик, не испытывавших крупных затруднений с сырьем и ранее).

Из 404 тысяч льнопрядильных веретен России к первому февраля 1920 г. работало 213 тысяч или 52%. Средняя месячная выработка льняной пряжи составляла в первом полугодии 1919 г. 108 тысяч пудов, во втором—62 тысячи п. и в начале 1920 г. 91 тыс. пуд. (соответствует 9 милл. арш. ткани). Средняя месячная выработка льняной пряжи до войны составляла около 270 тыс. пуд. в месяц, почти столько же в 1917 г.—именно 3.120 тыс. пуд. за год, затем 1.570 тыс. п. в 1918 г. и 1.140 тыс. п., т.-е., примерно, в три раза меньше. Из 14 тыс. льноткацких станков на 1 февраля 1920 г. работало 40%—уже по этим данным мы видим, что льняная промышленность, базирующаяся на местном сырье, а не на привозном, сохранилась в гораздо большей степени, чем хлопчатобумажная. В хлопчатобумажной из 470 тыс. рабочих сохранилась на работающих предприятиях около 125 тыс., а на льняных и на пеньковых фабриках работает сейчас целых 60% рабочих, занятых на них в мирное время*). Запасы льна на 1 июня 1920 г. на фабриках и государственных складах составляют $4\frac{3}{4}$ милл. пуд., а годовая потребность при нынешнем размере производства льняных тка-

*) Производство пеньковой пряжи в первое полугодие 1919 г. 24 тыс. пуд. в месяц, во второе 16 тыс. пуд., запасы пеньки на 1 янв. 1920 г. превышают 1.600 тыс. пуд., сбор пеньки за 1919 г. 1.600 т. пуд., расход на фабриках во втором полугодии 1919 г. в среднем 60 тыс. пуд. в месяц, фабричная выработка всех пеньковых изделий вместе 47 тыс. пуд. в месяц. До войны фабрики вырабатывали ежемесячно 125 тыс. пуд. пеньк. изделий, сокращение почти втрое. Основная его причина недостаток топлива. Впрочем главная масса пеньковых изделий вырабатывается в России не фабриками, а кустарями.

ней и нынешнем отпуске льняной пряжи на другие нужды (ежемесячно 10 тыс. пуд, на подмесь к хлопку и шерсти и 30 тыс. пуд. на выдачу заказов работающим на государство кустарям и т. п.) составляет 1.800 тыс. пуд., в случае же пуска в ход всех 100% веретен составит 3.100 тыс. пуд., так что наличных у государства запасов, не считая даже дальнейшего предстоящего сбора от крестьян, хватает примерно на два года, если считать, что благодаря улучшению топливного положения будет в среднем пущено 75% веретен вместо работавших весной 1920 г. 52%. Надо особенно отметить, что нынешние запасы льва образовались путем заготовки его советским государством, ибо унаследованные при конфискации заводов и складов уже переработаны за это время. Заготовка началась в конце 1918 г., при чем собрано было льна от крестьян (в значительной степени через крестьянские кооперативы) в 1918 г. всего 103 тыс. пуд., в 1919 г. уже 3.697 тыс. пуд. и в 1920 г. пока до 1 июня 1.181 тыс. пуд. Предполагается, что в течение 1920 г. будет собрано всего около 2 милл. пуд.—уменьшение против прошлого года объясняется указанным выше недосевом (см. главу о земледелии) и особенно тем, что многие льняные губернии являются теперь районом прифронтовых операций, между тем как в 1919 г. по границе стоял военный кордон и только—фактически война с Польшей началась лишь с весны 1920 года.

Что касается обработки шерсти, то к лету 1920 г. из 625 кардных аппаратов работает 63%, из 199 тыс. веретен работает 60%, из 19,5 тыс. ткацких станков 42% и из 541 красильной барки 27%. Таким образом шерстяная промышленность, как и льняная, сохранилась в гораздо большей степени, чем хлопковая, и по той же причине—и шерстяная и льняная имели возможность работать на местном сырье, тогда как хлопкообрабатывающая целиком зависит от связи с Туркестаном. В результате количество рабочих хлопчатобумажных фабрик уменьшилось с 470 тыс. до 125 тыс., т. е. более чем на треть миллиона, почти вчетверо, тогда как на шерстяных фабриках и сейчас имеется почти 50% мирного количества, а на льняных даже почти 70%*).

*) В двух наиболее пострадавших отраслях русской индустрии, текстильной и металлообрабатывающей, количество наличных рабочих сократилось пропорционально. Если в последние годы все текстильные отрасли вместе (т. е. считая и шелк, и пеньку, и трикотаж и т. д.), то в ней вышло две трети:

	1914 г.	1920 г.
хлопок	468 тыс чел.	125 тыс чел.
шерсть	89 » »	43½ » »
шелк	29 3 » »	5 » »
лен и пенька	5½ » »	5,8 » »
прочее	25,2 » »	14,7 » »
всего	609 тыс. чел.	245 тыс. чел.

Запасы шерсти в Евр. России на фабриках и государственных складах составляли на 1 июня 1920 г. почти 1.650 тыс. пуд. при фактическом среднем месячном расходе около 80 тыс. пуд. Кроме того 630 тыс. пуд. находилось на складах Северн. Кавказа, подлежащих вывозу в центр в течение второй половины 1920 г. почти столько же в Туркестане и несколько меньше в Сибири. Таким образом если бы удалось пустить даже все 100% шерстяных веретен, кардных аппаратов и ткацких станков (что при наступающем улучшении с топливом будет постепенно осуществлено), то и имеющихся уже в стране в руках государства запасов хватило бы примерно на полтора года. Наличная в центре шерсть является лишь отчасти продуктом советской заготовки, а почти на половину (равно как и переработанные до 1 июня 1920 г. количества) досталась нам в наследство при конфискации от буржуазии. Заготовка шерсти советским государством в 1918 г. вообще, можно сказать, не имела места, в 1919 г. заготовлено было 847 тыс. пуд, а в 1920 г. вся заготовка кроме вновь отвоеванных у контр-революции окраин (т. е. кроме Сибири, Туркестана, Кавказа, Дона и Украины), как предполагается, достигнет лишь вдвое меньшей величины (в 1919 г. заготавливали также из запасов, оставшихся у крестьян от стрижки овец 1918 г.). Если бы не было присоединения окраин, то текущей заготовки хватило бы приблизительно для покрытия лишь половины даже фактического расхода, не говоря уж о нормальном довоенном. Теперь же кроме вывоза из Туркестана, Сибири и Кавказа уже заготовленных запасов, ожидается ежегодный сбор там государством до $1\frac{1}{2}$ милл. пуд. шерсти. Вместе с внутренним русским сбором это даст возможность шерстяной индустрии работать в будущем на все 100%

*) Что касается металлообрабатывающей промышленности, то для сравнения с отчетами фаб.-зав. инспекции, откуда взяты данные за 1914 г., надо из цифр 1920 г. исключить все заводы, которые при царском правительстве не были подчинены надзору инспекции (военные, военно-морские и т. п.). Тогда окажется (указанное сравнение как металлообработки, так и обработки волокнистых веществ относится только к Европейской России без Украины, Прибалтики, Литвы, Белоруссии, Дона и Кавказа), что вместо 247 т. рабочих 1914 г. в предприятиях металлообрабатывающей промышленности числится в 1920 г. 147 т. (не включая железнodelательной промышленности Урала в цифры как в 1914, так и в 1920 гг.), т. е. около 70%, а отсчитав даже до 20% на сохранившиеся еще «прогулы» — фактическое среднее количество все же составит около $\frac{1}{2}$ довоенного числа рабочих. К сожалению, нет достаточных цифровых данных для учета как влияния перехода на 8-часовую рабочему дню на чувствующийся недостаток квалифицированных рабочих-металлистов, так и нынешнего распределения по категориям наличных рабочих металлообрабатывающей промышленности сравнительно с прежним. В этом отношении предстоит ожидать результатов работ учрежденного в 1920 г. Главн. Комитета Труда (для руководства делом распределения живых рабочих сил страны).

Шелковая промышленность в виду истощения сырья ковенно ликвидировалась, на 1 мая 1920 г. оставалось уже только $3\frac{1}{2}$ тыс. рабочих, шелковых тканей осталось на это же время в размере около 30 милл. арш. Заключенный в первой половине 1920 г. мир с Грузией и восстановление связи с Туркестаном дадут возможность провоза в Россию шелка-сырца (до войны обычно ежедневно привозилось груза по 50 тыс. пуд. шелка при общем его годовом потреблении России в 140 тыс. пуд.).

из одного только текущего сбора, говорить же о вывозе сырой шерсти из России за границу пока не приходится.

Присоединение богатых скотом окраин несет с собой такое же облегчение и возрождение, понятно, также кожевенной промышленности. Хотя кожевенные заводы и обувные фабрики сохранили 100% своих рабочих сравнительно с мирным временем и оказалось достаточно сырья для удовлетворения все эти годы армии, но производство, напр., кожанной обуви для гражданского населения было сокращено чрезвычайно чувствительно, ибо для этого текущих заготовок кожи советского государства не хватало, а привоз ко-и из-за границы был невозможен, Государственный сбор кожи дал следующие результаты в тысячах шгук:

	мелкие кожи	крупные кожи
в январе-мае 1918 г.	2 804 тыс.	2,650 тыс.
» » 1919 »	2 324 »	1 353 »
» » 1920 »	534 »	389 »

По масштабу сбора первой четверти—весь 1920 г. должен был бы дать крупных кож на 15% больше и мелких—на 8% меньше, чем 1919 г., т.-е. ничего существенно не изменилось бы (все эти данные относятся только к Европ. России без Украины и Дона; большой сбор крупных кож в 1918 г. объясняется включением в эту цифру поступления из районов, которые захвачены были ватем контр-революцией и далее в этой таблице не учитываются). Но последовавшее присоединение Сибири, Кавказа и т. д. совершенно меняет картину. На сибирских складах, перешедших к государству, к весне 1920 года обнаружено 850 тыс. крупных и 900 тыс. мелких кож, на складах Северн. Кавказа и Дона—420 т. крупных и 830 тыс. мелких, в Туркестане почти столько же, т. е. одни наличные запасы превышают весь годовой сбор советской России без окраин. Кроме того текущий сбор кож во вновь присоединенных районах (Сибирь, Кавказ, Туркестан, Дон, Украина) в полтора раза выше, чем показанный в таблице сбор в старых границах советской России.

Совершенно подобное же значение имеет присоединение одной из окраин именно Северн. Кавказа для мыловаренной и для табачной промышленности. Последние полтора года в советской России производилось менее 70 тыс. пуд. мыла в месяц. Мыло выдавалось лишь солдатам, заводам, больницам и в некоторых случаях маленьким детям и т. д., для производства большего количества нельзя было заготовить внутри советского района достаточно жиров*). Теперь с Север. Кавказа, где сконцентри-

*) Заготовка государством животных жиров, обычно служивших для выделки мыла, в период отрезанности России от скотоводных окраин, вообще почти на кег. Крестьяне соглашались еще сдавать кожу, но мясо стедали сами.

ровано производство основного сырья для мыловаренной промышленности (переработанного животного жира — «саломаса») обеспечен ежемесячный подвоз такого количества сырья, какое при наличии топлива обеспечивает доведение мыловарения для нужд центра России (т.-е. сверх удовлетворения местных потребностей Украины, Кавказа и т. д.) до 200 тыс. пуд. мыла в месяц.

Табачная промышленность советской России в ее старых границах, т.-е. без Украины, Дона, Кавказа и Азии, перерабатывала до войны ежегодно около 4.300 тыс. пудов табака и махорки, получая для этого сырье главным образом с Кавказа и из Украины. Заготовки государства 1919 г. в Советской России хотя и прошли сравнительно очень удачно, но дали только 1,600 тыс. пудов, ибо больше трудно получить по размерам великорусского табаководства (включая махорку—в Великороссии заготавливается почти исключительно махорка). Приблизительно таким же темпом шла заготовка в этом районе и в 1920 г.—к 1 апреля здесь было заготовлено уже до 1 милл. пуд. Своими запасами Главтабак должен был распоряжаться очень осторожно, дабы чрезмерным расходом не поставить в близком будущем армию, рабочих и крестьян перед значительным перерывом в доставке курева. В итоге на фабриках изготовлялось табачных изделий все меньше: в первом полугодии 1919 г. всего 684 тыс. пуд. или как раз треть довоенного производства, во втором полугодии 1919 г. уже только 456 тыс. пуд. и в первом полугодии 1920 г. даже лишь 404 тыс. пуд. (судя по результатам первых 4 месяцев 1920 г.). Но к этому времени—к июню 1920 г.,—закончен был учет запасов, имеющихся на складах Северн. Кавказа, этой «табач-

После приобщения к первым же скотоводческим районам государственные заготовки мяса и шкуры и быстрой продолжались. За первые три месяца 1920 г. консервировано и допущено к заготовке всего 500 тыс. пуд. мяса, а за те же месяцы в 1920 г. уже 3.520 тыс. пуд. Благодаря этому и работы консервных заводов, давших в 1919 г. лишь около 10 тыс. пуд. консервов (430 тыс. пуд. в костяных коробках) в 1920 г. достигли уже 4 милл. пуд. До сих же пор почти единственной заменой мяса служил картофель, который государство заготовило в 1919 г. всего почти 10 милл. пуд., а в 1920 г. только до 1 июня уже 9 милл. пуд. (Впрочем, главный период заготовок уже кончился). Вообще в связи с общим укреплением государственного аппарата—не зачитывая, конечно, в духе государственными путем обращения к мелкому хозяйству (молочное, овощное, картофельное, д.) оказались в 1920 г. значительно успешнее, чем в 1919 г. (когда они в свою очередь были выше, чем в 1918 г.). Например, картофель заготовлен в 1919 г. всего 25 милл. пуд., а в 1920 г. до 1 июня 41 милл. пуд., семена новых хлебов в 1919 г. около 2½ милл. пуд., а в 1920 г. до 1 июня около 5½ милл. пуд. и т. д. Эт. таким образом уже можно установить тенденцию к удлинению и расширению путей, который свещен выше в главе о земледелии.

М. для нее всего улучшается положение с кормовым делом. В Европ. России (без Украины) Государство с 1919 г. всего 59 тыс. пуд. корм. масла и в первом полугодии 1920 г. 13 тыс. пуд. 113 всего масла 3% заготовлено на государственных молочных заводах. Главмолка остается 97% собраны от крестьян. Главным районом заготовок корм. масла в Центральной России и в Зап. Сибирь, присоединенная только в 1920 г., где заготовка масла только начинается, значит. лишь улучшить общее положение.

ной житницы» России. Там оказалось в наличности $2\frac{1}{2}$ миллиона пудов табаку кроме предстоящего сбора очередного урожая, да из Украины имеет получиться около 1 миллиона пудов махорки. Таким образом, даже стлагая 1 миллион пудов для экспорта, мы будем иметь возможность поддерживать табачную промышленность Северной России в удвоенном размере сверх удовлетворения текущих потребностей самих Кавказа и Украины.

Если взять всю русскую фабрично-заводскую и горную промышленность вместе (включая военные заводы и т. д.), то надо будет сделать вывод, что в среднем сохранены работающими наиболее крупные предприятия, т.-е. что ставшее неизбежным по объективным условиям сокращение производства проведено было планомерно и организовано под углом зрения сохранения наилучше оборудованных предприятий, сохраняющих способность быстро развернуть производство при наличности сырья и топлива. Именно по общим промышленным обследованиям 1887, 1897 и 1909 г., произведенным царским правительством, и по среднему выводу из отчетов всех органов промышленного управления на 1 янв. 1920 г.,—средний размер одного работающего фабричного, заводского и горного предприятия по числу занятых в нем рабочих оказывается равным:

1887 г.	...	43	чел.
1897 г.	»	54	»
1909 г.	»	67	»
1920 г.	»	194	»

Намеренным подбором оставляемых в работе предприятий объясняется отчасти и сохранение на них иногда кадра рабочих с некоторым запасом против фактических размеров их производства в данный момент, что следует принимать во внимание при упрощенном «арифметическом» выводе «средней величины производительности на одного рабочего». Конечно, размеры средней производительности упали и не могли не упасть при тех в высшей степени тяжелых условиях существования, какие созданы для рабочего класса контр-революционным походом против России, в буквальном смысле слова вырывающим кусок хлеба изо рта и топливо из печки разрезанием единого хозяйственного организма России на куски, двухлетним отделением промышленного центра страны от ее продовольственных, топливных и сырьевых окраин. Мы только теперь обратно освободили эти окраины, только в 1921 г. начнем чувствовать реальное значение восстановления с ними связи, между прочим столь же важной и жизненно необходимой политической и экономической для них самих, как и для нас. Но что неизбежное падение средней производительности труда рабочих сравнительно с мирной вовсе не достигает у нас в настоящее время тех сказочных величин,

о которых рассказывает «на посрамление всемирному пролетариату обобщающие анекдоты буржуазная печать всей Европы,—показывает пример даже наиболее ослабевшей отрасли промышленности—текстильной, не говоря уж о прочих. Средняя выработка пряжи на каждую тысячу веретено-часов в 1914 г. составляла 44 пудо-номера, а в 1920 г. все же 30 пудо-номеров, т.-е. менее всего на 31⁰/₀. Средняя выработка квадр. аршин ткани на станок-час за тот же срок уменьшилась в среднем на 38⁰/₀ («Эк. Жизнь» от 3 июля 1920 г.)—и только, а две трети сохранились.

Если взять в отдельности некоторые более интересные из нерассмотренных выше отдельно мелких сравнительно индустрий, то по числу рабочих они изменились к 1920 г. сравнительно с состоянием в 1914 г. следующим образом (мы берем и для 1914 г. и для 1920 г. цифры, относящиеся исключительно к Европ. Советской России без Украины и Дона и без отделенных или временно оккупированных частей, как Эстония, Латвия, Литва, Минская Губ., Бессарабия).

Отрасли индустрии	1914 г.	1920 г.
Электр. станции	2 ¹ / ₂	8 ¹ / ₂
с. кольная	48	29
древоб. лочная	72	33
сахарная	23	12 ¹ / ₂
мукомольная	22	15
бумажная	31	14
р. и по ая, спичечная, красочная		
и х. м.	39	30
смешанная группа*)	81	34

Почти по всей линии сокращение приблизительно вдвое.

О некоторых из них мы позволили себе сделать перед концом некоторые беглые замечания, поскольку ход вещей в той или иной отрасли является типичным для новых условий русской жизни.

Винокурение—образец промышленности, исчезнувшей вследствие воспрещения употребления алкоголя иначе, как для медицинских и некоторых технических целей. Введенное на время войны царизмом, оно увековечно властью. В результате производство спирта, составлявшее в 1914 г. во всей бывшей Империи 139¹/₂ милл. ведер, из них в Великороссии без Дона 38¹/₂ милл.,—свелось в 1919 г. в Советской России (без Украины и т.-д.) до¹/₂ милл. ведер. Крайне характерно, что там, где временно побеждала помещичья контр-революция,—на Дону, на Украине и т.-д.,—Деникин, Скоропадский и прочие помещичьи генералы

*) В смешанную группу в этой таблице включены соль, табак, спирт, крахмал, консервы, чайно-кофейный напиток, молочные продукты, кондитерские изделия. На с.лепромышленность к 1 янв. 1920 г. приходилось из них 4 тыс. раб., на табачно—ахорочные фабрики 27 тысяч.

восстанавливали выкурку спирта на помещичьих заводах и вновь разрешали традиционную с парским двуглавым орлом водку.

Производство чайно-кофейного напитка—образец индустрии, созданной совершенно заново. Бывшие в стране запасы чая и кофе летом 1918 г. стали псеякать, па новый подвоз рассчитывать не приходилось. Осенью 1918 г. решено было приступить к изготовлению „чайно-кофейного напитка“ из цикория (в большом количестве произрастающего в Ярославской губ.). смешанного с пережженными зернами хлебных злаков и некоторыми другими составными частями. По мере приспособления „барабанов для жаренья“ бывших кофейных фабрик и т. д. производство развивалось, давая в среднем в месяц:

декабрь 1918 г.	48 тыс. фунт.
апрель „ „	668 „ „
сентябрь 1919 г.	1.053 „ „
май 1920 г.	1.700 „ „

Советской властью принято решение вообще в ближайшие годы не выписывать из-за границы чая и кофе, но развивать далее производство „чайно-кофейного напитка“, чтобы имеющиеся экспортные ресурсы (товары для вывоза), употребить в первую очередь для получения запасов различного оборудования.

Мукомольная промышленность является образцом успеха своеобразной „нормализации“. На пространстве всей бывшей Российской Империи (без Польши, Восточной Сибири, Туркестана, Литвы и Прибалтики) перемалывалось в муку ежегодно около 2 миллиардов пудов зерна, из них до 1 миллиарда на 4½ тысячах крупных и средних мельниц (с производительностью каждая не менее 150 тыс. пуд. в год) и столько же приблизительно на 50 тысячах мелких мельниц (так назыв. „крестьянского типа“).

Кроме того до 800 милл. пуд. вывозилось за границу, около 700 милл. пуд. шло на семена, до 1 миллиарда на корм скоту. Теперь при уменьшении земледелия на 30% и отсутствии экспорта должно было перемалываться около 1 300 милл. пуд., считая и Украину и Запад. Сибирь, и Кавказ, Дон и т. д.

Мельничное оборудование на 70% всегда шло из-за границы. Приток его и даже ремонт вообще почти остановился с самого 1914 г. Недостаток топлива побуждал еще более сократить количество работающих мельниц. С этой целью выработка каждой мельницей нескольких сортов муки заменена была однотипным упрощенным помолом, наиболее подходящим к ее оборудованию. Абсолютное производство тех же мельниц было увеличено благодаря этому в среднем на 80% (доклад Главного мукомольного Комитета на съезде рабочих мукомолов 7 июня 1920 г.) и количество работающих мельниц смогло быть значительно уменьшено (подобными же приемами боролись с топливным кризис-

сом и в некоторых других отраслях). Все самые крупные мельницы были взяты в непосредственное государственное управление, средние и мелкие отчасти закрыты, отчасти переданы в ведение местных экономических органов. По чрезвычайной распыленности этой отрасли промышленности и по сложности управления ею процесс взятия ее в государственное управление начался позже, чем во всех остальных отраслях хозяйства. В 1918 г. еще почти не было государственных мельниц. В первой половине 1919 г. на мельницах, состоящих в управлении Главмуки, перемалывается в среднем по $4\frac{1}{2}$ милл. пуд. в месяц, во второй половине 1919 г. уже по $9\frac{1}{2}$ милл. пуд. в первой половине 1920 г. по 15 милл. пуд.—процесс этого овладения еще не закончился (почти единственная из отраслей фабрично-заводской промышленности, находящаяся в таком состоянии)

Спички производились до войны свыше чем на сотне мелких и средних фабрик, притом с применением исключительно привозимой из-за границы бертолетовой соли. В последней нормальной для спичечного производства год (1914) во всей бывшей Империи произведено $4\frac{1}{2}$ миллиарда коробок спичек или почти по 25 коробок в год на жителя. Производство стало падать уже в первый же год империалистской войны и за 1915 г. произведено всего 3 миллиарда коробок или по $16\frac{1}{2}$ на жителя. Падение продолжалось и далее и хотя спичечная промышленность оставалась ненационализованной весь 1918 г. и топливного кризиса для нее тогда еще не было—она уже в 1918 г. дала только 1 миллиард коробок, правда, уже только в пределах советской России без Украины и т. д. С начала 1919 г. последовала ее национализация, количество работающих фабрик сокращено вдвое, но на них сосредоточены и ресурсы и рабочие (всего 13 тыс. чел. на 1 янв. 1920 г.) и за год произведен все тот же 1 миллиард коробок спичек, который произведен был частными владельцами фабрик за 1918 г., когда работали еще все фабрики и не было затруднений с топливом. На примере спичечной промышленности мы можем поэтому с удобством сравнить и оценить работу частной и национализированной промышленности в тяжелых условиях хозяйственной жизни, созданных войной Антантой и контр-революцией и господствовавших в России в 1919,—1920 гг.*). В среднем на душу производство спичек составляет теперь $12\frac{1}{2}$ коробок в год, т.-е. всего на четверть меньше, чем в 1915 году, и на $\frac{1}{2}$ меньше довоенного, но достигается затратой меньшего количества топлива, рабочих сил и т. д. Организационная работа советского государства в этой области за последние $1\frac{1}{2}$ года

*) К лету 1920 г. национализована уже крупная и средняя промышленность во всех отраслях народного хозяйства. Только в заготовке до сих пор играют еще некоторую роль частные подрядчики, но из года в год она уменьшается и в настоящее время подядчики заготавливают уже лишь около 15% всех дров. О мелкой промышленности как городского (ремесленного) так и сельского (кустарного) типа см. ниже.

состояла не только в упорядочении существующей промышленности, но и в подготовке начатого в 1920 г. производства бертолетовой соли в количестве избавляющем на будущее время Россию в этом отношении от зависимости от внешнего мира, и в приступе к сооружению новой крупной спичечной фабрики „Орион“, которая одна по окончании будет давать 1 миллиард коробок спичек в год (расположена среди осиновых лесов, обеспечивающих ее и соломкой и топливом, и удобна в транспортном отношении), т.-е. удвоит существующее производство.

Резиновая промышленность, достигшая до войны в России очень высокого состояния, тоже, как и спичечная, была целиком основана на иностранном сырье, притом на таком, искусственное производство которого в фабричном масштабе пока оказывалось невозможным,—на привозном каучуке (сырая резина). Главным предметом производства были галоши (около 150 милл. пар в год) и незначительный процент резины уходил на технические изделия (ремни, рукава, подошвы и набойки, шины, медицинские принадлежности и т. п.). После национализации резиновой промышленности во второй половине 1918 г. были приняты меры сначала к сокращению, а затем с 1 января 1920 г. и к прекращению производства галош, чтобы наличными запасами каучука обеспечить удовлетворение технических потребностей России на возможно больший срок. Сырой резины (каучука) на резиновые изделия идет в общем лишь 25%, а 75% добавляется из старой, бывшей уже в употреблении резины, запасы которой в России громадны (на одних государственных складах сотни тысяч пуд.) При полной мирной работе всех резиновых фабрик им надо было бы 78 тыс. пуд. каучука в месяц, при выработке одних технических изделий 4 тыс. пуд. В июне 1920 г. на заводах имелось еще 140 тыс. пуд. каучука, т.-е. хватало по нашему масштабу работ (5% мирной выработки) еще на три года вперед. Как внутри самой резиновой промышленности производился за это время постепенный перевод рабочих (число которых около 5 тысяч вместо довоенных 30 тыс. чел.) с менее необходимых для страны производств на более необходимые, показывает сравнение средней месячной величины производства трех основных продуктов за первое и за второе полугодие 1919 г.

	Первое полугодие.	Второе полугодие.	Май 1920 г.
Галоши	3 7 тыс.	128 тыс. пар.	—
Техническая пластмасса	4 9 0 пуд.	9.300 пудов.	3.200 пуд.
М ш. ные ремни и рукава .	4 300 арш.	13 800 аршин.	48.000 арш

Резиновая промышленность являлась бы для империалистской блокады наиболее уязвимой, если бы не решительная по-

литика полного прекращения выделки галош, служащих лишь предметом личного, но не хозяйственного потребления*).

Бумага является тем продуктом, для производства, которого в надлежащих размерах особенно не хватало одного специального предмета заграничного производства—металлических сеток для самочерпальных машин, без каких сеток производство бумаги невозможно. Само сырье,—древесная масса, целлюлоза и бумажные обрезки,—заготавливаются государством в России в почти довоенном размере и теперь. В мирном 1913 г. древесной массы произведено 1.142 тыс. пуд., а в 1919 г. 926 тыс. пуд., т. е. почти 80%, несмотря на все продовольственные затруднения, ибо древесномассное производство расположено в районах сравнительно хорошо обеспеченных необходимым для него топливом и сырьем. Несколько хуже обстояло с целлюлозой, для производства которой необходим колчедан, добывающийся на Урале, а Урал был отрезан Колчаком большую часть 1919 г. Поэтому в то время, как в 1913 г. целлюлозы было произведено 1.977 тыс. пуд., в первый советский год, в 1918 г., ее изготовлено столько же, именно 1.953 тыс. пуд., а во второй советский год в 1919 г., уже только 966 тыс. пуд., т. е. около 50%.**)

За то, что касается обрезков бумаги (в настоящее время до 40% бумаги изготавливается из древесной массы, немного более из целлюлозы, 10% из обрезков старой бумаги и остальное количество из тряпья), то пролетарская революция значительно увеличила сырьевые ресурсы бумажных фабрик, обеспечив их на целые годы вперед предоставлением для переработки с указанной целью высоко ценившихся при прежнем строе документов. Архивы нотариусов и все за многие десятилетия накопившиеся документы о правах на землю и другую недвижимую собственность, делопроизводство и архивы всех банков за все их существование до 1 января 1918 г. (банки в России в ноябре 1917 г. национализированы, а затем и вовсе упразднены) и национализированных акционерных и т. п. обществ, архивы и делопроизводство коммерческих и других бывших судов до сената включительно (кроме уголовных отделений), громадные архивы

*) На некоторых резиновых заводах производится также переработка асбеста для тем изоляционных целей и т. п. Асбест добывается на Урале, в 1913 г. добыто 1½ мил. пуд. (кроме России значительная добыча только в Казахде 7½ мил. пуд. в 1913 г.). С началом империалистской войны производство стало падать, в последний полный год царизма в 1916 г. добыто только 650 тыс. пуд., в 1919 г. добыто 250 т. п., в 1920 г., судя по первому полугодю, будет добыто до 350 т. п. В мирное время 7% уральского асбеста вывозилось за границу и лишь 3% т. е. около 45 тыс. пуд. потреблялось внутри страны. Так как запасы асбеста на Урале на 1 января 1920 г. составляли около ½ мил. пуд., то вместе с текущим производством это на ряд лет покрывает потребности России даже при удовлетворении их по полной мирной норме.

**) Все приведенные сведения, как и все сведения о производстве бумаги относятся к территории Евр. совст. России, без Украины, Дона и Минской губернии. К октябрю 1920 г. заканчивается целлюлозный завод в Дубровке, который будет давать около 360 тыс. пуд. целлюлозы в год.

накопившихся за два столетия военных рапортов о ежедневных дежурствах и т. д., и т. п.—все это частью уже отправлено, частью постепенно отправляется для переработки в чистую бумагу на бумажные фабрики республики *), вплоть до громадных запасов порнографической, агитационно-монархической, погромной и т. п. литературы, конфискованной государством при национализации частных издательств (вместо них учреждено во второй половине 1919 г. «Государственное издательство», сохранившее при себе в качестве подконтрольных органов также около десятка старых общественно-полезных культурно-научных издательств).

При таком положении с сырьем ход производства бумаги в нынешних пределах Евр. Советской России (без Украины и Дона) был следующим:

		1913 года	8.200 тыс. пуд.
I	полугодие	1918	»
II	»	1918	»
I	»	1 19	»
II	»	1919	»
I	»	1920	»

Советское государство наложило свою руку на древесно-массные, целлюлозные и бумагоделательные фабрики уже в марте 1918 г., образовав тогда для заведывания ими «Главный бумажный комитет». Цифры показывают, что это повело к увеличению производства сравнительно с мирным временем, а не к уменьшению. Резкое уменьшение последовало лишь, когда истощился запас *сеток* для черпальных машин и специальных сукон, необходимых для изготовления бумаги. Производство этих сукон удалось создать заново в России на трех фабриках, покрывающих уже 80% потребности раньше всего 100% производилось из-за границы), а из-за отсутствия достаточного количества сеток не работает сейчас 68% всех имеющихся само-черпальных бумагоделательных машин. Для каждой машины необходимо нормально 4 сетки в год. В России неизвестна была даже конструкция станков, изготовляющих эти сетки. После того, как в 1919 г. удалось сконструировать и затем построить станки—в настоящее время работает уже несколько месяцев небольшой, постепенно расширяемый завод, выпускающий ежемесячно 8 сеток. Частичный прорыв блокады приносит России на первое время сотню сеток, прибывших уже в Ревель, а частью

*) Единственным исключением послужили акции и облигации всевозможных национализированных предприятий и билеты и купоны всяких государственных займов. Все это сыз по было во второй половине 1919 г. в два центра в—Москву и в Нижний, и в конце 1919 г. полностью (а номинальную сумму в несколько десятков миллиардов рублей) *создано*—отчасти в печах Московской Электротехнической станции, освещавшей Москву светом, полученным при помощи та же обычной топлива, а отчасти в печах Смоленского завода. Увезенные за границу или та по хранимые на руках у спекулянтов и постепенно выдаваемые Ч. К. п д бные «ценные бумаги» сравнительно с имеющимся представляют собой небольшую величину.

в начале июля уже и в Москву, и это обстоятельство позволяет дожидаться окончания расширения производства сеток в России без дальнейшего уменьшения бумажной промышленности.

Внутреннее производство бумаги не покрывало всей потребности в ней России и до войны и ежегодно имел место крупный ввоз (при производстве 1912 г. в 18 мил. пуд. бумаги всякого рода во всей бывшей Империи ввезено в 1913 г. еще 8 мил. пудов бумаги из-за границы). Благодаря этому среднее количество бумаги на жителя к середине 1920 г. сравнительно с мирным временем (принимая во внимание число жителей) сократилось в восемь раз. Пришлось прекратить рассылку газет частным подписчикам, а посылать их лишь советам, фабрикам и всевозможными учреждениям и организациям, пришлось сократить самый размер и количество газет, замедлить значительно темп книгоиздательства и т. д. На примере бумажной промышленности можно оценить непосредственное «культурное» значение блокады, организованной капиталистами Антанты против русских рабочих и слишком мало встречавшей до сих пор активного сопротивления со стороны пролетариата Европы. Если на примере производства спичек можно было сравнить работу частной и национализированной промышленности при одинаково тяжелых внешних условиях на одной и той же территории, — то на примере *сахарной* промышленности можно по признаку территориального разграничения оценить значение устойчивости советской власти или чередования ее с длительным господством равных Деникиных, Петлюр и т. п. До войны среднее потребление сахара составляло почти 20½ фунтов на жителя в год и еще несколько миллионов пудов ежегодно вывозилось за границу, так что общее производство его на всех 240 свеклосахарных заводах бывшей Империи составляло, напр., в 1914 г. 105 мил. пуд. Весь посев сахарной свеклы составлял около 700 тыс. десятин (так что с каждой десятины в конечном счете получалось около 150 пудов сахара), из них в нынешней Советской России без Украины около 70 тысяч и в нынешней Украине около 630 тыс. десятин. В Советской России и в 1918 г. и в 1919 г. удавалось, не взирая на все трудности, засеять почти полностью все 70 тыс. десятин. Даже в 1920 г. удалось засеять 60 тыс. десятин, несмотря на то, что пришлось восстанавливать хозяйство государственных сахарных заводов после разгрома осенью 1919 г. Деникиным Воронежской, Курской, Орловской и отчасти Тамбовской губерний, где расположены почти все «великорусские» свеклосахарные заводы.

Только средний выход сахара с десятины под влиянием разных неблагоприятных условий понижался до 60 с небольшим пудов с десятины (то же самое и на Украине). Иначе сложилось положение вещей на Украине — в 1919 г. здесь за-

Осуществление всей сети, рассчитанной на $1\frac{1}{2}$ тыс. верст, должно быть закончено в первой половине 1921 г. Эта крупная работа создает недостававшую до сих пор солидную транспортную предпосылку для широкого развития в России деревообделочного и в частности лесопильного дела. Пока же в 1919 г. работало около 70 % всех имеющихся предприятий, которые произвели 30 % всего обычного мирного производства, в том числе 45 милл. куб. футов пиленых материалов, 7 милл. штук шпал, $\frac{1}{2}$ милл. куб. фут. фанеры и т. д.*). Основной причиной малой выработки были недостаточные заготовки сырья в предшествовавший период: на операционный 1919 г. заводы получили для переработки только 7 милл. бревен. Наоборот теперь, параллельно усилению заготовки дров, шла и более усиленная заготовка сырья, для лесопильных заводов. На 1 апреля 1920 г. было заготовлено 29 милл. бревен, почти втрое больше прошлогоднего, потому втрое больше, чем в 1919 г., ожидается и выработка всех заводов деревообделочной промышленности (ибо топливом и оборудованием оно тоже обеспечено. Таким образом эта отрасль народного хозяйства сможет быстро вернуться к довоенному уровню, а скоро затем вероятно и превысить его, ибо уже теперь принимаются для этого необходимые подготовительные меры (напр. сооружаются 4 новых весьма крупных лесопильно-фанерных и т. п. заводов). Пока же на текущий год имеется заготовленных в прошлые годы около 250 тыс. стандартов и заготовки этого года около 75 тыс. стандартов экспортного леса.

Стекольная промышленность до войны почти полностью удовлетворяла потребности России в изделиях из стекла, фарфора и фаянса. На советскую Россию без Украины и Азии приходилось до войны около половины из общего количества 93 тыс., рабочих в этой отрасли народного хозяйства. За 1919 г. выработано было в Советской России 1.200 тыс. пуд. оконного стекла, что составляет 60 % довоенного производства, и 2.400 пуд. прочих изделий (стекло техническое, электрическое, аптекарское, ламповое, бутылочное, зеркальное, оптическое, посудное и т. п. и фарфорово-фаянсовые изделия, технические, санитарные и пр.). При этом вследствие топливных затруднений выработка уменьшалась все более каждое полугодие, составив, напр., для оконного стекла в ящиках (ящик равен 15 пудам):

I полугодие 1.19 г.	47 200	шт
II » »	32 800	»
I » »	18 200	»

На второе полугодие 1920 г. ожидалась выработка только

* В августе за 1919 г. поставлено 238 новых аз. оплавок, а в 1920 г. производство аз. еще усилено

15.600 ящиков оконного стекла, т. е. около четверти довоенной выработки. Стекольная промышленность стояла в России довольно высоко, оборудование сохранилось в исправности и в ладе ее мы имеем типичный пример промышленности, для возникновения которой начинающееся изменение топливных условий сыграет решающую роль *).

Еще в большей степени можно это сказать о цементной промышленности (портландский цемент). Хотя мировое производство цемента с 1900 по 1913—1914 гг. возросло втрое, но русская цементная индустрия росла еще быстрее и к 1914 г. увеличила свою долю в мировом производстве на целую четверть. В первый год империалистской войны, в 1914 г., в России произведено 145 милл. пуд. портл. цемента при технической возможности производства в 259 милл. пуд. (номинальная производительность). Из этой номинальной производительности приходилось 55½ милл. пуд. на Кавказ, 7½ милл. п. на Сибирь, 32 милл. пуд. на Украину, 51 милл. пуд. на западные окраины бывшей Империи и 113 милл. пуд. на остальную Советскую Россию. Остановившая развитие строительства мировая война сильно сократила цементную промышленность, а первые же признаки топливного кризиса окончательно добились ее. Если производство 1914 г. принять за 100, то в 1916 г. произведено около 80%, в 1917 г. уже несколько менее 50% и в 1918 г., когда остались заводы одной только советской России (без Украины и т. д.) около 10%. С июня 1918 г. все цементные заводы советской России остановились (на них было в 1914 г. около 24 тыс. рабочих) и стояли два года. Страна жила старыми запасами, которых к остановке заводов имелось около 15 милл. пуд. Только получение нефти к лету 1920 г. позволило вновь приняться за организацию пуска в ход цементных заводов, а присоединение Кавказской группы (она расположена на Северном Кавказе) еще более улучшает в этом отношении перспективы **). Между прочим

*) В поисках топлива советское правительство создало в 1919 г. новое не существовавшее ранее в России производство—добычу горючих сланцев в Петроградской и Симбирской губерниях. Они оказались пригодными как для промышленного так и для паровозного потребления, и дело было двинуто быстро вперед. В первый полугодию 1919 г. добыто всего 100 тыс. пуд., во второй половине 430 тыс. пуд., в первой половине 1920 г. уже свыше 2 милл. пуд., во второй половине ожидается около 8 милл. пуд. К двум главным месторождениям в Симбирской губ. сооружаются сейчас рельсы вые ветви, что даст сильный толчок добыче. Запасы сланца оказались громадные, по качествам он выше др. в, и этот род топлива будет, видимо, играть в будущем растущую роль. Из сланца могут вырабатываться мазут, бензин, керосин и т. д. В настоящее время уже строятся 2 сланцеперегоночных завода, в общем на полмиллиона пудов в месяц, первый из которых, в Петербурге, будет закончен еще в 1920 г. Добыча сланца к концу 1920 г., согласно ходу подготовительных работ, должна достигнуть 3 милл. пуд. в месяц.

**) Присоединение Северного Кавказа ставит на ноги еще одну промышленность советского центра—производство растительных масел. Оно производится в России главным образом из семени подсолнечника (благотворного растения, даю-

для обжига цемента сланцы оказались пригодными без всяких дополнительных приспособлений, а крупные цементные заводы находятся вблизи волжских залежей сланца.

Можно ожидать некоторых перемен и в химической промышленности. До войны во всей бывшей Империи производилось (1913 г.) около 11 милл. пуд. в год серной кислоты, около $11\frac{1}{2}$ милл. пуд. соды, около 1.600 тыс. пуд. калиевых солей, около 170 тыс. пуд. азотной кислоты и т. д. За время войны техническое оборудование настолько развито, что при наличии сырья и топлива можно было бы производить в два раза более серной кислоты, в 10 раз более азотной и т. д. Вследствие отрезанности источников сырья, теперь уже отчасти устраненной, в 1919 г. в советской России (без Украины и т. д.) выработано только $1\frac{1}{4}$ милл. пуд. серной кислоты (почти в 10 раз меньше до военного), что удовлетворяло текущие потребности лишь благодаря прежним запасам и сокращению объема промышленности вообще. Таково же было положение с азотной кислотой, которой за 1919 г. изготовлено 24 тыс. пуд., т. е. в 7 раз меньше довоенного. Сода и раньше на $\frac{3}{4}$ производилась на Украине и на $\frac{1}{4}$ на Урале. На Урале в 1919 г. производство ее составляло около 100 тыс. пуд. ежемесячно, т. е. свыше 40% довоенного производства этого района, а содовые заводы Украины (их всего два—оба в Донецком бассейне) пу- щены в ход советской властью только весной 1920 г. Но хуже всего положение было эти годы с калиевыми солями. Их ежегодно обычно потреблялось в России около 2.600 тыс. пуд., при чем около 1 милл. пуд. ввозилось из-за границы. Ввоз прекратился с начала войны, что нанесло прежде всего удар снабжению русского земледелия искусственным минеральным удобрением*).

Производство калиевых солей сосредоточено было, главным образом, на Северном Кавказе. Здесь из золы подсолнечника

(что также п таш), крупные посевы которого, наибольшие в России, находятся в Кубанской Области Северного Кавказа. Без сырья с Кавказа производство растительных масел в советской России (без Украины и Дона) из местных семян достигло в 1919 г. только 2 милл. пуд., из которых 100 тыс. пуд. было переделано на красочную олифу,—причем попутно получено около 4 милл. пуд. жмыха от семян—очень ценного корма для молочного и прочего скота, (само же подсолнечное семя дает топливо для заводов растительных масел—свою шелуху, так называемую «лузгу»).

*) 1 милл. пуд. органического калия ввозился в Россию в виде 5 милл. пуд. калиевого удобрения, всего в 1913 г. было произведено в России 10 милл. тридцать тысяч пудов минеральных удобрений и привезено из-за границы 31 130 тыс. пуд. Империалистская война не только прекратила ввоз, но и уменьшила внутреннее производство—уже в 1916 году произведено только 4 милл. пуд. и общее годовое потребление минеральных удобрений в стране уменьшилось таким образом в сравнении с мирными годами более чем в 10 раз. В следующие два года наступило дальнейшее ухудшение. Тогда в 1919 г. начата была разработка крупных залежей фосфатов в Иваново-Вознесенской губ., сооружаются суперфосфатные заводы и т. д. В 1920 году советские хозяйства впервые получили уже вновь минеральное удобрение.

получали обычно ежегодно миллион пудов поташа (углекислый калий) и попутно при его производстве еще 150 тыс. пуд. хлористого калия и 50 тыс. пуд. железистого калия. На Украине выделялось 40 тыс. пуд. калиевых солей для удобрения, в Саратовской губернии 200 тыс. пуд. поташа также из золы подсолнечника и в остальной России 100 тыс. пуд. хромпика (двухромовый калий). Кавказ был отрезан, а поташные заводы Саратовской губернии наполовину разрушены во время вторжения белогвардейцев. Теперь, после возвращения Кубани, предстоит восстановить производство поташа на Северном Кавказе, но действительно широкие перспективы откроются лишь по очищении Крыма от белогвардейских войск генерала Врангеля. Ибо в Крыму на соляных промыслах и в Сакском озере может быть поставлена добыча 30%-ной калиевой соли в количествах, какие уничтожат зависимость России от ввоза извне.

Невзирая на тяжелое положение основных отраслей химической промышленности, некоторые прикладные отрасли удалось не только поддержать на том уровне, на каком застала их советская власть, но и развить далее, в частности, фармацевтическую промышленность (изготовление лекарств). До империалистской войны лекарственные вещества получались, главным образом, из-за границы. Война усилила производство их в России. На государственных фармацевтических заводах произведено в первом полугодии 1919 года около 185 тыс. килограммов, во втором—около 315 тыс. и в первом полугодии 1920 г.—около 350 тыс. килограмм (свыше 20 тыс. пудов) различных лекарственных веществ. В настоящее время предпринят между прочим специальный посев лекарственных растений для извлечения из них затем необходимых составных частей.

Чтобы не затягивать далее обзора фабрично-заводской промышленности, остановимся еще только на электричестве. Количество рабочих электрических станций возросло, как приведем выше, в несколько раз; между прочим и по той причине, что самых станций стало больше. Но из-за недостатка топлива те станции, какие можно сравнить, напр., московские, давали в 1919 г. тока (в килоуатт-часах) в четыре раза меньше, чем до войны. В связи с улучшением топливного положения в первые четыре месяца 1920 г. они дают пока уже на 15% больше, и это улучшение обещает быстро расти в связи с начавшимся в мае прибытием нефти. Обслуживающую же применение тока электротехническую промышленность удалось за последние 1½ года не только поддержать на низшем достигнутом ею уровне, но и начать снова постепенно увеличивать производство некоторых важных предметов, так что в каждом следующем полугодии их изготовлялось более, чем в предыдущем. В общем за 1919 г. сделано 51 тысяча шт. аккумуляторов, 32½ тыс. шт.

электр. машин и трансформаторов и т. д. По отсутствию некоторых материалов приходилось прибегать к замене их новыми, напр., изготавливая электроды из торфяного кокса*) и т. п., но в общем справляясь с встречавшимися трудностями.

Кроме фабрично-заводской промышленности в области обработки и переработки различных веществ в довоенной России существовала довольно обширная *мелкая промышленность*, судьба которой при общем преобразовании хозяйственного уклада должна была отличаться некоторым своеобразием. Здесь мы имеем дело либо с предприятиями ремесленного типа—хозяин и не более десяти рабочих,—либо с предприятиями одиночек трудящихся и артелей трудящихся, так называемая кустарная промышленность. Первая, ремесленная, сосредоточена была, главным образом, в городах и насчитывала в советской России около 600 тыс. человек (считая и хозяев и рабочих), вторая— в деревне, при чем значительная часть кустарей (хотя далеко не все) часть года занимались сельско-хозяйственными работами, вели на небольшом клочке земли земледельческое хозяйство чисто потребительского типа. Перед войной (обследование 1913 года) кустарей имелось в Европ. Советской России без Украины 1.300 тыс. человек и на Украине 400 тыс. Считают, что к настоящему времени количество их вследствие выселения в более богатые хлебом местности сократилось в советской России приблизительно на четверть. Что касается городских ремесленников, то частью они также выселились, частью (типографщики, многие категории швейного промысла и т. д.) были втянуты в орбиту государственного хозяйства непосредственным государственным управлением или теми же методами, что и основная масса кустарей (см. ниже), а частью (изготовление искусственных цветов, индивидуальный ремонт обуви, выделка корсетов и т. д. и т. п.) слились с областью торговой спекуляции. В общем единственным серьезным дополнением к фабрикам и заводам в области мелкой промышленности является промышленность кустарная. До войны она, если взять европейскую советскую Россию и Украину, вместе делилась на следующие основные разряды:

Обработка минералов.	66 тыс. работников.
Обработка дерева.	474 » »
Обработка металла.	130 » »
Обработка волокон.	257 » »
Обработка кожи.	208 » »
Прочие.	65 » »

*) Изготавливается из торфа, особого вида топлива, добываемого из обширных, но мало разрабатываемых болот Московской и Петроградской областей.

В 1918 г. добыто 62 милл. пуд. торфа, в 1919 г. уже 67 милл. пуд., а в 1920 г., судя по ходу работ, видимо, будет добыто свыше 70 милл. пуд.

Торфяные болота будут теперь использоваться для установки на них электрических станций, напр., упоминавшаяся выше достраивавшаяся ныне Шатурская электрическая станция сооружается на торфу.

Из этих 1.700 тыс. работников (обычно в каждой „кустарной семье“ два—три работника) половина и сейчас ведут еще свое хозяйство, поскольку вообще продолжают вести его так же как и до переворота. Но двадцать из 50 отраслей кустарной промышленности, занимавшие до войны в общем 875 тыс. работников, объединены уже, и в настоящее время системой единых государственных централизованных плановых заказов, работают за счет государства и сдают свои изделия только ему, при чем некоторые из них от него же получают целиком и сырье (кузнечно-гвоздарный топорный промысел, слесарно-скобяной ножевой промысел, сапожный, портняжий, шапочно-фуражечный, трикотажный, шубно-рукавичный и т. д.), некоторые частью (веревочно-канатный промысел, плетение сетей, овчинно-скоряжный и др.), а некоторые полностью заготавливают его сами. Все эти промысла объединены на местах в артели или кооперативы, стоящие в связи с государственными органами, распределяющими заказы между артелями, финансирующими и снабжающими сырьем, специальными видами топлива и различными продуктами пропорционально сдаваемым в готовом виде изделиям (керосином, солью и т. д.). В Москве определяются размеры всего государственного заказа для каждой из этих двадцати отраслей кустарной промышленности сообразно ее мощности, перспективам получения материалов и т. д. и затем уже он распределяется по губерниям и районам. Подобным образом, кроме перечисленных выше отраслей, работают по системе государственных плановых заказов еще промыслы: углежжение и смолодегтярный, кожевенный, валяльный, корьевой, производстве лаптей*), производство деревянной посуды и ложек, производство колес и ободьев, производство саней, телег и дровней, производство кадок, бочек и чанов и рогожный. Особенностью русской кустарной промышленности является то, что перечисленные ее отрасли (а также и большая часть из необъединенных еще системой государственных заказов) являются не конкурирующими с фабрично-заводской индустрией, а дополняющими ее. Они производят предметы, которые либо вовсе не изготавливаются на русских фабриках и заводах (рогожи, мочальный промысел—62 тыс. чел., лапти—41 тыс., сани, телеги, дровни—39 тыс., колеса и ободья—36 тыс., деревянная посуда, деревянные ложки—27 тыс., кора—8 тыс., валяная обувь—73 тыс. и т. д. и т. п.), либо изготавливают такие сорта и категории, какие обычно на фабриках не изготавливаются.

За объединением мелких производителей системой государственных заказов следует после известной подготовки процесс

*) В виду недостатка подошвенной кожи (тяжелых кож крупных животных) с 1919 г. миллионами пар заготавливаются лапти из древесного лыка, как для гражданского населения, так и для некоторых тыловых частей войск.

создания в кустарных поселениях крупных государственных или артельных мастерских, куда постепенно собираются работавшие до тех пор разрозненно по своим изабам кустари. Особенно успешно это осуществляется в области кустарной обработки металла, отчасти в сапожной, швейной и т. д. Конечно, как и самое объединение кустарей государственными заказами, так и объединение кустарей в мастерских (переход к „мануфактуре“, подготавливающей „фабрику“), является еще только развивающимся процессом, но не уже совершенно законченным явлением,—ведь к этому делу в сколько-нибудь широком масштабе приступили лишь в 1919 году. Успех подобной деятельности замечен особенно там, где к ней приступили раньше. Напр., для смолокурного дела и углежжения соответственный орган был образован еще в декабре 1918 года. Эта промышленность давала России в мирное время около 10 милл. пуд. разных продуктов смолокурения, в том числе 5 милл. пуд. сырой смолы, 1.240 тыс. пуд. скинидара и т. д., из них 40% в Белоруссии и Литве, а 60%—в остальной советской России. Постепенное падение промышленности привело к тому, что в 1918 г. в советской России (без Белоруссии и Литвы) произведено было всего около 1 милл. пудов. Организация «Химдревпривлечения» с начала 1919 года и его работа привела к тому, что в 1919 году добыто уже $1\frac{1}{2}$ милл. пуд., а в 1920 году даже $4\frac{1}{2}$ милл. пуд. („Экон. Жизнь“ от 10 июля 1920 г.—сезон добычи кончается в первом полугодии), т. е. уже 75% довоенного производства, при чем получено кроме того еще около $1\frac{1}{2}$ милл. пуд. древесного угля.

Состояние русской промышленности в настоящее время вовсе не побуждает к самоудовлетворенному безмятежному созерцанию действительности сквозь розовые очки. Но думается мне, даже этот беглый обзор народного хозяйства советской России за последние $2\frac{1}{2}$ года, несмотря на все его теневые стороны, показывает, что энергия передового авангарда русского пролетариата затрачивается не безрезультатно. Можно считать в общем и целом остановленным дальнейшее скольжение страны по наклонной плоскости вниз к полному разложению экономических предпосылок ее существования. Все ускоряющееся скольжение вниз создано было империалистской войной, в которую ринулась во имя своих классовых интересов буржуазно-помещичья Россия. А постепенно останавливается этот распад низвергнувшим капиталистов и помещиков пролетариатом—восстанавливается, несмотря на те беспримерно тяжелые объективные условия, в которых ему пришлось действовать.

Ведь действительная экономическая история советской России начнется только с 1921 года, ибо только со второй по-

ловны 1920 г. Россия вновь существует, как единый хозяйственный организм. До сих пор первые три года пролетарской революции—это было только предисловие, только введение в историю—борьба за создание первой предпосылки для возможности нормального хозяйственного развития: за соби́рание в одно целое всех частей разорванного буржуазно-помещичьей контр-революцией и Антантой государства—Украины, Великой России, Сибири, Туркестана, Кавказа, Дона.

Теперь, когда русский пролетариат, когда воинствующий большевизм, как новый Иван Калита, вновь „собрал землю“, теперь только пролетарская Россия получит возможность показать свою энергию и организационные навыки на деле хозяйственного возрождения в должном масштабе.

Если уже и в период „введения в историю“ было, как выше показано, кое-что достигнуто,—и прежде всего сохранение пролетарского государства, сохранение возможности творить дальше свою судьбу, опираясь на все большие источники мощи,—если так, то насколько же больше в праве мы ожидать, „когда придет настоящий день“. Для капиталистов стран Антанты теперь, с объединением России, должна окончательно разрушиться надежда на „гибель большевизма“ от внутреннего экономического разложения, как стали они уже раньше терять надежду на гибель первого очага государственной власти рабочего класса под прямыми ударами вооруженной контр-революции и наемных ландскнехтов европейского капитала из окраинных „демократических республик“.

Ю. Ларин.

В настоящее время вся Европа, одни страны более, другие менее основательно, успела на собственном опыте ознакомиться с опустошениями, производимыми гражданской войной. Гражданская война уступает империалистской в смысле концентрации громадных масс и средств разрушения, а, следовательно, и разрушительного эффекта на определенных территориях—театрах военных действий. Зато гражданская война является поистине всепроникающей и вездесущей, что засвидетельствовано языком пушек и пулеметов на улицах Петрограда и Москвы, Берлина и Мюнхена и в глубоких тылах восточной и средней Европы, где о войне империалистской знали лишь по наслышке. Но особенно разрушительно влияние гражданской войны на старую трудовую дисциплину, которую война империалистская, напротив, первое время укрепляла... Что в России почти законченная ныне гражданская война достигла наибольшего размаха и интенсивности, достаточно известно.

Скрытой формой гражданской войны, предшествующей и сопровождающей открытую гражданскую войну, является саботаж, нежелание считаться с интересами производства и даже прямые действия во вред ему. Западная Европа знакома с саботажем пролетариата, а отчасти (Венгрия и Германия) и с саботажем буржуазии. В Советской России саботаж буржуазии и других господствующих классов сломлен, но он доставил много затруднений в деле организации народного хозяйства и явился одним из серьезнейших факторов хозяйственной разрухи.

Неизбежным фактором разрухи является и кризис производственных отношений. Производственная деятельность требует *определенной* организации производства, *определенных* производственных отношений. Эпоха кризиса способа производства, смены капиталистического способа производства социалистическим неизбежно является эпохой, когда капиталистические производственные отношения разлагаются, а социалистические только складываются, когда определенных производственных отношений *нет*. Смена капиталистического управления предприятиями рабочим управлением является поэтому временно серьезнейшим фактором разрухи, которая значительно усиливается стихийным, стало быть, неорганизованным характером этой смены, происходящей одновременно повсюду во всех капиталистических ячейках от самых высших до самых низших (начиная с банков и синдикатов и кончая заводами, фабриками и мастерскими).

Невероятное трудовое напряжение пролетарских масс во время империалистской войны (когда рабочие выходили из заводов пошатываясь, как пьяные), ухудшение условий пи-

3. Разруха вследствие гражданской войны.

4. Саботаж

5. Кризис производственных отношений.

6. Разложение быта и падение трудовой дисциплины.

тания и вообще потребления рабочих масс, стремление капиталистической буржуазии свалить на пролетариат последствия вызванного ею кризиса, отыгрываясь на уменьшении издержек на рабочую силу, усиление классового контраста между ухудшающимся положением пролетариата и пролетаризованной за время войны мелкой буржуазии с одной стороны и военными сверхприбылями крупной капиталистической буржуазии—с другой: все это привело к разрушению всех старых общественных отношений, к полному разложению старого быта в среде пролетариата и других слоев трудящихся, к падению трудовой дисциплины, к неслыханному росту „лени“, падению исполнительности и аккуратности, неслыханному развитию воровства, взяточничества и т. д. (даже хваленое прусское чиновничество и офицерство не выдержало жестокого исторического экзамена). Под влиянием гражданской войны разложение старой трудовой дисциплины происходит с невероятной быстротой. И в России, о которой еще во времена царизма говорили, что взятка—это русская конституция (эта конституция, впрочем, процветает и в Европе, и в Америке), и где буржуазный строй жизни не успел окрепнуть, это разложение произошло с наибольшей легкостью и быстротой.

7. Объединение капиталистических стран против Советской России

Ко всем этим обстоятельствам, которые отчасти уже знакомы капиталистическим странам Запада и с которыми им еще придется в полной мере познакомиться, в России присоединяется ряд других, сильно затруднивших или затрудняющих организацию народного хозяйства. Именно потому, что Советская Россия является первым пролетарским государством в мире, ее успехи в борьбе за полное подавление российской буржуазии вызвали к жизни коалицию всех капиталистических стран мира против нее, в которой, хотя и не всегда дружно, выступали вместе все тайные и явные соперники: Америка и Япония, Франция и Германия, Латвия и Эстония и многие другие. Лига наций пыталась стать организующим центром иностранной интервенции в России, но все попытки, как непосредственной интервенции держав Согласия, так и натравливания 14 малых государств, потерпели полный крах. Однако вооруженная, а еще более материальная поддержка российской контр-революции блоком капиталистических стран сильно затянула гражданскую войну, а строжайшая блокада (оружие, с успехом испробованное Англией в борьбе с Наполеоном) весьма обострила недостаток в материальном и ином оборудовании промышленности, транспорта и сельского хозяйства, в медикаментах, дубильных материалах и ряде других привозных продуктов у нас и, разумеется, в сырье и вообще продуктах русского вывоза—в Европе.

Экономическая отсталость России, выражающаяся прежде всего в том, что большинство ее населения (полузапереванные крестьяне) не было окончательно втянуто в капиталистическое народное хозяйство, а вело еще свое полупотребительское хозяйство, эта отсталость в условиях революции привела к тому, что, с одной стороны, с изгнанием помещиков и переделом земель исчезло капиталистическое, в том числе и крупно-крестьянское, земледелие, производившее на рынок, и увеличилось число потребительских крестьянских хозяйств; с другой стороны, резкое изменение условий рынка и экономических взаимоотношений города и деревни значительно ослабили стимул крестьянства к занятию специальными отраслями сельского хозяйства, требующими особенно крупной затраты труда и материальных средств (удобрений, сельскохозяйственных орудий и пр.), и потому страдающих прежде всего, если производство на рынок становится невыгодным. Отсюда сокращение специальных посевов (сахарной свеклы, льна, конопли, подсолнуха, табака и т. д.) и культурного животноводства. Необходимо известное время, пока в новых условиях пролетарского государственного хозяйства будет восстановлено правильное взаимоотношение различных отраслей сельского хозяйства. Кризис производственных отношений в рамках обобществленного капиталистического хозяйства влечет за собой и временный кризис в отношениях между городом и деревней, а, как следствие его, и в распределении производительных сил деревни, а этот кризис также является серьезным фактором хозяйственной разрухи. Разруха эта усиливается колебаниями крестьянства как в сфере экономической (от государственной монополии к спекулятивной вольной продаже продуктов сельскохозяйственного производства), так и в сфере политической (от Советской власти к контр-революции). В результате этих колебаний крестьянство, убедившись на суровом опыте гражданской войны в помещичьей природе контр-революции, неизменно, и чем дальше, тем определеннее и решительнее, становится на защиту Советской власти. Но колебания эти являлись, а отчасти являются также одним из факторов хозяйственной разрухи.

Бурная история российской пролетарской революции с ее стремлением к внешнему миру, открывающему возможность творческой внутренней работы, и навязанной необходимостью вести войну на тысячеверстных фронтах заставила народное хозяйство Советской России несколько раз пережить переход от военного хозяйства к мирному и от мирного снова к военному, что, разумеется, не могло не препятствовать сильнейшим образом работе по организации народного хозяйства России.

8. Падение
товарного
земледелия и
колебания
крестьянства.

9. Повторные
мобилизации
и демобили-
зации промыш-
ленности.

10. Факторы, противодействующие разрухе.

И если Советская Россия вопреки всему вышеописанному не только не погибла под натиском всех многочисленных врагов своих, но победоносно вышла из всех затруднений, окончательно раздавив российскую буржуазную и помещичью контр-революцию и выбив оружие из рук могущественной коалиции стран Согласия, возглавляемой Лигой наций, то этим мы обязаны наряду с растущим возмущением пролетариата всех стран против интервенции в России и действию ряда факторов внутри России, противодействующих хозяйственной разрухе.

11. Изживание классовой борьбы и новая пролетарская трудовая дисциплина.

Победа пролетариата не означает немедленного прекращения классовой борьбы, но по мере того, как подавляется сопротивление старых господствующих классов и укрепляется власть пролетариата, начинается изживание борьбы классов. превращение старых капиталистических антагонистических производственных отношений в новые гармоничные—социалистические. Производительная масса населения, не затрачивая своих сил на борьбу с командной властью капитала, переходит к своим непосредственным производственным задачам—к производительному труду. Нарождается новая пролетарская трудовая дисциплина, находящая свое выражение в нормировке труда рабочими организациями, в добровольном удлинении рабочего дня до 10 и 12 часов, наконец, в бесплатном труде после рабочего дня на пользу пролетарского государства в так-называемых субботниках, впервые возникших на железных дорогах, как средство борьбы с транспортным кризисом. Техническая интеллигенция после периода колебаний снова находит свое место в новой пролетарской организации народного хозяйства и, работая под руководством рабочего управления, подчиняется новой дисциплине труда, установленной пролетариатом. Этот перелом в психологии рабочих масс, *возможный теперь только в пролетарском государстве*, творит положительно чудеса, побивая все прежние рекорды производительности труда, там, где имеются налицо хоть сколько-нибудь сносные продовольственные условия.

12. Рационализация народного хозяйства.

Мировая война, в еще большей мере, чем промышленные кризисы, привела к весьма значительному прогрессу рационализации народного хозяйства, принявшему, напр., в Германии явные очертания государственного капитализма. В капиталистически-отсталой России этот процесс протекал значительно медленнее. Но после ноябрьского переворота он приобрел размах и темп, которые едва ли кто мог предвидеть. Достигаемая таким путем рационализация народного хозяйства позволяет всегда сосредоточить усилия на самом важном и добиться в короткий срок желательных результатов,

что было бы абсолютно невозможно в истерзанной и блокированной стране при условии меньшей организованности ее народного хозяйства. Военная промышленность и заготовка дров являются примерами сосредоточения усилий на одном пункте, давшего несомненные результаты.

Наконец, общим благоприятным фоном, на котором раз-
вертывалась борьба Советской России против ее врагов, была обширность ее территории и почти неисчерпаемость ее материальных и человеческих ресурсов, позволявших выдержать такие испытания, которые всякий иной, менее могучий, организм безусловно не вынес бы. Неисчерпаемость ресурсов Советской России обуславливается, помимо ее размеров, еще и ее отсталостью. Именно вследствие ее отсталости материальные и человеческие ресурсы России находятся в значительной части в неорганизованном, распыленном состоянии и не могут быть поэтому в любой момент использованы полностью; но к тому моменту, когда активные ресурсы, казалось бы, должны быть исчерпаны, они пополняются из неучтенных, распыленных и потому до того не реализованных ресурсов. С повышением рационализации народного хозяйства повышается и степень использования громадных ресурсов страны, и это обстоятельство делает Советскую Россию непобедимой.

13. Громадность ресурсов Советской России:

III. Методы организации народного хозяйства в Советской России.

Вождем и организатором Советской России является бесспорно пролетариат, фактическое влияние которого гораздо значительнее, чем закрепленное за ним в Советской конституции. Принцип организации самой Советской власти резко отличается от принципа организации буржуазной демократии: это принцип *производственный*. Основными ячейками советской государственности являются производственные единицы—предприятия (ими, напр., избираются члены советов рабочих депутатов).

14. Принципы организации Советской власти.

Фабрично-заводские комитеты являются низшими основными ячейками профессиональных союзов, а профессиональные союзы—основой всей организации народного хозяйства Советской России. Не только государственная организация труда (рабочей силы) и государственная организация промышленности, но и государственная организация заготовок продовольствия и сырья, государственная организация распределения, финансов, земледелия, контроля тесно связана с профессиональными союзами и в значительной мере прямо построена на них. Государственная организация промышлен-

15. Профессиональные союзы, как стержень организации народного хозяйства Советской России.

ности, за исключением мелкой, имеющей лишь местное значение, по своей структуре вполне соответствует структуре профессиональных союзов: она организована по отраслям народного хозяйства. В соответствии с общим характером Советской власти профессиональные союзы играют важную роль в построении всех аппаратов Советской власти (и прежде всего военного: объявленные профессиональными союзами мобилизации их членов создали на-ряду с партийными мобилизациями скелет Красной армии), но в организации народного хозяйства их значение совершенно исключительное.

16. Роль коммунистической партии.

Прочность всякого государственного аппарата определяется возможностью его непрерывного восстановления и усиления. Но все государства, известные истории, вербовали свою администрацию из очень узкого слоя. Советская власть опирается непосредственно на пролетарские и близкие пролетариату крестьянские массы. Коммунистическая партия является колоссальным, ни с чем в истории не сравнимым аппаратом извлечения организаторских элементов из необозримой массы трудящихся и воспитания этих элементов. Концентрированный энтузиазм и стальная товарищеская дисциплина сотен тысяч членов партии представляют силу, которая, будучи направлена в определенный ударный пункт, в состоянии радикально изменить даже самое неблагоприятное соотношение сил. Это испытали на себе Колчак и Деникин, влияние этой силы сказывается и на работе по организации народного хозяйства. Весь активный передовой слой русского пролетариата входит в коммунистическую партию, члены которой пропитывают не только весь аппарат государственной власти (в том числе и армию), но и весь аппарат профессиональных союзов, так же, как и все иные рабочие организации.

17. Организация стихийного движения пролетариата на местах.

Едва ли найдется теперь человек, который всерьез решился бы утверждать, что происходящая революция есть нечто искусственное. Это—непреодолимый стихийный процесс. Как только политическая власть буржуазии была в конце 1917 г. сметена, классовая воля пролетариев, не сдерживаемая более насильственно, проявилась в хаотическом изгнании капиталистов и захвате предприятий, которое неизбежно сопровождалось разрывом старых хозяйственных связей и нередко приводило к остановке предприятий; рабочее управление, особенно возникшее стихийно на узкой базе, оказывалось управлением неумелым, ибо умение приобретается на опыте (теперь уже достаточно богатом).

Работа Советской власти в области народного хозяйства в своей значительной части заключалась во внесении планомерной организованности в бурную деятельность революци-

онной пролетарской (и крестьянской) стихии. Таким путем возникли на местах (не по указке из центра) местные экономические органы Советской власти, естественно стремившиеся, по мере своего укрепления, к объединению в более крупном масштабе, осуществлявшемуся, разумеется, не без трений. Таким путем вносилась известная организация в первоначальный экономический хаос, созданный революционной стихией и хозяйственной разрухой, и организовалось противодействие распаду народного хозяйства, разрыву хозяйственных связей.

Этой работе мешали как узкая база местных организаций и связанные с ней узкий кругозор и размах деятельности и в массе соответственный этому состав деятелей, так и ряд препятствий в центре (отсутствие или противодействие центрального аппарата). Ноябрьский переворот, поставивший на месте диктатуры капитала диктатуру пролетариата, дал пролетариату полную свободу в деле экономического строительства. Все центры хозяйственной организации буржуазного государства точно так же, как и центры финансового капитала, оказались в руках пролетариата (правда, только их оболочки в виду саботажа чиновников и служащих). Новое экономическое строительство из центра началось почти немедленно после ноябрьской революции. Руководясь идеей единого хозяйственного плана, внесения планомерности во всю хозяйственную деятельность и объединения работы всех экономических органов, это строительство в атмосфере разложения всех старых хозяйственных форм и революционной стихийной деятельности масс носило в начале неизбежный отпечаток теоретичности и надуманности. Но по мере того, как центр и места нащупывали друг друга и научались помогать другу другу в совместной работе по уничтожению старого и строительству нового, среди бесконечных трений и частичных неудач работа мест теряла отпечаток ограниченности, становясь частью общей работы, а работа центра—отпечаток теоретичности, становясь практическим и потому действительным руководством. Новый механизм народного хозяйства начал работать.

Если единый хозяйственный план может быть осуществлен лишь в результате долгой и упорной работы, то в одном отношении пролетарская революционная организация народного хозяйства имеет громадное преимущество перед всеми другими: все условные юридические препятствия рациональному перераспределению ресурсов, материальных и человеческих, уничтожены, так как уничтожена всякая частная или групповая собственность на землю и на все средства производства. Нет ни межей, ни границ земельных владений: проезд, проведение новых путей, прокладка проводов, труб

18. Плановая организация народного хозяйства из центра.

19. Свободное перераспределение ресурсов.

и проч. зависят от простого решения соответствующего органа.

Всякие материалы могут быть взяты из любого места и переброшены в другое. Точно так же и работники. Все ресурсы) к примеру: всех текстильных фабрик) находятся в руках одного органа и могут быть беспрепятственно использованы так, чтобы получить максимальный эффект; другой пример: все свеклосахарные плантации находятся также в руках одного органа, могут быть перераспределены самым рациональным образом (приписаны к ближайшим заводам) так же, как все другие ресурсы заводов.

20. Концентрация производства. Это дает возможность сосредоточивать все ресурсы там, где эффект их применения будет наибольшим. Концентрация производства на технически (и санитарно) наиболее оборудованных предприятиях или предприятиях, находящихся вообще в лучшем положении (в отношении обеспечения продовольствием, топливом или находящихся у путей сообщения), является методом, широко и с успехом применяемым всеми хозяйственными органами Советской России.

21. Объединение предприятий в комбинированные предприятия. Помимо объединения однородных предприятий, хозяйственные органы Республики широко пользуются и другим методом (применяющимся, как и первый, и в странах капитализма, но не так легко и свободно, как у нас): объединением разнородных, но связанных друг с другом предприятий в комбинированные предприятия, что значительно облегчает и ускоряет их работу и дает поэтому больший полезный эффект на единицу времени.

22. Экономия ресурсов. Все описанные выше методы проводятся под давлением необходимости, так как строжайшая экономия ресурсов — основная заповедь в истощенной и опустошенной стране. В соответствии с этим производственно-техническая деятельность не выходит в общем за пределы наиболее рационального использования и посильного ремонта имеющегося оборудования, при чем капитальный ремонт вытесняется текущим; строительство ограничивается временно рамками самого необходимого, хотя блокада заставила поставить несколько незначительных, но необходимых производств различного рода вспомогательных материалов и оборудования; широко развилось применение и производство всяческих суррогатов; особенно переход на исключительно дровяное отопление вызвал необходимость в переделке теплового оборудования, которое сейчас снова начинает переделываться на прежний лад.

23. Производственно организованная пролетарская организация. Поскольку отдельные аппараты советской народно-хозяйственной организации организуют производственную деятельность пролетариата, они построены непосредственно на

пролетарских организациях—профессиональных союзах. Но и там, где эти аппараты не имеют прямого отношения к производственной деятельности пролетариата, производственно-организованный пролетариат через предприятия и профессиональные союзы тесно связан с ними. Таким путем промежуточные классы и, что особенно важно, многомиллионное крестьянство организуется вокруг пролетариата, подчиняется его влиянию и руководству. Помимо военного и административного аппарата, это явление можно наблюдать и во всех народно-хозяйственных организациях. Производительная деятельность крестьянства организуется, поскольку ее вообще удается организовать, вокруг промышленных предприятий, объединенных в свой специальный центр. Это достигается путем организации работ крестьян в сельско-хозяйственной промышленности, путем организации сборки сырья в отраслях промышленности, перерабатывающих сельско-хозяйственное сырье, наконец, путем организации продовольственных хозяйств индустриального пролетариата. Во всех таких случаях центры и остова организации—пролетарские. Все прежние крестьянские организации (кооперативы различного рода), поскольку они вообще продолжают существовать и в новых условиях, перестраиваются мало-по-малу по новому плану вокруг новых пролетарских центров.

Идеологическая подготовка пролетариата к захвату командной власти в производстве началась до ноябрьской революции. В период саботажа буржуазии, стремившейся сломить пролетариат остановкой производства и вынужденным закрытием предприятий (трусливый локаут), лозунгом пролетариата был рабочий контроль над предпринимателями, выражавшийся в том, что капиталист ничего не мог предпринять без предварительного согласия фабрично-заводского комитета, избранного рабочими. Ноябрьский переворот пытался этот лозунг осуществить. Декрет Советской власти обязал капиталистов ввести в своих предприятиях рабочий контроль. Но рабочий контроль оказался мерой половинчатой и потому нереальной. Как лозунг, он выражал и растущую силу пролетариата, и его недостаточную силу, т.е. еще непреодоленную слабость. Живой капиталист не соглашался управлять предприятием исключительно для того, чтобы рабочие научились у него искусству управления предприятием (такова была тайная цель рабочего контроля после ноябрьского переворота), а живые рабочие, исполненные пролетарской ненавистью к капиталу, не могли согласиться оставаться (добровольно) орудием извлечения барыша и, следовательно, предметом эксплуатации.

Поэтому, несмотря на свою неподготовленность, пролета-

риат, как центр организации крестьянского хозяйства.

24. Рабочий контроль и рабочее управление.

риат вынужден был перейти к рабочему управлению, даже и там, где оно носило имя рабочего контроля.¹

25. Переход
от колле-
гиального
управления к
единолично-
му.

Рабочее управление само изменило свой характер в ходе работы. Первое время во главе управления в центре, в районах и в предприятиях стояли широкие многочисленные коллегии, что вызывалось как необходимостью включать представителей всевозможных ведомств, чтобы все вопросы могли разрешаться моментально, так и естественным недоверием пролетариев к административно-техническому персоналу и чиновникам—представителям ведомств, которых приходилось разбавлять двойным количеством пролетариев. По мере действительного объединения руководства своим делом в руках соответственной коллегии, представители ведомств становились ненужными, часть рабочих настолько освоилась с делом, что могла действительно управлять им, и административно-технический персонал мало-по-малу подобрался такой, что не вызывал уже прежнего недоверия. Параллельно с этими изменениями происходил переход от широких представительных коллегий к узким деловым (состав которых все сокращается) и даже к единоличному управлению.

IV. Как организовано народное хозяйство Советской России.

Как уже было отмечено, работа по организации народного хозяйства Советской России ведется в двух основных направлениях: смена капиталистического управления рабочим и смена капиталистической анархии (и неполной и непоследовательно проведенной организованности) планомерной пролетарской организацией народного хозяйства. Но раньше, чем приступить к рассмотрению этой организации, еще не окончательно сложившейся, необходимо познакомиться со строением профессиональных союзов.

26. Строение
профессио-
нальных со-
юзов.

Профессиональное движение Советской России характеризуется прежде всего необычайно интенсивным ростом (что, впрочем, естественно, раз у власти стоят рабочие и все препятствия развитию профессиональных союзов сметены); на последнем Всероссийском Съезде профессиональных союзов было представлено три с половиной миллиона членов. Профессиональные союзы являются одной из основ советского строя. Круг деятельности их с ноябрьского переворота необычайно расширился; от одностороннего и потому неполного регулирования рынка рабочей силы они перешли не только к полному государственному регулированию рабочей силы (через Народный Комиссариат Труда), но и стали определяющей силой в организации как промышленности, так и всего народного хозяйства вообще. Следуя за организацией.

народного хозяйства, профессиональное движение создало всероссийские объединения во всех отраслях труда. Число всероссийских профессиональных союзов в соответствии с успехами организации промышленности непрерывно уменьшается путем слияния родственных союзов в один; их насчитывалось недавно свыше тридцати, но на последнем Съезде (всероссийском) решено произвести несколько новых слияний. Самый характер организации профессиональных союзов резко изменился: из союзов узко-профессиональных, цеховых они превратились в союзы *производственные*, включающие в себя всех рабочих и служащих определенной отрасли промышленности (или другой народно-хозяйственной деятельности), независимо от их профессии. В этом ярко выражается приспособление профессионального движения к новым широчайшим задачам.

Во главе профессионального движения стоит Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов (сокращенно В. Ц. С. П. С.), избираемый их всероссийским съездом и объединяющий деятельность как центральных комитетов отдельных всероссийских профессиональных союзов, так и губернских советов профессиональных союзов. Последние избираются губернскими съездами профессиональных союзов и объединяют деятельность губернских отделов всероссийских профессиональных союзов и уездных бюро профессиональных союзов. Низшими ячейками являются фабрично-заводские комитеты, избираемые рабочими предприятия.

Организация промышленности Советской России построена полностью на профессиональных союзах. Центральный орган управления и регулирования промышленности — Высший Совет Народного Хозяйства (сокращенно В. С. Н. Х. или Высовнархоз) — был создан в конце 1917 года, как верховный экономический орган, который должен был объединить все экономические ведомства. Однако, это объединение к настоящему моменту далеко еще не проведено полностью, а частично достигнуто как Высшим Советом Народного Хозяйства, так и посредством ряда специальных учреждений, объединяющих различные экономические ведомства (важнейшие из этих учреждений будут указаны ниже).

Фактически функционирующий теперь центр управления и регулирования промышленности это — Президиум Высшего Совета Народного Хозяйства, в составе 10 — 12 человек (широкая представительная коллегия — пленум Высшего Совета Народного Хозяйства — давно отмерла). Он избирается на всероссийском съезде советов народного хозяйства, состоящем из представителей крупнейших предприятий, профессиональных союзов, главных управлений отдельными отраслями

27. Высший Совет Народного Хозяйства.

промышленности и губернских советов народного хозяйства. Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства входит в Совет Народных Комиссаров.

28. Производственные отделы Высшего Совета Народного Хозяйства. Подчиненными Президиуму Высшего Совета Народного Хозяйства органами являются в центре производственные отделы Высшего Совета Народного Хозяйства, а на местах — губернские советы народного хозяйства. Во главе каждого производственного отдела стоит коллегия в составе 5—7 лиц (ее председатель — заведующий отделом). Крупнейшими производственными отделами являются: отдел металлодобывающей и металлообрабатывающей промышленности (сокращенно металлотдел), горный совет, отдел электротехнической промышленности, отдел химической промышленности (сокращенно химотдел), отдел обработки пищевых и вкусовых веществ. Коллегии отделов назначаются Президиумом Высшего Совета Народного Хозяйства по соглашению с центральным комитетом соответствующего профессионального союза, а в случае разногласия с ним — по соглашению с Президиумом Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов.

29. Главные управления отраслей промышленности. Во главе каждой отрасли промышленности стоит соответственное главное управление, подчиненное или непосредственно Президиуму Высшего Совета Народного Хозяйства (крупнейшие, как, например, главное управление текстильной промышленности), или коллегии соответственного производственного отдела. Всех главных управлений (сокращенно главков) около пятидесяти.

Главнейшие из них:

(Сокращенно).

1. Главное управление паровозо- и вагоностроительных заводов Гомза.
2. " " гвоздильных и проволочных " Главгвоздь.
3. " " металлообрабатывающих " Центромедь.
4. " " золотопромышленности Главзолото.
5. " " авиационных заводов Главкоавио.
6. " " автозаводов Автозаводы.
7. " " соледобывающей промышленности Главсоль.
8. " " угольной " Главуголь.
9. " " торфодобывающей " Глапторф.
10. " " нефтяной " Главнефть.
11. " " сланцевой " Главсланец.
12. " " текстильной " (с отделами хлопч. бумажным, льняным, шерстяным, шелковым и др.) Главтекстиль.
13. " " предприятий по изготовлению одежды Главодежда.
14. " " основной химической промышлен. Химоснов.
15. " " резиновой " Главрезина.
16. " " спичечной " Главспичка.
17. " " стекльно-фарфоровой " Главстекло.

18.	Главное управление цементной промышленности	Центроцемент.
19.	„ „ шиферной „	Центрошифер.
20.	„ „ шамотно-кирпичной „	Центрошамот.
21.	„ „ лако-красочной „	Главкраслак.
22.	„ „ коксобензолной „	Главанил.
23.	„ „ заводов сухой перегонки дерева	Химдревпроявление.
24.	„ „ химико-фармацевтической промышленности	Главфармазав.
25.	„ „ писчебумажной промышленности	Главбум.
26.	„ „ лесной комитет (ведает заготовкой лесных материалов и деревообрабатывающей промышленностью)	Главлеском.
27.	„ „ кожевенной промышленности (и производства обуви)	Главкож.
28.	„ „ меховой промышленности	Главмех.
29.	„ „ костеобрабатывающей „	Главкость.
30.	„ „ щетиной „	Центрощетина.
31.	„ „ жировой (в том числе мыловаренной) промышленности	Главжир.
32.	„ „ табачной „	Главтабак.
33.	„ „ винокуренной „	Центроспирт.
34.	„ „ крахмально-паточной „	Главкрахмал.
35.	„ „ сахарной „	Главсахар.
36.	„ „ мукомольной и крупяной „	Главмука.
37.	„ „ кондитерской „	Главкондитер.
38.	„ „ кофейно-чайной (производство суррогатов) промышленности	Главчай.
39.	„ „ консервной „	Главконсерв.
40.	„ „ молочно-хозяйственной „	Центромолоко.
41.	„ „ маслостройной (растительных масел) промышленности	Главмасло.

и другие.

Во главе каждого такого Главного управления стоит коллегия, назначаемая коллегией соответственного производственного отдела (или Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, если Главное управление подчинено ему непосредственно), по соглашению с центральным комитетом соответственного профессионального союза. Нередко состав Главного управления предварительно намечается всероссийским съездом соответствующего профессионального союза.

В тех отраслях промышленности, где по тем или иным причинам еще не создан самостоятельный центр управления и регулирования в виде Главного управления, там эта работа осуществляется соответственной производственной секцией производственного отдела, деятельность которой в значительной мере направлена к подготовке условий для организации Главного управления. В отличие от Главного управления, производственная секция работает не только под общим руководством производственного отдела, но и вся текущая работа ее идет под непрерывным наблюдением отдела. При мерами производственных секций могут служить секции

30. Производственные секции отделов Высшего Совета Народного Хозяйства.

сельско-хозяйственного машиностроения отдела металлической промышленности, москательная секция отдела химической промышленности, секция технической переработки плодов и овощей отдела обработки пищевых и вкусовых веществ и другие. Во главе секции стоит обычно заведующий.

Как Высший Совет Народного Хозяйства, так и его производственные отделы, а также и главные управления отраслями промышленности имеют ряд функциональных органов (т.-е. ведающих определенной стороной деятельности своих учреждений), например: финансовые, сметные, материального снабжения, распределения, технические, иногда агрономические и другие. О них подробнее ниже.

31. Различные категории предприятий.

Все предприятия Республики разделены на три разряда: в первый отнесены все важнейшие предприятия—они подчинены непосредственно, минуя местные экономические органы, Главным управлениям или даже производственным отделам Высшего Совета Народного Хозяйства; другие, не столь важные, но все же не чисто местного значения, работают по планам, утвержденным их Главным управлением, но организационно связаны с губернскими советами народного хозяйства; наконец, третьи—чисто местного значения—находятся в исключительном ведении губернских советов народного хозяйства, устанавливающих и план их работ (в их же руках находится городское хозяйство крупных городов).

32. Губернские советы народного хозяйства.

Губернские советы народного хозяйства (сокращенно губсовнархозы) являются местными органами Высшего Совета Народного Хозяйства, фактически впрочем с ним до сих пор мало связанными. Их руководящие органы—президиумы—назначаются местной советской властью по соглашению с губернскими советами профессиональных союзов и утверждаются Президиумом Высшего Совета Народного Хозяйства. Существовавшие раньше уездные советы народного хозяйства ликвидированы. В уездах существуют только органы вспомогательного характера, экономические отделы уездных советов рабочих и крестьянских депутатов, подчиненные губернскому совету народного хозяйства; городским хозяйством мелких поселений заведуют коммунальные отделы советов депутатов этих поселений.

33. Районные управления.

Районные управления предприятиями определенной отрасли промышленности предварительно намечаются районными съездами представителей рабочих соответственных предприятий и утверждаются по соглашению с губернским отделом их профессионального союза Главным управлением соответственной отрасли промышленности или губернским советом народного хозяйства, смотря по тому, относятся ли предприятия ко второй категории или к третьей. Сообразно с этим районные управления или целиком подчинены гу-

Бернскому совету народного хозяйства, или состоят при нем, но работают по планам их Главного управления.

Управление предприятием назначается районным (или Главным управлением) по соглашению с соответственным профессиональным союзом. Управлению предприятием бывает как коллегиальное (обычно три лица), так и единоличное. Фабрично-заводский комитет является только органом профессионального союза, но не органом управления, в которое он не вмешивается.

Помимо централизации управления, финансирования, снабжения и т. д., необходимо отметить произведенное рядом Главных управлений образование построенных аналогично районным кустовых управлений, объединяющих группы предприятий, связанных производственно-технически, так что вырабатываемый одним предприятием полупродукт поступает для окончательной обработки в другое, а иногда и дальше — в третье предприятие.

Такие кусты существуют в значительном числе в текстильной промышленности, в металлической и других.

При Народном Комиссариате Продовольствия имеются также два органа промышленного характера: Главное управление рыбной промышленности, сокращенно Главрыба (существовавшее первое время как общий орган Народного Комиссариата Продовольствия и Высшего Совета Народного Хозяйства) и Главное управление холодильниками, сокращенно Центрохолодбоя (возникшее в Высшем Совете Народного Хозяйства). Оба эти управления организованы вполне аналогично Главным управлениям Высшего Совета Народного Хозяйства (коллегии намечаются по соглашению с центральным комитетом профессионального союза рабочих пищевой промышленности). Полное разграничение Высшего Совета Народного Хозяйства и Народного Комиссариата Продовольствия еще не достигнуто ни в пищевой промышленности в целом, ни в отдельных ее отраслях (молочно-хозяйственной, переработки плодов и овощей и в др.).

Почти полную аналогию производственным отделам Высшего Совета Народного Хозяйства представляет Совет военной промышленности (сокращенно Промвоенсовет), подчиненный Чрезвычайному Уполномоченному Совета Обороны по снабжению Красной армии (персонально совпадает с Председателем Высшего Совета Народного Хозяйства). Совет военной промышленности, имеющий подчиненные ему Главные управления, объединяет чисто военные заводы, подчиненные до того Народному Комиссариату по военным делам: его деятельностью подготовлено включение военной промышленности в общую организацию промышленности.

34. Управление предприятиями.

35. Кустовые управления.

36. Отрасли промышленности, находящиеся в ведении Народного Комиссариата Продовольствия.

37. Совет военной промышленности.

38. Мелкая и кустарная промышленность.

Соответственно общему направлению экономической политики Советской власти, мелкие и кустарные предприятия (владельцы которых в противоположность крупной буржуазии не экспроприированы, но все же в значительном числе случаев предпочли прикрыться ширмой „трудовых“ артелей) регулируются не каким-либо специальным центром, а Главным управлением соответственных отраслей промышленности.

Кустарно-кооперативное управление (сокращено Главкустпром), ведающее специфическими делами мелкой и кустарной промышленности, является больше функциональным, чем производственным отделом.

39. Организация промышленности в отдельных советских республиках Федерации.

Существовавшие раньше Высшие Советы Народного Хозяйства отдельных советских республик, входящих в Федерацию, ликвидированы соглашением верховных советских органов всех республик. Еще до того были ликвидированы областные советы народного хозяйства, объединявшие по несколько губерний. Однако, фактический распад народного хозяйства на хозяйства отдельных районов и крайняя медленность железнодорожных и почтово-телеграфных сношений (вследствие чего и круг деятельности губернских советов народного хозяйства остается пока сравнительно обширным) принуждает к образованию в отдаленных от центра отдельных советских республиках (Украина) и областях (Урал, Сибирь и Туркестан), еще недостаточно связанных с центром после недавнего господства белых, временных полномочных представительств Высшего Совета Народного Хозяйства, являющихся суррогатами прежних областных советов народного хозяйства.

40. Значение Высшего Совета Народного Хозяйства.

Высший Совет Народного Хозяйства является характерным продуктом творчества пролетарской революции. Связь его с существовавшим до и некоторое время после ноябрьской революции министерством торговли и промышленности (превратившимся позднее в Народный Комиссариат Внешней Торговли) едва ли заслуживает упоминания. В известном смысле слова Высший Совет Народного Хозяйства является преемником и продолжателем (в деле объединения народного хозяйства) организаций финансового капитала—банковских концернов, возник же он из объединения различных органов рабочих профессиональных союзов, симболизируя переход рабочего класса от самоорганизации—к организации народного хозяйства. Высший Совет Народного Хозяйства—полномочный представитель диктатуры пролетариата в своей области; точно так же и его органы—производственные отделы и Главные управления в соответственно более узких областях.

Государственные сооружения объединяются специальным органом, созданным после ноябрьской революции—Главным Комитетом Государственных Сооружений (сокращенно Главкомгосоор), имеющим свои губернские органы, ведущем все крупнейшие сооружения и регулирующем всю остальную строительную деятельность на местах. В его состав входят управление железнодорожного строительства, управление водного строительства, управление шоссейных дорог, управление электрического строительства, управление судостроения, управления городского и сельского строительства, одной из главных задач которого является постройка рабочих поселков, управление промышленного строительства и др. По окончании построек они сдаются в эксплуатацию соответственным учреждениям. Главный Комитет Государственных Сооружений—отдел Высшего Совета Народного Хозяйства и организован аналогично другим отделам (его коллегия назначается по соглашению с центральным комитетом профессионального союза строительных рабочих).

41. Главный Комитет Государственных Сооружений.

Народный Комиссариат Путей Сообщения (бывшее министерство путей сообщения) до последнего времени являлся органом управления железнодорожным транспортом, находящимся в эксплуатации. Во главе его, как и во всех народных комиссариатах, стоит коллегия, в своей работе опирающаяся на всероссийский профессиональный союз железнодорожников. Народный Комиссариат Путей Сообщения (сокращенно Н. К. П. С. или Наркомпуть), построен на совершенно иных основаниях, чем Высший Совет Народного Хозяйства, и его органы представляют очень много общего с организацией Красной армии. Во главе его органов стоят не коллегии, а единоличные начальники. Большинство из них—специалисты не из революционной среды; при каждом из таких специалистов находился раньше комиссар (коммунист), аналогично комиссарам при крупных военных специалистах; комиссары имеют право отмены распоряжений начальника-специалиста; последнее время и в армии и на железных дорогах институт комиссаров отмирает (при чем специализировавшиеся комиссары занимают должность начальника). Соответственно Главному политическому управлению Революционного Военного Совета Республики (в Красной армии) существует и Главное политическое управление Народного Комиссариата Путей Сообщения (сокращенно Главполитпуть) с теми же функциями. Его задача—партийная коммунистическая работа в среде железнодорожников и переброска и концентрация коммунистов—работников железнодорожного транспорта согласно требованиям момента. Как и Высший Совет Народного Хозяйства, Народный Комиссариат Путей Со-

42. Народный Комиссариат Путей Сообщения.

общения является единым органом управления железнодорожным (а с недавнего времени и водным) транспортом на всей территории Федерации.

43. Чрезвычайная комиссия по ремонту подвижного состава.

Острый кризис подвижного состава вынудил принять чрезвычайные меры по его ремонту. Этим делом занимается Чрезвычайная комиссия по ремонту подвижного состава (сокращенно Комрем) при Высшем Совете Народного Хозяйства, обладающая особыми полномочиями по отношению к заводам, занимающимся ремонтом подвижного состава, и к железнодорожным мастерским, занимающимся тем же.

44. Главное управление водным транспортом.

Главное управление водным транспортом (сокращенно Главвод)—создание революции, построенное, как и все главные управления Высшего Совета Народного Хозяйства, в процессе перехода в руки государства в данном случае водного транспорта. Оно возникло, как отдел Высшего Совета Народного Хозяйства, и организовано в полной аналогии с главными управлениями отраслей промышленности.

В настоящее время Главное управление водным транспортом—часть Народного Комиссариата Путей Сообщения, объединяющего теперь в своих руках и железнодорожный, и водный транспорт, и частично приспособляется к общей организационной структуре Народного Комиссариата Путей Сообщения. Так недавно, как часть Главного политического управления Народного Комиссариата Путей Сообщения, возникло Главное политическое управление при Главном управлении водным транспортом. Главное управление водным транспортом является органом управления не только всем торговым (невоенным) флотом, паровым и парусным, пассажирским, грузовым и специальным, но и всеми портами, каналами и водными путями на всей территории Федерации. На местах существуют районные управления водным транспортом.

45. Транспортно-материальный отдел Высшего Совета Народного Хозяйства.

Гужевой транспорт промышленности и управление складами и перешедшими в руки государства транспортными обществами находится в руках Транспортно-материального отдела (сокращенно Трмот) Высшего Совета Народного Хозяйства, имеющего на местах свои губернские органы. В настоящее время к нему переходят и все погрузочные операции (на станциях железных дорог, в портах и на пристанях). В его же руках находится и все дело эвакуации, приобретшее громадную важность в период гражданской войны, во время которой белые и красные многократно сменяли друг друга на громадных территориях. С Транспортно-материальным отделом, созданным также лишь в эпоху революции, тесно связана и Чрезвычайная комиссия по бесхозяйному имуществу и трофеям войны, играющая по тем же причинам значительную роль, особенно сейчас, непосредственно после полного разгрома

белых на всех фронтах, благодаря чему в наши руки попало весьма ценное имущество, привезенное капиталистическими правительствами стран Соглашения с целью поддержать российскую контр-революцию и весьма пригодившееся и нам. Гужевой транспорт и склады не централизованы полностью, и экономические народные комиссариаты (по продовольствию и др.) имеют свои транспортные отделы, но без функций общего характера.

Народный Комиссариат Почт и Телеграфов (бывшее министерство почт и телеграфов) объединяет в своих руках всю службу связи на всей территории федерации. Его коллегия находится в тесной связи с центральным комитетом профессионального союза почтово-телеграфных работников. Ведению Народного Комиссариата Почт и Телеграфов (сокращенно Наркомпочтель) подлежат все почтовые, телеграфные телефонные и радиотелеграфные учреждения Республики.

46. Народный
Комиссариат
Почт и Теле-
графов.

Народный Комиссариат Труда (бывшее министерство труда, возникшее после февральской революции в эпоху Керенского) является верховным государственным органом в вопросах распределения рабочей силы и охраны труда. Он тесно связан со Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов, который намечает состав коллегии Народного Комиссариата Труда. (Народный Комиссар Труда—член Президиума В. Ц. С. П. С.). Отделы Народного Комиссариата Труда (сокращенно Наркомтруд) тесно связаны в своей работе с соответственными отделами Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, а губернские отделы труда—с губернскими советами профессиональных союзов, также намечающими состав коллегий губернских отделов труда.

47. Народный
Комиссариат
Труда.

Полная победа на всех фронтах, только умерившая проявления враждебности со стороны капиталистических государств, но, разумеется, не уничтожившая ее, поставила перед пролетариатом Советской России вопрос об использовании рабочей силы красноармейцев без демобилизации Красной армии. Практическое разрешение этого вопроса найдено в создании Трудовых армий. Перевод какой-нибудь из частей Красной армии на положение Трудовой армии означает внутреннее перераспределение ролей в этой армии, выступление на первый план рабочих (коммунистов) и техников и оттеснение на задний план военных специалистов, но так, что в короткий срок все может быть приведено в прежний вид. Воинские части, крупные и мелкие, выходят на работу, как таковые, и остаются в военном отношении подчиненными военным властям. Помимо частичного применения материальных средств Красной армии (ее инженерного, технического,

48. Трудовые
армии.

транспортного и иного имущества) и находящихся в ее рядах сил технических (в том числе и квалифицированных рабочих) и организаторских (преимущественно коммунисты-рабочие) в различных промышленных и транспортных предприятиях, трудовые армии создают возможность использования значительных масс неквалифицированных работников для работ массового характера. Наибольших размеров достигло применение трудовых армий для лесозаготовительных работ, работ по очистке железнодорожных путей, для строительных и других аналогичных работ; этим намечен путь к разрешению проблемы неквалифицированной рабочей силы (весьма характерно для советского строя, что, несмотря на значительное сокращение работы промышленности и остановку части предприятий, у нас не только нет безработицы, но ощущается большой недостаток в рабочих). Эта проблема встала в связи с переходом значительной части полупролетаризованного крестьянства к хозяйству потребительского типа. Трудовые армии ставят на работу значительные массы крестьян, организованные и руководимые передовыми рабочими для других (военных) целей, но сохраняющие свою организацию и на поле труда.

49. Главный
Комитет по
проведению
трудо-
вой по-
винности.

Помимо превращения военной повинности в трудовую посредством организации трудовых армий, использующих уже организованную хотя и для других целей рабочую силу крестьянства, создано под именем Главного Комитета по проведению трудовой повинности (сокращенно Главкомтруд) специальное учреждение для трудовой мобилизации распыленных (преимущественно крестьянских) масс для специальных целей. Им произведены или решены трудовые мобилизации для лесозаготовительных работ, работ строительных, на свеклосахарных плантациях и другие.

50. Трудовая
дисциплина.

Переход рабочих, занимавших командные и административные посты в Красной армии, и частей Трудовых армий к хозяйственной деятельности неизбежно влечет за собой значительное усиление той работы над выковыванием новой пролетарской трудовой дисциплины, которая велась как передовым слоем рабочих-коммунистов (обязательные для членов коммунистической партии субботники, т.-е. бесплатный интенсивный труд на пользу государства после рабочего дня), так и профессиональными союзами, работавшими над нормировкой труда (установлением обязательных норм выработки и пр.) и введшими избираемые рабочими товарищеские дисциплинарные суды, преследующие все нарушения трудовой дисциплины.

51. Использо-
вание ра-
бочей силы

Линия трудовой мобилизации проводится всеми органами Советской власти: Народный Комиссариат Внутренних Дел

представляет рабочие отряды, составленные из лиц, заключенных в концентрационные лагеря (преимущественно члены прежних господствующих классов), для исполнения разного рода трудных и неприятных работ; Центральный Комитет по оказанию помощи пленным и беженцам также составляет рабочие отряды из пленных и беженцев, преимущественно для сельско-хозяйственных работ. Делаются попытки в известной мере использовать труд инвалидов и подростков.

другими не-
экономиче-
скими комис-
сариатами

Поднятие уровня квалификации рабочей силы составляет задачу особого учреждения—Главного Комитета по профессионально-техническому образованию. Таким образом и Народный Комиссариат по Просвещению мобилизует свои силы в том же направлении, как и другие органы Советской власти.

52. Главный
Комитет по
професс.-тех-
ническому
образованию.

Вся научно-техническая деятельность Советской России объединяется Научно-техническим отделом Высшего Совета Народного Хозяйства, в ведении которого находятся все лаборатории и специальные научно-технические институты и учреждения, а также все дела по изобретению. При производственных отделах Высшего Совета Народного Хозяйства существуют также учреждения научно-технического характера, работающие под общим руководством Научно-технического отдела.

53. Научно-
технич. отдел
Выш. Совета
Народного
Хозяйства.

Пролетарское государство вступает в экономические взаимоотношения с крестьянством не только как с резервуаром рабочей силы и как с производителями продуктов сельского хозяйства, но в известной мере регулирует его хозяйственную деятельность и непосредственно. Народный Комиссариат Земледелия (бывшее министерство земледелия) помимо своих прежних задач руководит грандиозным процессом земельного передела, стремясь помочь развитию коллективных форм земледелия (общественные запашки, земледельческие артели и коммуны). Одной из важнейших задач его является распределение агрономических сил. На Украине существует свой Народный Комиссариат Земледелия.

54. Народный
Комиссариат
Земледелия.

Совершенно новым, созданным революцией, учреждением является Отдел советских хозяйств Народного Комиссариата Земледелия (сокращенно Главсовхоз), возникший в результате пролетарской экспроприации экспроприаторов в земледелии, т.-е. экспроприации помещиков без раздела их земель и без разрушения крупного хозяйства. Отдел советских хозяйств по своему характеру является главным управлением советскими хозяйствами и стремится опереться на профессиональный союз работников земли, еще не окрепший. На местах существуют губернские отделы советских хо-

55. Отдел со-
ветских хо-
зяйств На-
родного Ко-
миссариата
Земледелия.

зяйств, подчиненные центральному, но связанные с местными органами Народного Комиссариата Земледелия в целом — губернскими отделами земледелия.

56. Главное управление земледельческими хозяйствами индустриального пролетариата.

Значительная часть советских хозяйств связана с индустриальным пролетариатом. Они объединены Главным управлением земледельческими хозяйствами индустриального пролетариата, являющимся отделом Высшего Совета Народного Хозяйства (сокращенно Главземхоз). Приписка советских хозяйств к предприятиям или их объединениям (главным управлениям) производится особым комитетом рабочего содействия созданию земледельческих хозяйств индустриального пролетариата, составленным из представителей профессиональных союзов и состоящим при Народном Комиссариате Земледелия. Эти советские хозяйства тесно связаны с предприятиями, которые заинтересованы как в максимальной производительности приписанных к ним советских хозяйств, так как продукты поступают в продовольственный фонд предприятия, так и в их благоустройстве в виду их использования, как мест отдыха. Понятно, что рабочие всячески заботятся о приписанном к их предприятию советском хозяйстве.

Помимо этих советских хозяйств продовольственного характера, существуют советские хозяйства промышленного типа, производящие сырье для соответственной отрасли сельскохозяйственной промышленности (свеклосахарной, винокуренной, табачной, молочно-хозяйственной и др.). Они также связаны с Главным управлением земледельческими хозяйствами и носят в большинстве случаев характер показательного или селекционно-семенного хозяйства, кроме свеклосахарных, составляющих по площади почти половину всех советских хозяйств и подчиненных Главному управлению свеклосахарной промышленности.

57. Комитет организации посевной площади.

Для содействия обработке пустующих или запущенных земель существует при Народном Комиссариате Земледелия Комитет по организации посевной площади (сокращенно Оргасев). Значительная часть таких земель приходится на бывшие помещичьи хозяйства, с которыми крестьяне в виду недостаточности инвентаря или по другим причинам не сумели справиться.

58. Народный Комиссариат Продовольствия, как орган заготовки продуктов сельского хозяйства.

За исключением свеклосахарной промышленности заготовка продуктов сельского хозяйства производится в своей огромнейшей части не в советских хозяйствах, а у мелких производителей — крестьян. Ведется эта заготовка различными советскими органами, главнейшим из которых является Народный Комиссариат по Продовольствию (бывшее министерство продовольствия). Заготовка ведется двумя отделами Народного Комиссариата Продовольствия (сокращенно Нар-

компрод): управлением скоропортящихся продуктов (сокращенно Заготосель), которое руководит заготовкой каргофеля и других овощей, мяса, дичи, масла, меда и пр., и хлебофуражным управлением (сокращенно Хлебофураж), руководящими заготовкой зерновых хлебов, сена и пр. Оба управления имеют свои губернские органы, подчиненные губернским продовольственным комиссарам, представителям Народного Комиссариата Продовольствия на местах.

В настоящее время в связи с общей перестройкой аппарата Народного Комиссариата Продовольствия оба управления сливаются в одно управление заготовок, внутри которого организуются несколько отделов: отдел заготовки зерновых хлебов, сокращенно Заготхлеб; отдел заготовки сена, сокращенно Заготосено; отдел заготовки мяса и дичи, сокращенно Заготомясо; отдел заготовки овощей и грибов, сокращенно Заготоовощ; отдел заготовки молока и молочных продуктов (масла и др.), сокращенно Заготомолоко; отдел заготовки яиц, сокращенно Заготояйцо и др. Организация заготовки продовольственных продуктов специализируется, таким образом, по отраслям сельского хозяйства и становится аналогичной организации промышленности, объединенной по отраслям ее.

Заготавливаемые у крестьян продукты сельского хозяйства^{59. Принудительная разверстка} одни представляют предмет государственной монополии (сюда относятся важнейшие: зерновые хлеба, картофель, скот и др.), при чем монополия распространяется каждый раз на новые и новые продукты, другие не являются предметами государственной монополии (дичь, многие овощи, творог, молоко, мед и др.). Последние закупаются органами Народного Комиссариата Продовольствия или под их контролем другими организациями. Продукты монопольные сдаются крестьянскими обществами согласно разверстке, устанавливаемой Народным Комиссариатом Продовольствия. В случае несдачи установленных^{60. Продовольственные отряды военно-продовольственного бюро.} разверсткой количеств взыскание недоданного производится принудительно военно-продовольственными отрядами. Отряды эти формируются особым военно-продовольственным бюро при Всероссийском центральном совете профессиональных союзов из среды индустриальных рабочих, членов профессиональных союзов, и беднейших крестьян потребляющих, т. е. не обеспеченных продовольствием, районов. В своей заготовительной работе продовольственные органы опираются на беднейшую часть местного крестьянского населения и его организации (одно время на специальные комитеты деревенской бедноты), так как эта часть населения (беднота) и социально близка пролетариату, и потому склонна поддерживать его, а кроме того, и прямо заинтересована

в успешности заготовок, ибо удовлетворение ее потребностей (недохватки) производится соразмерно результатам заготовки.

61. Государственный молентивный товарообмен. Несдача причитающегося по разверстке не только грозит конфискацией утаенного, но и влечет за собой неполучение продуктов, полагающихся крестьянскому населению в порядке государственного снабжения, так как эти продукты (индустриальные, напр., мануфактура, посуда, спички и пр., или заготовленные в другом месте) выдаются крестьянскому обществу только по выполнении его доли разверстки.

62. Заготовительная деятельность Высшего Совета Народного Хозяйства. Заготовка продуктов сельского хозяйства и сельско-хозяйственного сырья ведется и многими органами Высшего Совета Народного Хозяйства. Помимо сахарной свеклы, заготовка которой носит особый характер, различными главными управлениями Высшего Совета Народного Хозяйства производится заготовка хлопка, кож, мехов, льна, табаку, конопли (ими исключительно), масличных семян, картофеля (частично, наряду с органами Народного Комиссариата Продовольствия) и др. продуктов. Методы заготовки в настоящее время не отличаются существенно от методов заготовки, применяемых Народным Комиссариатом Продовольствия. Отличия сводятся к большей специализации заготовительного аппарата, к связи его с заинтересованной в сборе сырья промышленностью и производственно организованным в ней пролетариатом и к специализации фонда государственного товарообмена (у Комиссариата Продовольствия один общий товарный фонд для всех его заготовок). Совсем недавно постановлено передать заготовку большинства важнейших видов сельско-хозяйственного сырья (льна, конопли, кож) Народному Комиссариату Продовольствия. Передача еще предстоит. Специальные фонды для товарообмена сохраняются.

63. Заготовка древесных материалов. По своей организации очень близко подходит к приведенным выше заготовкам и заготовка древесных материалов, производимая Главным лесным комитетом Высшего Совета Народного Хозяйства и его местными органами—губернскими лесными комитетами. Заготовка ведется крестьянами в качестве временных (сдельных) рабочих. Благодаря сосредоточению усилий на этой заготовке и применению премий натурой (мануфактурой, солью и т. д.) удалось кое-как выйти из топливного кризиса, грозившего полной остановкой всей хозяйственной деятельности Республики. Сказанное полностью относится и к заготовке торфа, производимой Главным торфяным комитетом Высшего Совета Народного Хозяйства.

64. Роль кооперации в деле заготовок. Сельско-хозяйственная кооперация играет в деле заготовок большую роль (хотя значение ее уменьшается). Преимущественно низшие ячейки сельско-хозяйственной коопе-

рации (а в начале и ее центры, сейчас уничтоженные) являются контрагентами продовольственных или промышленных органов, ведущих заготовки. Некоторые заготовки производятся сейчас без участия кооперации (заготовки сахарной свеклы, табаку, древесной смолы и др. продуктов).

Народный Комиссариат Продовольствия является не только органом, руководящим важнейшими заготовками, но и органом, руководящим снабжением населения. Этим занимаются два отдела Народного Комиссариата Продовольствия: Управление общего распределения, ведающее распределением большинства продуктов, заготавливаемых органами Народного Комиссариата Продовольствия (некоторые продукты распределяются Управлением скоропортящихся продуктов) и Главное управление государственного продуктообмена (сокращенно Главпродукт), ведающее распределением продуктов индустриальных; в состав коллегии последнего входит и представитель Высшего Совета Народного Хозяйства.

65. Народный Комиссариат Продовольствия, как орган снабжения населения.

В настоящее время в связи с реорганизацией всего аппарата Народного Комиссариата Продовольствия все снабжение населения сосредоточивается полностью в одном управлении общего распределения, а бывшее Главное управление государственного продуктообмена переходит к Управлению общего распределения, как его особый отдел (сокращенно Особопродукт) без внутренней реконструкции.

Распределение производится по карточной системе, функционирующей преимущественно в крупных центрах. Все население принудительно кооперировано. В каждом городе существует единое потребительское общество, которое объединяется центральным союзом потребительских обществ (последнему в административном отношении подчинены и все прочие виды кооперации), а на местах их губернскими союзами.

66. Потребительская кооперация.

Карточки разделены на несколько категорий. Помимо детей, получающих особые карточки, все взрослые делятся на три категории: к первой относятся преимущественно фабрично-заводские рабочие, ко второй члены их семей и другие трудящиеся с их семьями; к третьей представители прежних господствующих классов. Снабжение последних производится в самом незначительном размере (многие продукты не выдаются вовсе). А первое время, пока общественное распределение не было еще налажено, а буржуазия располагала всякими благами, у нее конфисковывались жилища, мебель, утварь, одежда и передавались пролетариям. Крестьяне получают продукты по особым нормам, меньшим, чем нормы первой и второй городских категорий. Рабочие, занимающиеся физическим трудом, получают дополнительную карточку.

67. Классовый и трудовой паек.

Хлеб по дополнительным карточкам в Петрограде выдается только за действительно проработанные дни (трудовой паек). В ближайшем будущем Народный Комиссариат Продовольствия приступает к повсеместному проведению уже декретированного единого трудового пайка для всего трудоспособного населения.

68. **Общественное питание (детское питание).** В крупных городах устроены в большом количестве общественные столовые (в Петрограде их посещает все население, в Москве половина его). Для детей организовано бесплатное детское питание при школах; кроме того, дети получают бесплатно одежду, не говоря об учебных пособиях. Для матерей, кормящих грудью, существуют специальные карточки. Для членов семей красноармейцев также существуют особые карточки (дополнительные, так называемые карточки „Красной Звезды“).

69. **Снабжение рабочих.** Снабжением рабочих ведает специальный орган Народного Комиссариата Продовольствия—Отдел снабжения продовольствием фабрично-заводских и топливных рабочих (сокращенно Продфазтоп), имеющий свои губернские органы. Продовольствием железнодорожников, водников и строительных

70. **Комиссия по производственной одежде.** рабочих ведают специальные организации. Снабжением рабочих необходимой им для работы одеждой занимается специальная Комиссия по производственной одежде (сокращенно Проодежда) при Всероссийском Центральном Совете Профессиональных Союзов. Производственная одежда как общая (рабочий костюм), так и специальная (смотря по работе) выдается рабочим бесплатно, но только в пользование, как инвентарь предприятия. Помимо одежды (куда входит обувь и головной убор) выдается мыло и ручные полотенца, также бесплатно. Снабжение рабочих жилищами производится земельно-жилищными отделами советов рабочих депутатов.

71. **Натуральная сдельная оплата и натуральное премирование труда.** На-ряду со снабжением по карточкам, которое начинает приводиться в связь с производительностью труда (трудовой паек), возникли и растут под влиянием обесценения денег натуральная сдельная оплата и натуральное премирование труда. Их применение началось с труда крестьян, которых иными способами привлечь не удавалось (лесозаготовки, добыча торфа, работа на свекловичных плантациях), и перешло сначала в добывающую промышленность (угольную, нефтяную и др.) и кустарную, а теперь предстоит их распространение на все отрасли труда. Разработка соответственных натуральных тарифов (на-ряду с денежными) производится Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов.

72. **Снабжение Красной армии.** Снабжение Красной армии продовольствием ведется особым органом Народного Комиссариата Продовольствия—

Управлением продовольственным снабжением Красной армии (сокращенно Главснабпродарм), имеющим свои фронтовые органы. Снабжением Красной армии обмундированием и прочим военным снаряжением, а также боевыми припасами и всякого рода военным имуществом ведает чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны по снабжению Красной армии (Чусоснабарм), которому подчинены все органы снабжения Красной армии, многие из которых сохранили свою старую организационную структуру до-революционного периода. В настоящее время дело снабжения Красной армии построено в значительной мере на органах Высшего Совета Народного Хозяйства, которым переданы многие функции, до того выполнявшиеся военными учреждениями.

Снабжением промышленности и распределением ее продуктов ведают несколько учреждений, до сих пор мало связанных друг с другом. Распределение топлива всякого рода: дров, древесного угля, каменного угля и нефти находится в руках Главного топливного комитета (сокращенно Главтоп) Высшего Совета Народного Хозяйства, у которого есть и губернские органы: губернские топливные комитеты. Им же распределяются и смазочные и многие осветительные материалы. Распределением металлов и многих металлических изделий ведает особый орган отдела металлической промышленности Высшего Совета Народного Хозяйства—Комитет по продаже и распределению металлов (сокращенно Продрасмет), также имеющий на местах свои губернские комитеты. Распределением многообразных химических материалов и продуктов ведает подотдел снабжения отдела химической промышленности (сокращенно Химснабжение) Высшего Совета Народного Хозяйства. Многие фабrikаты распределяются (в виду отсутствия соответственных распределительных органов) главными управлениями предприятий, производящих эти фабrikаты, на основании поступающих требований и заказов. Наконец, предметы широкого потребления распределяются особым отделом Главного управления общего распределения, органом Народного Комиссариата Продовольствия. Разного рода специальные предметы—соответственными учреждениями (напр., медикаменты Народным Комиссариатом Здравоохранения).

Легальная внутренняя торговля почти не существует и заменена аппаратом государственного распределения, внешняя же торговля (также до последнего времени не производившаяся вследствие полной блокады Советской России, строго проводившейся капиталистическими странами Согласия) монополизирована Советским государством в лице его специального органа—Комиссариата Внешней Торговли (сокра-

73. Снабжение промышленности и распределение ее продуктов.

74. Народный Комиссариат Внешней Торговли.

женно Наркомвнешторг), возникшего исторически из министерства торговли и промышленности. При нем существует совет внешней торговли, в котором участвуют представители учреждений, заинтересованных в импорте или экспорте. При Высшем Совете Народного Хозяйства существует специальная комиссия по внешнему товарообмену, выясняющая потребность промышленности в импорте и ресурсы экспорта.

75. Народный Комиссариат Финансов.

Народный Комиссариат Финансов (бывшее министерство финансов) претерпел за годы революции значительные перемены. После национализации государственного, а вскоре затем и всех частных банков, управление всеми банками перешло в руки Народного Комиссариата Финансов (сокращенно Наркомфин). Только кооперативный банк существовал сравнительно долгое время, как отдельное учреждение. В настоящее время все банки слиты с Государственным Казначейством в один расчетный аппарат Советской Республики, и даже самое название банка больше не существует. Учет монопольных продуктов передан соответственным органам Высшего Совета Народного Хозяйства и Народного Комиссариата Продовольствия.

76. Отмирающие деньги.

Деньги постепенно теряют всякое значение. Обязательства (хотя бы формального) размена кредитных денег на золото давно не существует; вновь печатаемые денежные знаки называются попросту расчетными знаками Советской Республики (а не кредитными деньгами). Государством признано (в твердых ценах) падение курса бумажных денег в 60—100 раз; цены на вольном рынке поднялись от 1.000 до 10.000 раз и продолжают подниматься, что в значительной мере объясняется ростом безденежного (натурального) обмена. Обесценение денег вызывает необходимость в натуральной оплате труда и натуральном государственном товарообмене с крестьянами. Государство стремится расчеты между государственными учреждениями производить без участия расчетных знаков путем бухгалтерских взаимных перечислений. Точно так же отмирает и налоговая система, заменяемая общественным распределением (назначением известных количеств каждого продукта на нужды армии, больниц, приютов, школ, на снабжение детей, служащих государства и т. д.). Первое время на буржуазию налагали контрибуции, облагают еще и сейчас налогами имущества и доходы.

77. Финансово-счетный отдел Высшего Совета Народного Хозяйства.

Все финансирование промышленности производится через Финансово-счетный отдел Высшего Совета Народного Хозяйства, который ведет также большую работу по проведению единообразной отчетности для всех предприятий и их объединений. Наличие специального фонда в распоряжении Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства придает фи-

нансированию промышленности необходимую эластичность. Предприятия живут по сметам, а все доходы поступают в государственную кассу. Утверждение смет производится специальной сметной комиссией. Производственные* отделы и главные управления имеют свои финансовые органы, подчиненные Финансово-счетному отделу Высшего Совета Народного Хозяйства (а также и свои сметные комиссии).

Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции 78. Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции. (бывший Государственный Контроль) осуществляет контроль над деятельностью всех учреждений Республики, в том числе и хозяйственных, особенно в вопросах финансирования, снабжения и распределения. Рабоче-крестьянская инспекция опирается на профессиональные союзы; ее низшие органы—это фабричные и заводские ячейки. Деятельность пролетариев в качестве сотрудников рабоче-крестьянской инспекции в хозяйственных органах знакомит их с работой хозяйственных органов и подготавливает для позднейшей административной и хозяйственной деятельности. Для контроля над деятельностью промышленных предприятий и организаций существует отдел инспекции при Высшем Совете Народного Хозяйства, как орган Президиума.

Так как громадная масса крестьянства, а также кустари 79. Борьба со спекуляцией, саботажем и взяточничеством. и ремесленники являются мелкими производителями, то значительное количество продуктов не попадает на учет государственных органов, а идет на „вольный“, т.е. спекулятивный, рынок. К этому присоединяется слабость новой трудовой дисциплины в рядах советских служащих (т.е. служащих советского государства), а изредка и сознательный саботаж работы со стороны контр-революционных элементов. И среди рабочих еще часты случаи нарушения трудовой дисциплины. С вольным рынком Советская власть борется посредством конфискации утаенного, производимой военно-продовольственными отрядами, конфискацией провозимых сверх норм продуктов, производимой заградительными отрядами, посредством облав на рынках и т. д. Борьбой со спекуляцией, саботажем, взяточничеством и пр. занимается Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должностям (сокращенно В. Ч. К.) и ее местные органы. Руководство ее деятельностью в области экономической осуществляется особой межуведомственной комиссией, в состав которой входят представители Высшего Совета Народного Хозяйства и экономических народных комиссариатов.

По существу дела весь грандиозный процесс организации 80. Тенденция к объединенной организации на- народного хозяйства Советской России является с неизбежными временными и частичными отступлениями—процессом

родного хозяйства. создания единой организации народного хозяйства Республики. Так, напр., большинство органов Высшего Совета Народного Хозяйства образовалось путем слияния различных частных* учреждений и органов прежних министерств; этот процесс продолжается и сейчас. Как будущий единый центральный орган народного хозяйства выдвигается Высший Совет Народного Хозяйства. Тенденция к объединению проявляется в персональном вхождении Народных Комиссаров (сначала путей сообщения и внешней торговли, затем и земледелия) в Президиум Высшего Совета Народного Хозяйства в качестве его членов и членов Президиума в коллегии Народных Комиссариатов (земледелия и финансов); в участвующих совместных заседаниях Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства с Президиумом Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, коллегией Народного Комиссариата Продовольствия и др.; в совмещении в одном лице должностей председателя Высшего Совета Народного Хозяйства и чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной армии и т. д.

81. Центральная Комиссия по производственным программам.

Стремление к созданию разработанного единого хозяйственного плана выразилось в недавнем создании высшего органа производственной политики—Центральной производственно-технической комиссии (сокращенно Ц. П. К.) при Президиуме Высшего Совета Народного Хозяйства, которая должна установить производственные программы различных отраслей промышленности и земледелия, а также разрешать вопросы о новых производствах и работах. Аналогичные производственные комиссии для рассмотрения производственных программ главных управлений существуют и при некоторых производственных отделах Высшего Совета Народного Хозяйства.

Грандиозную работу по выработке контуров общего хозяйственного плана для всей необъятной территории Республики Советов с точки зрения вероятного и желательного развития производительных сил в ближайшее десятилетие выполняет Государственная комиссия по электрификации России (сокращенно Гозэро), основанная для разработки плана электрификации России согласно постановлению высшего органа Республики—Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

82. Высший Совет по перевозкам.

Для объединения перевозок и внесения планомерности в дело использования транспортных средств создан и функционирует высший орган транспортной политики—Высший Совет по перевозкам (сокращенно В. С. П.) при Совете Народных Комиссаров; в его состав входят представители Народного Комиссариата Путей Сообщения, Высшего Совета

ного Хозяйства, Народного Комиссариата Продовольствия, Народного Комиссариата по военным делам и др. Высший Совет по перевозкам устанавливает, сколько в течение месяца должно быть перевезено грузов продовольственных, сколько военных и т. д.

Для выделения наиболее важных предприятий и обеспечения рабочих и служащих этих предприятий обычным или увеличенным продовольственным пайком функционирует специальная комиссия по снабжению рабочих при Народном Комиссариате Продовольствия, составленная из представителей Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Народного Комиссариата Труда, Высшего Совета Народного Хозяйства и др. учреждений.

Для установления твердых цен на все продукты и материалы функционирует при Высшем Совете Народного Хозяйства Комитет твердых цен, в который входят представители Народного Комиссариата Продовольствия, Народного Комиссариата Финансов и др.

При Высшем Совете Народного Хозяйства функционирует и Центральный Комитет по использованию материальных ресурсов (сокращенно Компрессурс) Советской Республики, состоящий из представителей Высшего Совета Народного Хозяйства, Народного Комиссариата Продовольствия, чрезвычайного уполномоченного Совета Оборона по снабжению Красной армии, Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов и Народного Комиссариата Внешней Торговли. Этот Комитет устанавливает для каждого продукта, сколько его должно быть передано для Красной армии, сколько для распределения среди населения, сколько употреблено на премирование заготовок и рабочих, сколько на технические нужды, сколько передано в экспортный и сколько в резервный фонд; он рассматривает и утверждает материальные сметы, устанавливает порядок снабжения, численность различных категорий населения, нормы снабжения этих категорий (рабочих, крестьян и т. д.), средние нормы натурального премирования заготовок и труда и т. д. Разработка планов и норм производится специальными органами Комитета.

Руководство статистикой находится в руках Центрального статистического управления.

Однако действительного единого центра организации народного хозяйства пока не существует. В известной мере суррогатом его является Совет труда и обороны, изменивший свой характер и название с тех пор, как так называемый „хозяйственный“ фронт стал выдвигаться на первый план, отодвигая фронты военные. В Совет труда и обороны входят как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства,

83. Комиссия по снабжению рабочих.

84. Комитет твердых цен.

85. Комитет по использованию материальных ресурсов.

86. Центральное статистическое управление.

87. Совет труда и обороны и советы трудовых армий.

так и Народные Комиссары Продовольствия, Путей Сообщения и другие.

Быть может, еще важнее объединение народно-хозяйственных организаций на местах, достигаемое в советах трудовых армий, куда кроме членов революционного военного совета армии входят уполномоченные Высшего Совета Народного Хозяйства и экономических комиссариатов. Как губернские советы народного хозяйства, так и губернские органы экономических комиссариатов остаются подчиненными уполномоченным своих центров, но деятельность их из разрозненной (вследствие отсутствия общего всероссийского центра) становится более связной, стремящейся бить в одну общую цель, хотя пока только в узком местном масштабе. Советы трудовых армий становятся благодаря этому координирующими местными центрами—суррогатами местных координирующих органов будущего единого центра всей организации народного хозяйства страны.

V. Фазы развития организации народного хозяйства в Советской России.

Развитие организации народного хозяйства в Советской России является, разумеется, очень сложным и непрерывным процессом, фазы которого могут быть указаны только условно в смысле преобладания характерных для определенной фазы признаков.

88. Период
доэкономического
строительства
Советской России.

Первые полгода существования Советской Республики с ноября 1917 года по май—июнь 1918 года являются периодом доэкономического строительства, когда решительно преобладал процесс организации политической власти только что победившего пролетариата, боровшегося среди самых тяжелых условий против внутренних и внешних врагов, еще не допускавших мысли об окончательном укреплении нового строя. С экономической стороны этот период характеризуется уничтожением организации финансового капитала (национализацией банков); установлением политической диктатуры пролетариата над буржуазией и в производственном процессе, но без полного устранения ее из предприятий, происходившего только стихийно и хаотически (принудительное подчинение капиталистов рабочему контролю под страхом конфискации предприятия в случае неподчинения владельца); попыткой демобилизации промышленности (после ноября 1917 г.); аграрной революцией (изгнанием помещиков из деревни и захватом земель крестьянами); обострением продовольственного, транспортного и промышленного кризиса; наконец, насилием германского империализма, навязавшего без-

защитной стране неслыханные условия мира, равносильные экономической гибели (лишение районов продовольствия, сырья и топлива).

Почти год с мая—июня 1918 г. по январь—февраль 1919 г. является периодом организационного экономического строительства, преодоления кризиса производственных отношений. Советская Республика находилась под страшным давлением германского империализма, душившего ее после Брестского мира; в то же время начался и натиск империалистских держав Согласия (мятеж чехо-словаков, оккупация черноморских портов и т. д.), значительно усилившийся после краха германского империализма. С экономической стороны этот период характеризуется установлением командной власти пролетариата и в предприятиях (национализация промышленности); организацией промышленности (главных управлений, соответствующих в смысле производственной организации капиталистическим синдикатам и трестам); значительным сокращением свободы рынка (путем замены частной торговли государственной монополией и государственным распределением) постановкой государственной заготовки продуктов крестьянского производства; классовым расслоением деревни (организация комитетов бедноты) и уравнивательным переделам крестьянских земель, частично экспроприировавшим крупных крестьян в пользу средних; организацией советских земельных хозяйств (прежде всего свеклосахарных); новой мобилизацией промышленности; особым обострением продовольственного и продолжением транспортного и промышленного кризиса, а также кризисом топливным; рассасыванием городов и недостатком в рабочей силе, особенно квалифицированной. В течение этого периода организовалась Красная армия, нанеся поражение чехо-словакам и донским казакам. Основным препятствием в борьбе с разрухой являлся наряду с гражданской войной кризис производственных отношений, процесс создания новой пролетарской организации народного хозяйства, вследствие чего прежняя организация его уже не функционировала, а новая еще не функционировала сколько-нибудь нормально.

Последний год с января—февраля 1919 г. по январь—февраль 1920 г. является периодом острого недостатка в материальных ресурсах (продовольствии, сырье, топливе, металлах). Хотя районы, поставлявшие как продовольствие и сырье, так и топливо и материалы, оказались отрезанными от центральной России уже с начала лета 1918 года, однако результаты этого сказались несколько позже. Республика Советов находилась под концентрическим натиском империалистических государств Согласия, окруживших нас герметическим

89. Период организационного экономического строительства.

90. Период острого недостатка материальных ресурсов (металлов, сырья, топлива, продовольствия).

кольцом блокады и пытавшихся организовать наступление своих вассалов со всех сторон. С экономической стороны этот период характеризуется процессом объединения народного хозяйства Республики (создания органов осуществления общего хозяйственного плана в отдельных сферах хозяйственной деятельности); судорожной борьбой предприятий с грозившей им смертью от удушья; развитием применения суррогатов и всяких ухищрений; успешной концентрацией усилий на военной промышленности и заготовке драгоценного топлива; совершенствованием всего хозяйственного аппарата (продовольственного, топливного, транспортного и т. д.); страшным обострением промышленного, топливного и транспортного кризиса и продолжением кризиса продовольственного и рабочей силы; сокращением промышленного земледелия и культурного животноводства. В этот период новый аппарат промышленности уже существовал, но не мог работать из-за отсутствия материала для работы.

91. Положение в настоящий момент.

Последние месяцы положение изменилось коренным образом. Окрепшая и выросшая в двухлетней борьбе Красная армия разбила всех врагов Советской Республики: на востоке — Колчака, на юго-востоке — Дутова, на юге — Деникина, на северо-западе — Юденича и на севере — войска Согласия, а в настоящее время успешно бьет и белополяков. Мобилизованная военная промышленность обеспечила армию достаточными запасами военного снаряжения, снабжение Красной армии организовано и функционирует совсем по-иному, чем раньше. Транспорт продовольствия, топлива и промышленных грузов усилился. Заготовка продовольствия увеличилась. Снабжение рабочих и городов улучшилось. Кольцо блокады сломлено, и самая блокада сорвана; капиталистические страны Согласия под давлением рабочих организаций (и по ряду других причин) вынуждены выразить согласие на возобновление экономических отношений с Советской Россией. Колесания промежуточных элементов ослабевают: крестьянство сдает продукты сельского хозяйства, служащие приступают к работе без задних мыслей.

92. Экономические возможности ближайшего будущего.

Преодоление хозяйственной разрухи и намечающийся подъем производительных сил вынуждены бороться с кризисом технического оборудования, ставящим определенные объективные пределы такому подъему. Эти пределы могут быть раздвинуты ввозом оборудования из-за границы в Россию, страну, собственное машиностроение которой недостаточно развито как в качественном, так и в количественном отношении, самый капитализм которой был привозным. Блокада Советской России, лишаящая ее необходимого ее промышленности, земледелию и транспорту привоза оборудования, есть

в то же время и блокада Западной Европы, лишаящая последнюю не менее необходимого ей продовольствия и сырья, по отношению к которым Соединенные Штаты Северной Америки становятся монополистом. А неиспользованные ресурсы Советской России (даже и в отношении оборудования) достаточно велики, и степень их использования может быть (особенно при происходящей рационализации народного хозяйства) так сильно повышена, что Советская Россия может бороться с хозяйственной разрухой, постепенно увеличивая производство по сравнению с его нынешним состоянием, достаточно долгое время; дольше, чем капиталистический режим некоторых стран Западной Европы сможет противостоять развивающейся там хозяйственной разрухе, упадку капиталистической трудовой дисциплины и возмущению пролетариата.

Импорт технического оборудования (в достаточных размерах) временно отодвинет, а торжество советского строя в одной из передовых индустриальных стран — окончательно снесет объективные пределы, которые ставит недостаток оборудования расширению производства и, следовательно, преодолению хозяйственной разрухи в Советской России, т. е. откроет возможность *беспрепятственного* развития производительных сил. Происходящий сейчас в Советской России процесс полного объединения и, следовательно, полной рационализации народного хозяйства, переход пролетариата от организационной (социально-экономической) деятельности к производственной (экономико-технической) и устранение товарного хозяйства посредством установления государственно-организованного сотрудничества города и деревни подготавливают эту последнюю победу пролетариата Советской Республики — победу над хозяйственной разрухой, оставленной ему в наследство старым капиталистическим миром.

Москва,
август 1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Ю. Ларин Очерк хозяйственной жизни	
Вместо предисловия	3
Предпосылки.	5
Земледелие	8
Транспорт и топливо	28
Пролетариат	38
Промышленность.	55
 А. Крицман. Организация народного хозяйства в Советской России.	
I. Характер революции	105
II. Условия работы по организации народного хозяйства Советской России	106
III. Методы организации народного хозяйства Советской России	111
IV. Как организовано народное хозяйство Советской России	116
V. Фазы развития организации народного хозяйства в Советской России	138